

ПОДВИГ,

СЕМЁН
БОРЗУНОВ

ОТЛИТЫЙ

В СТРОКИ

СЕМЕН БОРЗУНОВ

ПОДВИГ, ОТЛИТЫЙ В СТРОКИ

ПОВЕСТИ О ЖУРНАЛИСТАХ

МОСКВА • 1974

Борзунов Семен Михайлович.

Б82 **Подвиг, отлитый в строки. Повести о журналистах. М., «Современник», 1974.**
256 с.

Военный писатель Семен Михайлович Борзунов в сборнике «Подвиг, отлитый в строки» с любовью рассказал о тех, кто в годы Великой Отечественной войны под огнем противника, часто рискуя жизнью «ради нескольких строчек», создавал летопись грозных дней.

Б 70302—090—2—74
106(03)—74

P2

Семен Михайлович Борзунов — военный писатель. Все, о чем он пишет, документально, а поэтому правдиво. Факт и документ — его знамя. Он участвовал в грозной Отечественной, был политработником и журналистом, писал о подвигах солдат и офицеров и видел, как эти подвиги отливались в строки, напечатанные в газете.

Широко известны книги Семена Борзунова о войне, известны и очерки о Якове Чапичеве, Герое Советского Союза, комиссаре и поэте, начинавшиеся с маленькой заметки в журнале, а ныне превратившиеся в большую документальную повесть, которая печатается в этом сборнике. Много лет автор по крупице собирал материал о жизни Якова Чапичева. Он разыскал его семью, фронтовых друзей, воссоздал картины боев, в которых поэт участвовал. И благодаря этому поиску перед читателями предстает цельный, обаятельный образ человека одаренного, беззаветно храброго.

Герои повести «Не первая атака» — солдаты стрелкового полка, добровольно вызвавшиеся форсировать Дон, чтобы расчистить путь для готовящихся к наступлению боевых частей. С большой теплотой описан С. Борзуновым главный ее герой — киргиз Чолпонбай Тулебердиев. Юноше, порывистому, горячему, все время кажется, что он опоздает совершить свой подвиг. Он первым переправляется через Дон, первым вступает в атаку, а когда дот противника, заброшенный Чолпонбаем гранатами, снова оживает, солдат, уже раненный, подползает к нему и прикрывает пулемет своим телом...

Повесть «Ради нескольких строчек» рассказывает о нелегком труде фронтового кор-

респондента, который, часто рискуя жизнью, стремится всегда быть рядом с теми, о ком ему предстоит писать, быть на переднем крае, в бою. Ведь правдиво может прозвучать только то, что сумеет пережить и почувствовать автор. Ради такой правды и сам Семен Борзун — в годы войны корреспондент дивизионной, а затем армейской газеты — четырежды переправлялся через кипящий от пуль и снарядов Днепр. За повесть «Ради нескольких строчек» он удостоен премии имени Фурманова.

Каждое его произведение автобиографично в лучшем смысле этого слова, потому что автор сам принимал непосредственное участие в боях, переправлялся через Днепр под вражеским огнем, писал о тех, кто воевал рядом с ним. Именно в том и состоит ценность его произведений, что в них нет ничего надуманного, нежизненного.

Книга «Подвиг, отлитый в строки» состоит из трех повестей. Она охватывает события почти тридцатилетней давности, в ней живо оживают огненные годы. И в этом смысле журналисты и писатели, поднимающие военную тему, являются летописцами солдатских подвигов. Пусть те, кто вернулся с войны живыми, о ком рассказывал автор, теперь постарели, но служат в армии, работают на производстве и в колхозах их дети и внуки — нынешние читатели этой книги. Пусть же они гордятся подвигами своих отцов, пусть живет в веках слава героев!

Николай Асанов

**ПОДВИГ,
ОТЛИТЫЙ
В СТРОКИ**

ВМЕСТО ПРОЛОГА

«В 1934 году читатели журнала «Красноармеец» встретили на страницах январского номера стихи молодого артиллериста Якова Чапичева. Солдат писал о светлом будущем нашей Родины, о вдохновенном ратном труде красноармейцев. С тех пор прошло тридцать лет. Как же сложилась дальнейшая судьба молодого солдата-поэта?

Не всегда редакция в состоянии ответить на этот вопрос: иной автор появится в журнале и вдруг по каким-то причинам долго не даст о себе знать... Якова Чапичева мы знали заочно, знали о нем очень мало, лишь то, что он красноармеец и, судя по первому стихотворению, серьезно относится к своему творчеству...

И вот через тридцать лет в редакцию поступили новые стихи, на этот раз присланные не самим Чапичевым, а его фронтовым другом...

Такое вступление сделала редакция литературно-художественного журнала «Советский воин» к моему очерку о Чапичеве, напечатанному в шестом номере за 1964 год. В том же номере были опубликованы и стихи, которые многие годы хранились в моих фронтовых блокнотах и о существовании которых читатель не знал. Позже, уже в 1965 году, я отослал эти и другие неизвестные стихи поэта в издательство «Крым», где они были напечатаны в сборнике с очень точным названием: «Строка, оборванная пулей».

Где, когда и при каких обстоятельствах я познакомился с поэтом Яковом Чапичевым? Как попали в мои блокноты его стихи?

Как-то месяца через два после взятия нашими войсками Берлина я просматривал центральные газеты. В одной из них прочел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении большой группе воинов звания Героя Советского Союза. Среди награжденных была фамилия моего фронтового друга майора Якова Чапичева. Полагая, что он чудом остался в живых, я тогда же стал разыскивать его. Но результаты поисков оказались неутешительными: из Главного управления кадров Министерства обороны СССР сообщили, что майор Чапичев погиб...

Память о фронтовом друге не давала мне покоя. И вот однажды, много лет спустя, произошла встреча, которая с

повой силой всколыхнула во мне воспоминания о Чапичеве и заставила написать о нем.

В начале 1962 года группа военных писателей-москвичей совершала поездку по Закавказским республикам. Мы побывали в Баку, Ереване, Тбилиси... Всюду проходили пленумы союзов писателей по военно-патриотической литературе, встречи с авторами военных книг и с их читателями. В Тбилиси в перерыве между заседаниями ко мне подошел писатель Эммануил Фейгин. Он сказал, что работает над книгой о друге своего детства Яше Чапичеве.

— Уж не о том ли Чапичеве, который писал стихи и воевал на Волховском фронте?

— Стихи он, верно, писал, а вот военную биографию его я знаю плохо,— откровенно признался Фейгин.

Мы долго потом сидели вдвоем и говорили о нашем общем друге. Фейгин вспоминал юпошеские годы. Оказалось, что он учился в одной школе с Чапичевым, знал его еще «мальчиком» в частной парикмахерской Ветросова, потом кочегаром-шлакочистом, комсомольцем-синеглазником, остроумным и неутомимым. Был с ним в одном литературном кружке, где часто спорили, критиковали друг друга.

— Наше знакомство с Яшей,— рассказывал Фейгин,— было не очень продолжительным, мы вскоре разъехались в разные города и встретились уже повзрослевшими. Позже служили в одной дивизии. И все же написать книгу о Чапичеве я долго не решался. Боялся, не одолею, не хватит материала, да и адреса его родных я растерял. Не знаю, где сейчас его жена, дочь, сестры, братья...

Тут Фейгин стал расспрашивать меня, уточняя детали, даты, пункты и места службы Чапичева: я понял, что ему действительно не хватало многих важных фактов, а он хотел написать достоверную и правдивую книгу о поэте и солдате. В 1964 году такая книга под названием «Здравствуй, Чапичев!» увидела свет. На первых ее страницах автор сообщал:

«...Я слишком мало знал о боевых делах Якова в годы войны: были мы на разных участках фронта, далеко друг от друга, встречались лишь дважды, да и встречи эти были очень кратковременными. Что касается фронтовых товарищей Якова, то почти ни с кем из них я не был знаком.

Все же я начал работать над повестью, и мне повезло. Когда повесть в основном была уже написана, я

прочитал некоторые ее главы человеку, которого солдатская судьба свела с Чапичевым в первые, самые тяжелые месяцы войны. Имя его — Семен Михайлович Борзунов. Он полковник, военный журналист, живет и работает в Москве, а в грозном сорок первом году был корреспондентом армейской газеты «В бой за Родину», в той самой армии на Волховском фронте, в составе которой воевал и Яков.

Нет нужды говорить, как я обрадовался встрече с фронтовым товарищем героя повести. Ведь Волховский фронт был одной из самых малоизвестных мне страниц биографии Чапичева. Встреча с полковником в какой-то мере помогла восполнить этот пробел. Его воспоминания о Чапичеве послужили мне материалом для новой главы повести. Я назвал эту главу «Революцией призванный...»

Эта тбилисская встреча заставила меня отыскать фронтовые блокноты, припомнить минувшее и выполнить наконец свою давнишнюю мечту и долг перед боевым товарищем — написать о Якове Чапичеве в газету. Когда очерк опубликовали, ко мне стали стекаться письма от друзей поэта, от его фронтовых товарищей, от родных. Оказалось, что все вместе мы довольно много знаем об этом замечательном человеке — поэте, журналисте, воине.

Впервые я встретился с Яковом Чапичевым в конце 1941 года, накануне наступления гитлеровцев в районе Тихвина. Я работал тогда корреспондентом ежедневной красноармейской газеты 4-й армии «В бой за Родину». В те дни почти все ее сотрудники постоянно находились в частях и подразделениях. Нам доводилось быть не только свидетелями, но и непосредственными участниками многих схваток с гитлеровцами. Обо всем виденном в боях и походах, о том, как росло и крепло воинское мастерство наших бойцов и командиров, об их замечательных подвигах, о сердечности и моральной чистоте фронтовиков мы писали в свою газету и с помощью самых невероятных okazji пересылали материалы в редакцию, бывая в ней от случая к случаю.

Однажды, получив очередное задание, я отправился на передний край нашей обороны. Вначале ехал на конной машине, потом пересел на подводу и наконец пешком добрался до штаба одного из полков. В землянке уже сидел мой коллега политрук Сергей Деревянкин. Нам дали связного, и вскоре мы оказались в батальоне, ведущем тяжелый бой с врагом.

Несколько солдат стояли на опушке дубовой рощи и с горьким чувством следили за танком, медленно выползавшим из боя по открытой местности. Ствол его пушки наведен туда, где грохотали разрывы снарядов и над заснеженным полем вздымались черные смерчи дыма. Отвоевавшийся танк шел все медленнее, сильно грохоча левой гусеницей.

Вот он резко затормозил и, словно боясь наткнуться на что-то, круто развернувшись, остановился. Корпус его качнулся сначала вперед, потом назад и замер. Слегка каплями воды оседал на раскаленную броню, испарялся, и танк весь будто курился.

«Т-34» стоял черный, облепленный комьями земли, впереди зияла рваная пробоина, на боках — вмятины. Огонь и осколки почти полностью уничтожили краску на корпусе. От непрерывной стрельбы осыпалась краска и на пушке. Башня напоминала человеческое лицо, изуродованное оспой: так густо ее изрешетили снаряды. В задней части «тридцатьчетверки» виднелась еще одна пробоина.

Вокруг машины заботливо, как врач, ходил почерневший от усталости, ветров и дыма совсем еще юный, небольшого роста танкист и, постукивая по броне ключом, приговаривал:

— Ничего, родная, залечим...

— Здорово раздолбали, — сказал один из бойцов.

— Это не беда! — отмахнулся танкист. — Пушка и мотор живы — значит, и танк будет жить...

Подойдя поближе, я спросил:

— Чья машина?

— Старшины Потапова, — ответил он и с грустью добавил: — Два дня не выходил из боя. Вчера в нем сгорел башенный стрелок. — Солдат показал в сторону, где среди деревьев виднелся небольшой холмик, уже запорошенный снегом.

— А где же остальные члены экипажа?

— Потапова в госпиталь отправили... С ожогами...

По всему видно было, что танкист смертельно устал, под его глазами залегли глубокие тени. Он едва держался на ногах и не был расположен к разговору с незнакомым человеком. Заметив кого-то, показал рукой:

— Вот товарищ политрук идет, он сейчас остался за командира. Спросите, расскажет обо всем.

Я повернулся и в нескольких шагах от себя увидел плотного, на вид сурового танкиста лет тридцати. Он был в черной меховой куртке, ватных брюках и больших кирзовых сапогах. На узком несвоенном поясе, почему-то с левой стороны, болталась массивная, необычного вида кобура. Из нее торчала рукоять парабеллума. На голове вместо обычного танкового шлема красовалась надвинутая низко на лоб шапка-кубанка, из-под которой виднелся окровавленный бинт. Большие черные глаза были воспалены, губы потрескались, из них сочилась кровь.

Я назвал себя, сказал, что хотел бы написать о людях полка, отличившихся в боях.

— Чапичев! — отрекомендовался политрук и сразу оживился. Взгляд его потеплел. На лице мелькнула улыбка. — Вы прибыли очень кстати. Третий день отбиваем непрерывные атаки. Что ни солдат, то герой! Рассказать о них в газете надо. Обязательно! Сам бы написал, да времени ни черта нет. Фашист не дает ни минуты покоя...

К нам подошло еще несколько бойцов. По всему видно

было: послушать политрука здесь любили. Один из бойцов устало спросил, как там дела под Москвой.

Чапичев сдвинул кубанку на ухо, поскреб висок и с пагубным огорчением ответил:

— Геббельс кричит: теперь у немцев дело пойдет как по маслу!

Бойцы теснее прижались друг к другу, дружнее задымили сигарками.

— Скоро, дескать, они увидят Москву,— все так же невозмутимо продолжал политрук.

— Может, опять где прорвались, сволочи?! — зло, сквозь зубы процедил красноармеец.

— Прорвались или десант высадили? — спросил другой, обращаясь к политруку.

— Не высадили, а посадили! — серьезно ответил Чапичев. — В Германии... крупного капиталиста, который поставлял армии фюрера бинокли... Его-то гестапо и посадило.

— За что же? — удивились бойцы.

— Бинокли оказались никудышними: сколько ни наводишь, а Москвы не видать как своих ушей...

Дружным хохотом встретили шутку танкисты. Сергей Деревяшкин тоже с удовольствием смеялся. Ему, видно, понравился неунывающий политрук.

Когда смех утих, Чапичев озабоченно добавил:

— И еще новость — с маслом у немцев стало туговато. Опять все насторожились.

— Даже солдатскую норму, говорят, урезали наполовину. — Политрук надвинул кубанку на лоб. — Видите ли, оно им теперь нужно не столько для бутербродов, сколько для другой цели: готовятся смазывать пятки под Москвой...

Взрыв хохота потонул в гуле минометного обстрела. Вражеские мины густо ложились вокруг командного пункта, осколки со свистом разлетались во все стороны.

— Фашисты критики не терпят! — заметил Чапичев. — Не успел сказать о них худое слово, сразу же из миномета палить начали, — и, обернувшись к танкисту, все еще осматривавшему свою подбитую машину, позвал: — Силаков! Проводите корреспондентов в землянку, захватите гранаты и догоняйте меня: буду в третьей...

Нас такое решение не устраивало.

— Корреспонденту важно все видеть своими глазами.

Только тогда и получится настоящий материал для газеты,— сказал я Чапичеву.

— Правильно,— горячо отозвался он.— Да и мне будет веселее. Я ведь, скажу по секрету, вовсе не танкист. Здесь я вроде по совместительству, а работаю в пашей дивизионке.— И уже на ходу, как бы между прочим, но с подчеркнутой гордостью добавил: — Газетчик я!

Эти слова поразили нас: не часто случается встретить коллегу на передовой линии фронта, да еще в роли командира танка! Теперь мне стала ясна брошенная им фраза: «Сам бы написал, да времени ни черта нет...»

Пока мы пробирались к третьей роте, я кое-что еще попытал у Чапичева. Узнал, что в дивизионке на должности инструктора-литератора он служит с мая 1940 года; что танкисты прибыли сюда с Дальнего Востока и уже несколько дней подряд ведут ожесточенные бои против гитлеровцев. И все же о себе Чапичев говорил скупое, а вот о старшине Потапове и его экипаже охотно и подробно.

...До войны Николай Потапов жил на Дальнем Востоке. В 1940 году ушел в Красную Армию. С отличием окончил школу младших командиров и вскоре стал механиком-водителем. Войну молодой танкист встретил на тихвинском участке фронта. Здесь они и познакомились с Чапичевым.

— Отчаянной храбрости человек, этот Потапов,— голос политрука потеплел.— Я ему жизнью обязан. Бой был ожесточенный. Танк Николая тогда шел головным, сокрушительным огнем прокладывая дорогу другим, уничтожая все на своем пути. Вдруг тяжелый вражеский снаряд попал в левый фрикцион, второй — в башню. Меня тяжело ранило, башенный стрелок был убит. Фашисты стали подбираться к подбитому танку. Крепко сжав рычаги, Потапов попытался вывести его вперед, но заглох мотор. Тогда Николай помог сначала мне, а потом сам выбрался из обреченной машины. Вывалившись через люк, мы залегли в канаве и стали стрелять по гитлеровцам, которые окружали танк. И тут Потапов заметил залегшего в канаве фашиста, целившегося в меня. На какую-то долю секунды выстрел Николая опередил выстрел гитлеровца... На смену убитому появилось еще несколько автоматчиков, которые, уже не стреляя, ползли к танку: видно, решили взять русских живыми. Отстреливаясь, Потапов взвалил меня на спину, и нас укрыл лес, который был в песколь-

ких шагах. Пока я выздоравливал, случилась беда с Николаем: в одном из боев он обгорел в танке и попал в госпиталь... — Чапичев опустил голову и замолчал.

— Зачем же я ехал в такую даль? — неожиданно спросил Деревянкин.

— Как зачем? — недоуменно посмотрел на него Чапичев.

— Вы и сами не хуже меня сделали бы материал для нашей газеты...

— А время где взять? В свою дивизионку и то некогда писать, — посетовал Чапичев.

— Но хоть иногда-то пишете? — не унимался корреспондент.

Чапичев доверительно посмотрел на него, махнул рукой, будто хотел сказать: «Эх, была или была!» — и признался:

— Приходится. Иногда стихи пописываю...

Скромно так сказал: «Пописываю...» Чуть позже он достал из планшета и показал нам небольшую книжечку.

— Мои стихи. В Крыму выпустили. Земляки не забывают. Вот еще Хабаровское издательство просило подготовить сборник. Наверно, придется до лучших времен отложить творческие дела, слишком трудно совмещать две должности — газетчика и заместителя командира батальона по политчасти.

И все-таки, как мы узнали, он и в этой обстановке успевал писать стихи. Одно стихотворение, родившееся сразу после боя, по просьбе Сергея Деревянкина Чапичев записал мне в блокнот.

Наше пребывание в третьей танковой роте вместе с политруком Чапичевым оказалось очень плодотворным. Он знал в лицо всех бойцов, метко и точно характеризовал каждого, подробно рассказывал, кто и как проявил себя в бою. С его помощью мы быстро собрали необходимый материал и в тот же день уехали в редакцию. На прощанье Деревянкин многозначительно сказал Чапичеву:

— До скорой встречи у нас, в редакции.

— Лучше вы приезжайте к нам, на передовой — не в редакции, тут всем работы хватит.

— О-о, нет! Ошибаешься, товарищ поэт! И скоро, — опять подчеркивая это слово, возразил Сергей, — скоро, надеюсь, убедишься, что и в газете работы не меньше, чем на передовой.

Слова, сказанные Сергеем Деревяшкиным при прощании с Чапичевым, оказались пророческими: мы снова встретились с поэтом, но уже в редакции — по нашей рекомендации его назначили литсотрудником армейской газеты «В бой за Родину».

Трудно было расставаться Чапичеву с бойцами и командирами, с которыми породнился в горячих боях. Но приказ есть приказ. Яков шагнул от роты к роте, прощался с друзьями, ругая в душе заезжих корреспондентов: настояли все-таки на своем. Упорные, видать, да и в боевой обстановке свободно ориентируются. Особенно этот Сергей. На прощание Яков пообедал с бойцами первой роты, выпил чарку «наркомовской». Ребята хотели от кухни до землянки пройти с песней, но тут раздался сигнал боевой тревоги, и все, наскоро простившись, заняли свои места в танках. А Яков ушел к ожидавшему его штабному «газету». Он не успел еще сесть в него, когда увидел, как из леса, скрежеща и лязгая гусеницами, появились вражеские машины. Яков насчитал двадцать. «Против наших двенадцати!» — с тревогой подумал он. С горечью взглянул на свой подбитый, одиноко стоявший в поле танк.

— Скорей, товарищ политрук, а то немцы нам путь перережут...

Яков понимал, что такое могло произойти с минуты на минуту. Но в этот миг решалась судьба товарищей, и он не мог оставить их. Сначала вместе с залегшими в окопо солдатами стрелял по вражеским машинам из противотанковых ружей, потом бросал бутылки с зажигательной смесью...

Только после того, как была отбита очередная атака фашистов, он сел в машину. Очередная атака... Чапичев не мог сказать, сколько их было за время его работы заместителем командира танкового батальона и сколько будет еще. Не знал он тогда, что эта атака была началом нового наступления гитлеровцев, ставивших своей целью захват в тиски героический Ленинград.

В те осенние дни сорок первого года город на Неве оказался в тяжелом положении. Фашистские войска, потерпев поражение в лобовой атаке на город, обошли его с восточной стороны. Они прорвались к Ладожскому озеру и овладели крепостью Шлиссельбург. С севера Ленинград

был блокирован белофинскими частями. Таким образом, кольцо вокруг него замкнулось. Связь с Большой землей поддерживалась лишь по воздуху, а с наступлением зимы она осуществлялась по знаменитой ледовой трассе, получившей название «Дорога жизни».

Чтобы лишить город всякой связи с внешним миром, немецко-фашистское командование разработало план глубокого обхода Ленинграда с юго-востока, решив нанести мощный удар из района Чудова в направлении Тихвина и Волхова. Тем самым гитлеровцы намеревались соединиться с финскими войсками, оборонявшимися на реке Свирь, и замкнуть восточнее Ладожского озера второе кольцо вокруг Ленинграда.

В середине октября враг перешел в решительное наступление. Пробив брешь в стыке наших 52-й и 4-й армий, он устремился к Тихвину.

В Тихвине, где размещалась редакция армейской газеты, Чапичев попал только на другой день: всю ночь пришлось ремонтировать выдавшую виды машину. Старорусский деревянный город, расположенный к юго-востоку от Ладожского озера на холмистой возвышенности, гудел словно встревоженный улей. Военные штабы находились в машинах, стоявших во дворах и на улицах, готовые в любой момент по приказу тронуться в путь. Гражданское население уходило от надвигающейся на город смертельной опасности пешком, на подводах, тележках, мотоциклах, велосипедах.

Фронтальная дорога... Бесконечный поток повозок. Чапичев с тревогой вглядывался в лица двигавшихся на восток людей. Одинокая старушка устало шаркала по грязной, чуть подмороженной обочине дороги. Она толкала перед собой тачку с домашним скарбом.

«Что ее, старого человека, гонит из родного гнезда?» — подумал Яков. И тут же вспомнил старика, о котором разговаривал на станции, когда дивизия шла на фронт. Одинокий человек, он оставил в Минске хорошую квартиру и ехал в Сибирь. Яков спросил тогда: зачем он тронулся с родной земли? Старик ответил: «Меж своих людей и помирать легче. Они, глядишь, и очи пятаками прикроют, и в чистую рубаху обрядят».

Редакция находилась в стареньком деревянном доме в центре города. Яков вылез из кабины, немного размялся и вошел на крыльцо вполне уверенный, что в доме царит

суматоха, как и на улицах города. В такие часы, мол, не до газеты. И удивился, когда еще в сепях, через приоткрытую дверь, из которой валил дым, словно печь топилась по-черному, услышал обычный редакционный спор, какой бывает при обсуждении очередного номера газеты.

Переступив порог, Яков, как положено, обратился к старшему по званию, батальонному комиссару, и доложил о себе. Тот, не выпуская из левой руки гранку, еще блестящую певысохшей краской, подошел к политруку, крепко пожал руку, отрекомендовался редактором газеты и радушно добавил:

— Вот поэта нам как раз очень не хватает. Да вы садитесь. Потом познакомитесь с товарищами, а сейчас почитайте гранки: может, что и заметите свежим глазом. Ну, а чтоб сразу доказать, что вы поэт, вот сюда, на первую полосу давайте стихи.

Яков растерянно развел руками:

— У меня нет новых.

— Стихи на новые и старые не делю, — уже глядя на свежую газетную полосу, разложенную на столе, ответил редактор. — Боевые, лирические, гражданские — любые в газете нужны. Для поднятия боевого духа солдат. Можете писать и о любви, но так, чтобы солдат прочитал и стал еще яростней сражаться за свою любимую...

Яков внимательно читал гранки и делал какие-то пометки. Через несколько минут подошел редактор.

— Посмотрим, что вы тут намалевали, товарищ поэт, — сказал он, рассматривая выправленные Чаничевым гранки, и вдруг взорвался: — Через час должен быть номер готов, а после вас полосу перебирать придется!..

— Извините, пожалуйста. Я был когда-то чистильщиком сапог и знаю, что после щетки сапоги еще не готовы, только проведешь бархоткой — сразу заблестят...

— Он тут и вправду навел блеск, — вчитываясь в исправленные строчки, с удовольствием заметил редактор и расхохотался: — Деревянкин, смотри какие частушки он прицепил к твоей заметке о баянисте.

Сергей пробежал глазами куплеты, потом продекламировал их вслух:

К нам пепрошенные гости
Завернуть изволили.
Много места на погосто
Мы им приготовили...

И еще вроде припева:

Любо, любо-дорого
Бить нам немца-ворога.
И в четверг и в среду —
Сзади бить и спереду!

— Стихи были где-нибудь опубликованы? — спросил редактор.

— Нигде! Только что родились, — смущенно ответил Чаничев.

— Ну тогда давайте, сыпьте таких стихов побольше. Готовьте подобное для следующего номера. Но сначала идите обедать. Дневальный проводит.

Кухня тоже была на колесах, расположилась она под многолетним, теперь оголенным кленом. Повар, солдат в белом колпаке вместо пилотки, стоял на подножке, помещивал что-то в котле и грустно пел:

Мечта моя, как в море чайка,
Носилась долго над волной,
Пока мой друг в цветастой майке
Не скрылся в дымке голубой...

Яков даже растерялся, словно вдруг увидел дорогого друга, которого считал потерянным навсегда. Он придержал за рукав дневального и подал знак постоять, чтобы не мешать повару донести начатую песню. А тот, не замечая их, продолжал:

Я верю, вскоре майский вечер
Вернется вповь, и что, тай,
Я не сказал при первой встрече,
Скажу тогда любимой я.

Повар отер рукавом взмокший от пота лоб, прикрыл котел крышкой и тихо повторил:

Скажу тогда любимой я...

Увидев Чаничева, он замолк. Слышно было только, как попыхивает вырывающийся из котла пар да печально шелестят на осеннем ветру сухие кленовые листья.

— Скажи, дружище, где ты слышал эту песню? — спросил Яков у повара.

Тот обернулся, соскочил на землю и, став, как положено, перед старшим по званию, сначала доложил, кто он и чем занимается, потом сообщил, что стихи прочитал в газете. Они ему поправились, и он стал для себя напевать.

— Но музыка-то, музыка откуда?

— Да я, товарищ политрук, так пою, без музыки. Вот разве когда печка подпоет...

— Я не о том, — отмахнулся Яков. — Я спрашиваю, где слышал ты этот мотив?

— Мотив мой собственный, — пояснил повар.

— Если сумел придумать такую задушевную музыку, то ты — композитор намного лучше, чем я поэт, — сказал Чапичев. Вздвигая ладонь услышанной песней, он горячо пожал руку повару. — Это мои стихи...

— Вы поэт?! — немало, в свою очередь, удивился повар. — Вот это да-а...

— Что, да?

— Повезло мне! — восхищенно ответил солдат, — живого поэта вижу. Первый раз в жизни...

— Написал я эти стихи на Дальнем Востоке в самом начале войны, — продолжал Чапичев. — Но как они попали сюда, ума не приложу.

— А это очень просто. Военная часть, где я служил раньше, тоже с Дальнего Востока.

— Тогда мы с тобой земляки, можно сказать!

Дневальный отковырял и ушел. Чапичев сел на чурбак к столу, сбитому из досок.

— Ты меня можешь не кормить, — попросил он, — а вот песню, пожалуйста, еще раз спой, я мотив заучу.

— Это можно, товарищ политрук, — наливая густого супа в миску, ответил повар. — Я эту песню очень любил. В ней точно, как у меня в жизни случилось...

Последующие дни были для всех защитников города и для работников редакции напряженными и тревожными. Фашисты подошли к Тихвину вплотную и взяли в тиски. Оставалась только одна дорога, по которой можно было выбраться из города, но и ее гитлеровцы уже простреливали.

Новый корреспондент быстро прижился в коллективе. Правда, он не засиживался в редакции. Появится на час-другой, сдаст материал и снова уезжает в войска. Там он чувствовал себя как рыба в воде. Его боевой, неумный характер многим нравился. Он умел оперативно организовывать от солдат и офицеров корреспонденции, написать статью и очерк о герое. Но больше всего он любил поэзию. Стихи у него получались злободневными и звонкими. Солдаты ждали их и тепло отзывались об авторе. Если вдруг номер выходил без стихов, они спрашивали: уж не случи-

лось ли что с Чапичевым? И редактор старался идти навстречу пожеланиям читателей: требовал, чтобы Яков привозил с переднего края вместе с боевыми корреспонденциями и стихи. Много раз мы бывали с ним вместе в подразделениях, занимавших оборону, ходили по трапезам, разыскивая отличившихся в боях людей. С Чапичевым было легко. Он быстро ориентировался в обстановке, умел расспросить о самом главном и коротко записать в свой блокнот. Ведь времени на передовой всегда в обрез.

Печатался он в газете часто. Писал не только волнующие гражданственные стихи, но и едкие, жгучие, зовущие на бой частушки, прославляющие бесстрашных саперов, минометчиков, артиллеристов. Писал и остросатирические куплеты, которые солдаты переписывали из газеты, носили в карманах гимнастеров и читали на импровизированных сценах в перерывах между боями.

Я запомнил Чапичева как необыкновенно веселого, остроумного, на все моментально реагирующего человека. Он мог часами рассказывать о невероятных приключениях, различные забавные истории. Умел действительные факты и события, что называется, сдабривать, пересыпать анекдотами, разными веселыми прибаутками, присказками.

В редакции мы виделись редко. Как правило, это были мимолетные встречи. Каждый спешил поскорее написать статью или очерк и, получив новое задание, снова уехать или уйти в подразделения, ведущие бой, благо оборонительные позиции проходили неподалеку. Конечно, времени на разговоры у нас не оставалось. Перскинешься несколькими словами, и все. А поговорить хотелось. Особенно мне, молодому журналисту, с таким опытным уже литератором, каким был Яков Чапичев. Может быть, поэтому так запомнилась мне паша беседа, которая состоялась в ночь на 7 ноября 1941 года...

Было это в Тихвине. Враг стоял недалеко от города. Чапичев в этот день побывал в трех подразделениях, оборонявших город. Много видел, со многими беседовал, но возвращался в редакцию неудовлетворенным. Ему казалось, что того материала, который нужен сейчас газете, не нашел. Возвращался в редакцию, не представляя, о чем будет писать. Это огорчало его. Подумав, решил, что покажет стихи, написанные еще до войны. Есть у него со-звучные моменты.

Выйдя на главную улицу, он остановился перед огромным рвом. Уходил утром, его не было, а сейчас канава перегородила всю улицу от одного дома до другого. Здесь работали подростки, вооруженные кирками, лопатами и лопилками.

— Что за канализация? — удивленно спросил Чапичев черноголового паренька, которого принял за старшего.

— Никакая не канализация, — сурово ответил юноша. — Могилу для немецких танков роют. Видите, с той стороны ее начали маскировать.

Чапичев рассмотрел настил, который наводили юные саперы. Делали они это по всем правилам. На ров шириной в три метра накатывали тонкие бревна, которые легко сломаются под тяжестью танков, застилали их фанерой и выкладывали булыжником. Яков заинтересовался такой работой и подошел ближе, чтобы получше рассмотреть. Юные мастера выкладывали булыжник так, что даже вблизи нельзя было угадать, где кончается твердая дорога, а где начинается настил над рвом.

— Только бы фашистские разведчики не разнюхали заранее, — участливо сказал Яков черноголовому пареньку.

— Наша разведка тоже не спит, — ответил тот. — Заметим наблюдателя, сразу — к командиру воинской части. Сюда мы их не пропустим.

Встреча с ребятами взволновала Якова. Он непременно напишет о юных защитниках города! Тема родилась сама собой: защита Отечества, долг перед Родиной. Им овладело привычное беспокойство, когда до предела напряжен мозг, глаза пристально вглядываются в знакомые предметы и видят их по-новому. Он невольно стал шептать, подбирая звучные слова, из которых должно сложиться стихотворение. Прав Владимир Маяковский: каждая строчка — добыча грамма радия... «Может быть, я пикудышный поэт, — подумал Яков. — Но это совершенно неважно. Сейчас я должен сказать о вас, славные, дорогие мальчишки! Ведь ради вас воюют отцы и деды на заснеженных полях. Эта связь поколений как раз то, что мне надо. Такое взволнует и воодушевит бойцов».

Пока Чапичев шел к редакции, он успел до мелочей продумать корреспонденцию о юных защитниках города, помогающих Красной Армии бороться с врагом. Скоро готовый материал лежал у редактора на столе. Потом Чапичев прочитал ему стихи, в которых говорилось о юноше,

клявшемся, если наступит пора боевая, драться, как Щорс и Чапаев, бить врага до конца, и о том, как он выполняет свою клятву.

— Диктуй наборщику прямо с черновика и корреспонденцию, и стихи, — приказал редактор.

— Да стихи, — смутился Яков, — еще до войны написаны.

— Какое это имеет значение! Стихи сейчас рвутся, как бомба. В набор! — приказал редактор.

Перед вечером, на редакционной летучке, анализируя свежий номер газеты, батальонный комиссар отметил, что материал Чапичева — один из лучших. Похвалил и стихи.

Неожиданно работу редакции прервал телефонный звонок. Редактор, выслушав говорившего, ответил по-военному: «Есть!» Повесив трубку, он тут же приказал немедленно погрузить на машины редакционное имущество и подготовиться к эвакуации.

Через час все было на колесах. Тьма ноябрьской ночи казалась непроглядной, дул колющий ветер. Все работники редакции в ту ночь поочередно несли патрульную службу. Моим напарником оказался Яков Чапичев. Мы заступали на дежурство уже перед рассветом. Чапичев мучался над последней строфой стихотворения, когда вбежал запыхавшийся Сергей Деревянкин.

— Решено усилить наряд, мне приказали идти с вами! — обрадованно заявил он.

Инструктируя нас, редактор строго сказал:

— Скорее всего гитлеровцы начнут наступление на город утром. Если они прорвутся, вы будете прикрывать наш отход. Главное — спасти людей, спецмашины и полиграфическое имущество, чтобы обеспечить бесперебойный выход газеты. — Развернул карту и показал предполагаемое новое местонахождение редакции...

Подвесив к ремням гранаты, пополнив подsumки автоматными дисками и перекинув через плечо рюкзак противогазных сумок, мы вышли из здания и стали ходить по установленному редактором маршруту.

Ветер гудел в проводах, рвал одежду, хлестал по лицу снежной порошей. Совсем близко слышались оружейные раскаты, рвались бомбы и тяжело рокотали самолеты. На юго-западной стороне города полыхало огромное зарево, которое не могла скрыть даже сильная метель. Где-то методически четко строчил пулемет.

Чтобы как-то побороть волнение, мы старались не молчать. Точнее, говорил Чапичев, а мы больше слушали: он рассказывал о своем детстве, юности...

Очень рано узнал Яков, «почем фунт лиха». Семья была большая — шестеро детей. Хорошо еще, что жили в Крыму, где теплой одежды не надо. И все равно пришлось покинуть родной дом и уйти на заработки. Сначала был мальчишкой на побегушках у парикмахера. Потом подмастерьем у сапожника. Работал и кочегаром в депо. Грамоту познавал, что называется, на ходу.

В 1931 году его призвали в Красную Армию. Зачислили в полковую школу. Он окончил ее через год. В тридцать втором же написал и свое первое стихотворение.

Бывший кочегар депо станции Джанкой быстро вошел в курс армейской жизни и, как коммунист, вскоре был командирован на курсы младших политруков. Став политработником, продолжал писать стихи, теплые, искренние, о своем народе, о большевистской партии, о героях-пограничниках, об однопольчанах. Бойцы подразделения гордились поэтом-политруком, декламировали его «Песню о героях», напечатанную в 1935 году, накануне празднования восемнадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в газете «Правда». Это был весьма серьезный дебют молодого армейского поэта. Теперь, шесть лет спустя, он под свист пуль и грохот оружейных выстрелов с большим подъемом читал нам любимые строфы:

Горный ветер тихо реет,
Чуть шумит река.
Вдаль уходят батареи
Нашего полка.

Развернулась колонна
Средь курчавых ив,
В голове дивизиона —
На копе комдив.

Боевая песня льется,
Ширится, растет.
Запевают комсомольцы
Про двадцатый год.

И взлетает песня птицей,
Вихрем боевым,
Как сражался за Царицын
Ворошилов Клим.

Были в песнях оживают,
В битвах и в огне.
Мчится в бой герой Чапаев
На лихом коне.

Из-за туч катится косо
Бледная луна,
Ляжет хмурые утесы
Гневная волна...

Большую популярность в те годы имела и его песня о подвигах пограничников. В 1938 году по всей стране разнеслась весть о мужестве участников боев у озера Хасан, о комсомольце-пограничнике Баранове. Тяжелораненым он попал в плен к японцам, но, несмотря на жестокие пытки, держался стойко, не проронил ни слова. Об этих подвигах пограничников Чапичев написал стихи, которые опубликовала «Комсомольская правда». На их текст была написана музыка. Песню запели сразу, она стала популярной не только у защитников границы, но и у молодежи.

Пулемет строчил без перебой,
Пулеметчик метко бил врага.
Прямо — поле огненного боя,
А вокруг — дремучая тайга.

Отступали в панике японцы,
Покидая раненых солдат.
В перестрелке Васю-комсомольца
Потерял и паш погранотряд.

Окруженный вражьем батальоном,
Он не дрогнул в яростном бою.
Бился до последнего патрона
За Отчизну мирную свою.

Чапичев читал нам стихи, а я думал о том, как созвучны они всему, что происходит под Тихвином, что мы, журналисты, видим каждый день. И я сказал об этом Якову, он, грустно улынувшись, ответил:

— Когда Отчизна в опасности, все думают об одном и том же — как ее отстоять.

Успех этой песни окрылил молодого поэта: он стал отзываться поэтической строкой на многие события в стране. Писал о героях гражданской войны, о советских железнодорожниках, о пилотах, краснофлотцах, танкистах, артиллеристах, воспевал красоту родной земли: фруктовые сады Узбекистана и побережье Дальнего Востока, вершины Ала-Тау и кипарисы Крыма.

Заметив у молодого политработника серьезные литературные наклонности, командование назначило его инструктором-литератором многотиражной солдатской газеты танковой дивизии.

— Долго уговаривал меня старший батальонный комиссар перейти в газету, — вспоминал Чапичев. — Не хотелось оставлять своих бойцов. Я ведь тогда политруком артиллерийской батареи служил. Но пришлось уступить. И знаешь, чем меня взял? Сказал, что так нужно Родине. Тут уж крыть было нечем.

Чуть больше года сотрудничал Чапичев в дивизионной газете. Писал заметки, информации, статьи, очерки и, конечно, стихи. Интересная, живая творческая работа увлекла его, он отдавал ей все свои силы и способности. Но едва дивизию перебросили в Действующую армию под Ленинград, помещение редакции стало тесным для неугомонного поэта. Чапичев пропадал среди бойцов и при первой возможности лично принимал участие в бою. Вскоре ему и вовсе пришлось отложить корреспондентские обязанности: его временно назначили заместителем командира танкового батальона по политчасти вместо погибшего старшего политрука.

— Эх! — вздохнул Чапичев. — И каким ветром припело ко мне в батальон корреспондентов? Воевал бы я и по сей день вместе с танкистами! Скучаю, — сказал он доверительно. — Не могу заметки писать, когда там люди умирают. С ними бы в бой!

О многом из своей жизни поведал нам Чапичев в ту тревожную ночь. Но о чем бы он ни говорил, мысли его то и дело возвращались к тяжелым и кровопролитным боям, которые шли по всему советско-германскому фронту. Думы об этом как-то сразу делали его молчаливым и сумрачным. Он надолго замолкал, а потом начинал говорить о том, что мечтает вернуться в дивизию, к своим бойцам, чтоб вместе воевать.

На рассвете ветер приутих. Небо открылось зеленоватое, по-зимнему студеное. Во дворе появился повар, и вскоре под кленом задымилась труба походной кухни.

— Сегодня даже повар вышел с винтовкой, — заметил Чапичев.

— Он-то уж пускай лучше работает поварешкой, — ответил Деревяшкин.

— Да, на войне каждый должен заниматься своим делом,— согласился Чапичев.

Обошли вокруг дома. Проходя мимо клена, видели, как повар, сидя на колесе, чистил картошку. Он, казалось, не обращал на нас внимания. Лишь изредка поднимал голову, взглянуть в сторону парка, начинавшегося за огородом двора. Там был небольшой пруд, окруженный старыми ивами. Зная лирический склад души этого солдата, Яков пошутил: мол, не зря парень посматривает туда, видно, думает — неплохо бы встретиться со своей любимой на таком вот берегу...

Обошли дом еще раз. И когда стали подходить к клену, Яков вдруг дернул за рукав Деревянкина, кивнул: смотри!

Как-то странно вел себя в это время повар. Отложив нож, торопливо схватил винтовку и чуть склонился за бак. Вмиг вскинул оружие и, почти не целясь, выстрелил раз и другой.

Там, куда он стрелял, мы увидели двух фашистов, закутанных в плащ-палатки. В глубину парка метнулась еще одна фигура.

— Догоняйте его! — крикнул повар подбежавшим Деревянкину и Чапичеву. — Я буду вести наблюдение, мне сверху виднее, — добавил он.

— Ты оставайся на посту! — бросил мне уже на ходу Яков.

Деревянкин на секунду остановился возле забора и выпустил очередь из автомата в ту сторону, куда убежали разведчики. Чапичев продолжал преследовать их.

После первого выстрела из дома, где размещалась редакция, стали выбегать сотрудники газеты и занимать места, указанные на случай боевой тревоги. Шоферы завели моторы машин. Все заняли круговую оборону.

Из парка доносились выстрелы. Люди волновались: что там с Деревянкиным и Чапичевым? Но все облегченно вздохнули, когда увидели их возвращавшимися с трофеем — немецким автоматом и документами убитого гитлеровского разведчика. Чапичев что-то читал и улыбался. А когда перемахнул через забор, вполне серьезно сказал:

— Не выполнял фриц наказа любимой. Послушайте, что он написал ей... — На ходу переводя с немецкого, Яков прочел вслух: «Дорогая Берта! Ты писала, чтобы я

первым врывался в Москву и сразу бежал в меховой магазин выбирать соболью шубку. Хорошо тебе фантазировать там в тепле. А я вот не найду обыкновенной русской шали, чтобы закутать голову от проклятого холода...»

В эту минуту прямо над нами завывала мина и разорвалась за оградой, в парке. Гитлеровцы открыли по расположению редакции беглый огонь.

— По машинам! — скомапдовал редактор.

Мины стали рваться чаще и ближе к дому.

— Видно, разнюхали, что здесь газету делают, — предположил Дервянкин.

— Думаете, они на запах типографской краски лезут? — возразил повар, шагавший за кухней. — Фрицы на запах моей каши, как осы на мед, летят. Их, брат, такой едой вовек не кормили.

И ни слова о том, что он первым увидел вражеских разведчиков, открыл огонь. Зато Чапичев не забыл утрепный эпизод. Он уже слагал про себя заметку о поваре.

— Яков, а ты говорил, что у журналистов жизнь спокойная, — усмехнулся Дервянкин, — и не хотел к нам в газету переходить.

Чапичев ничего не ответил.

Впереди лежала белая дорога. Большими хлопьями падал густой снег.

После тяжелых, кровопролитных боев наши войска вынуждены были оставить Тихвин. Но дальнейшее продвижение противника в результате упорного сопротивления Красной Армии было приостановлено. Больше того, вскоре части 52-й армии смелой контратакой сломили напор гитлеровцев, овладели Малой Вишерой и начали развивать успех в направлении на Грузино и Селищенский поселок. Таким образом, план немецко-фашистского командования соединиться с финскими войсками на реку Свирь провалился. Однако и без того тяжелое положение блокированного Ленинграда еще более осложнилось. Выход гитлеровских войск в район города Тихвина лишил ленинградцев единственной железной дороги, которая связывала город с тылом страны. Вскоре, чтобы облегчить положение войск Ленинградского фронта, южная оперативная группа 4-й армии прорвала оборону гитлеровцев на линии железной дороги и подошла к Ситомле. Созда-

лась реальная угроза перехвата коммуникаций, связывавших тихвинскую группировку противника с его тылом. А через несколько дней войска Волховского фронта вышли к реке Волхов на линии Кириши — Новгород и захватили на левом берегу плацдармы в районе Грузино. Город Тихвин и все прилегающие к нему районы, вплоть до реки Волхов, были очищены от врага.

К этому времени начала действовать ледовая трасса, проложенная через Ладожское озеро, которая связала осажденный Ленинград с советским тылом, именуемым тогда Большой землей.

Началось контрпаступление советских войск под Москвой, явившееся важнейшим событием конца 1941 года.

III

Редакция нашей газеты расположилась в домике лесника, по соседству с бывшим пионерлагерем. Сразу все собрались на летучку. Редактор в течение нескольких минут дал каждому корреспонденту задание и разослал по воинским подразделениям. Получилось так, что Чапичева он послал в ту же часть, из которой тот прибыл в редакцию. Положив в планшет чистый блокнот, Яков отправился к своим танкистам, ведущим напряженные бои.

Основной транспорт корреспондента — собственные поги. Не часто попадались попутный грузовик или подвода. Но Чапичеву повезло. Выйдя на дорогу, по которой мчались к фронту автомашины, он удачно «проголосовал» и оказался в кабине рядом с пожилым шофером.

— Спряды везете на передовую? — спросил Чапичев.

— Боеприпасы доставлял две ночи подряд, — доложил с достоинством водитель. — А сейчас везу подарки бойцам нашего полка. Народ к празднику шлет. Удивительные люди... Сами голодают, а поди ж ты, находят для солдат продукты и вещи к зиме.

— Что верно, то верно: народ наш удивительный, — поддержал Чапичев. — Об этом сейчас всюду говорят и в газетах пишут. Кстати, вы читаете «В бой за Родину?»

— А как же. Наша, солдатская, — ответил шофер. — Без газет сейчас нельзя. Кругом слухи разные ползут. Листовки фашист разбрасывает. Как же без газет. Из них

только и узнаешь настоящую правду. Что нового на белом свете, товарищ политрук, а то я, почитай, уже сутки в дороге?

Чапичеву понравились эти слова, и он, почувствовав в душе гордость за свою профессию, сказал:

— Вот я как раз корреспондент этой газеты.

Яков раскрыл планшет, достал свежий номер.

— Про что там пишут сегодня? — не поворачивая головы и внимательно глядя вперед, с интересом спросил шофер.

— Вот, кстати, и о подарках.

— Интересно...

Чапичев, не спеша, стал пересказывать заметку:

— Все так, как ты говоришь. Пишут, что со всех концов страны в Действующую армию устремился поток праздничных подарков. Из всех союзных республик, из всех областей и краев к фронту двинулись эшелоны с теплыми вещами, с мясом, фруктами. Женщины шлют теплое белье, рукавицы. Дети собирают литературу. Вместе с подарками прибывают на фронт делегации трудящихся. Они передают бойцам, командирам, политработникам сердечные поздравления от жен и детей, отцов и матерей, братьев и сестер, товарищей и друзей.

— Я тоже получил от своей приветы из-под Воронежа, — вставил шофер. — Трудятся по-настоящему.

— Вот мы часто говорим: единство фронта и тыла, — словно про себя рассуждал Чапичев. — Громкие вроде слова. А ведь за примерами далеко ходить не надо. Доказательства ты у себя в кузове везешь. Или эта заметка. Не велика. А как она бьет по врагу. Гитлер кричал: «Красная Армия — колосс на глиняных ногах». А оказалось, ноги-то у нас крепкие. Вся страна им опора. Вот и рассыпались в прах гитлеровские планы окружения и взятия Москвы, завоевания Кавказа. Многие десятки фашистских дивизий разгромлены. Сотни тысяч захватчиков нашли себе смерть на нашей земле.

— Это и здесь чувствуется, — снова отозвался шофер. — Теперь каждый видит, что немца можно бить, и знает, как его надо бить. — Немного помолчал, прислушиваясь к рокоту мотора, спросил: — А что за граница о нас пишет?

— Разное, — сдержанно ответил Чапичев. — Но все, и

враги и друзья наши, признают, что плапы Гитлера на востоке провалились.

— Еще не то будет,— пообещал шофер и зло нажал на педаль газа.— Русский долго запрягает коня, но зато потом мчится лихо, не остановишь...

Машина сильно запрыгала по ухабам, и читать стало трудно. Но Чапичев уже вошел в роль агитатора и стал рассказывать водителю о бесчинствах оккупантов на захваченных ими землях. Говорил, что это показатель не силы, а слабости фашистов, что гитлеровская Германия лоплет под тяжестью собственных преступлений. Фашизм будет раздавлен могильной землей с кладбищ, которыми усеяны поля сражений.

Водитель молчал. Только сильнее жал на газ. Чапичев решил, что где-то он потерял контакт с собеседником, и сказал попроще:

— Злодейство не прощают. Это всякий знает.

— Попятно,— отозвался шофер.

Так добрался Чапичев до самого штаба полка. Прощаясь с добрым шофером, по журналистской привычке записал его фамилию, имя, отчество и адрес. Пожимая руку, не удержался, прочитал четверостишие, сочиненное в пути:

Нет на свете больше чести,
Как в бою фашистов бить,
Воевать с пародом вместе,
Верно Родине служить!

Потом добавил:

— Это, брат, я про тебя написал.

Водитель смутился:

— Спасибо. Большое уважение мне сделали.

Чапичев достал блокнот, вырвал чистый листок бумаги, переписал строфу. Протянул шоферу:

— Держи, на память.

К полудню снежная завируха разгулялась по лесу от края до края. Казалось, все живое притаилось под снегом. Но Чапичеву негде было укрыться. Подумал: может, переждать пургу? Но потом решил: нет, он не отступит. Он пойдет наперекор стихии по непролазным лесным чащобам, но будет на месте сегодня же.

Чуть подавшись корпусом вперед, навстречу ветру, Яков около часа шагал по старому замшелому ельнику. Вьюга свирепствовала больше вверху, среди остроконеч-

ных елей. Многолетние хмурые деревья раскачивались, как корабельные мачты, гнулись, словно боясь, что их выхватят с корнем и унесут па край света, стонали надрывно и жалобно. Тяжелый стон этот сливался в сплошной рокот, похожий на рев горного водопада.

Ельник неожиданно перешел в сплошной березняк. Белостволые стройные березки качались, как осенний ковыль. Здесь ветер бил по ногам, колючим снежным песком пaskвозь прошивал совсем еще новую шинель, полученную уже в редакции. Единственной защитой от лобового ветра мог бы служить планшет, в котором лежал блокнот да трофейная авторучка. Но Яков и не думал прятаться. Пусть хлещет! Снежная пурга — не пулеметный огонь.

Березняк сменился редким, пaskвозь продуваемым осинником. Тут ветер пронизывал, казалось, до костей.

В душе Чапичев порадовался: погода помогает нашим на фронте. Немцы к такому холоду непривычны. Танки еще могут пустить, но пехоту — ни-ни.

Это была первая ноябрьская метель первого года войны. Студеная, тугая и хлесткая, словно зимняя морская волна, она будто хотела показать, на что способна русская природа в лихолетье.

Лес копчился внезапно, и Яков остановился перед широкой, занесенной снегом поляной. Не было видно никаких признаков расположения танковой части. Но Чапичев хорошо знал, что его родной батальон где-то здесь. Просто танкисты, наверное, здорово замаскировались.

Впрочем, не совсем. Один танк стоял прямо в открытом поле.

«Да это же потаповский! — догадался Яков. — Хоть бы в лес спрятали, чтоб фашисты на переплавку не утащили!»

Танк слегка накренился на левую сторону, его пушка уныло смотрела в землю. Метель хозяйничала здесь вольготней, чем в лесу. Со всех сторон несла и наметала она снег, словно ей одной поручено было погребение машины, подбитой в неравном бою.

Яков смотрел на это необычайное захоронение, и на душе у него становилось тяжело, будто перед ним был не танк, а человек, друг, случайно оставшийся на поле боя...

С этого и начался его разговор с бывшими однополчанами, когда он пришел в часть. Прежде всего зашел в

землянку, в которой жил до ухода в редакцию. Солдаты обступили политрука, радостно приветствовали, обнимали. Потом наперебой стали расспрашивать о новостях.

— Самовар собираются отливать фашисты, — устало заговорил Яков. — Большой самоварище хотят отлить, такой, чтобы всех немцев напоить.

Бойцы сразу поняли, что политрук, верный себе, начинает беседу с очередной шутки.

— Долго ломали себе головы, из чего бы сварганить тот самовар, — продолжал меж тем Яков, — и наконец нашли. Потаповский танк хотят утащить у вас из-под носа и переплавить.

— На самовар? Мой танк? Не пойдет! — вдруг раздался сонный сердитый голос из дальнего угла землянки.

Яков вскочил:

— Потапов! Коля! Жив, погорелец?

Потапов быстро поднялся с нар и хотел было по всем правилам приветствовать старшего по званию, а теперь и по положению товарища. Но Яков по-мужски крепко обнял его и плотно прижался обветренным лицом к светло-розовой, как у младенца, обожженной щеке друга.

— Прости, Коля. беру свои слова обратно, — извинился он. — Я с метели-то не разглядел, кто там лежит под шинелью. Ты, может, еще нездоров, а я поднял тебя с постели?

— Нет, здоров. Из госпиталя выписали, и вот пять суток живу здесь, «дома». Я лежал потому, что днем сплю, а ночью в своем «самоваре» ковыряюсь. Днем немцы к танку не подпускают, огонь сразу открывают. Вот мы и ходим к нему с напарником ночью и потихонечку ремонтируем. Гусеницу и мотор уже восстановили. Еще немного поковыряемся внутри, и можно в бой...

Потапов еще что-то хотел сказать, но над землянкой раздался оглушительный взрыв. Тут же вбежал командир взвода и приказал всем занять боевые позиции.

Землянка вмиг опустела. Потапов и Чапичев вышли последними. Метель вроде поутихла, словно отступила перед силой надвигавшегося огня.

Бойцы разбежались по своим местам. Кто к танку, кто в окопы — к противотанковым орудиям, к пулеметам, в стрелковые ячейки.

Все вокруг загрохотало, задымилось от взрывов. Стало ясно, что гитлеровцы ведут артиллерийскую подготов-

ку перед новой атакой. Издалека доносился рокот танковых моторов.

Когда утих артиллерийский огонь, сквозь рассеявшийся дым Чапичев увидел фашистские танки, навстречу которым шли уже наши «тридцатьчетверки». Тревожно осмотрев поле предстоящей битвы, Яков подсчитал, что наших танков было почти вдвое меньше, да и огонь они вели очень уж экономный.

«Ну и достанется нашим!» — Чапичев хотел было высказать свою тревогу Потапову. Но тот отстранил его, вернулся в землянку, схватил ящик, в котором хранил инструменты, и на ходу заорал:

— Их же больше, чертей!

Николай бросился к своему полузапесенному снегом тапку.

— Куда ты? Стой! — закричал Чапичев, а потом побежал следом за другом. — Да хоть пригнись же, дуралей... Пригнись...

Оба упали от очередного взрыва снаряда уже возло танка. Потапов удивленно и в то же время благодарно посмотрел на Чапичева и дал знак: давай, мол, за мной. Под свист и тюканье пуль о броню, под вой снарядов и грохот пачавшегося боя они проникли внутрь машины и через смотровые щели отчетливо увидели, что творится впереди.

На пригорке горела «тридцатьчетверка». Две немецкие машины не снеша, победно двигались к нашим траппеям. Другие еще атаковали уже дымившиеся или вертящиеся на одном месте наши тапки.

— Жаль, что моя машина неисправна, а то бы я им показал кузькину мать! — со злобой сквозь зубы сказал Потапов и сильно нажал на стартер.

Мотор неожиданно взревел грозно и мощно. Чапичев почувствовал себя сильным и неуязвимым. В танке он всегда ощущал какой-то необычный прилив энергии и смелости. И хотя мотор заработал нормально, Яков был уверен, что в машину они забрались только затем, чтобы, пользуясь удобным моментом, увести ее в наиболее безопасное место, где она будет спокойно отремонтирована.

— Попробуй пушку! — крикнул Потапов, берясь за рычаги управления.

Чапичев и это воспринял как подтверждение своей

мысли. Пушка может пригодиться, когда фашисты заметят их маневр и станут стрелять по танку.

Но Потапов только на несколько метров дал задний ход. Потом машина вдруг резко рванула вперед и, быстро набирая скорость, понеслась вслед за идущими к лесу вражескими танками. Они сперва шли по проселочной дороге, запорошенной снегом. Потом, перед просекой, разделились: один пошел по глубокой колее, а другой — по опушке вокруг перелеска.

Потапов дал полный газ:

— Врешь, гад, не уйдешь!

Расстояние между машинами сокращалось. Чапичев развернул башню и стал стрелять по вражескому танку, который пытался скрыться в березняке. Последним снарядом подбил его.

Потапов направил танк ко второй машине. Чапичев не знал, что делать: кончились снаряды, и больше ничем помочь своему другу. Николай, не оглядываясь, мчался вперед.

«На что же решился Потапов? — гадал Яков. — Неужели хочет таранить?!»

Машину неожиданно бросило вправо, и Чапичев так ударился о стенку, что в глазах помутилось. Вот когда пожалел, что нет шлемофона. Машина круто накренилась, вышла из колеи и закружилась на месте. Лицо Потапова исказилось от досады. «Разорвалась гусеница», — догадался Чапичев.

Потапов резким толчком открыл люк и приказал немедленно выбираться из танка. Скатившись на броню, они упали возле разорванной снарядом гусеницы. На земле казалось безопасней. Пули и осколки пронзительно свистели, с визгом ударялись о танк. Потапов подобрался к разбитому звену гусеницы и зло проговорил:

— Следи за врагом! Далско, гад, не уйдет!

И только тут Чапичев заметил разводной ключ в руках Николая. «Неужели можно устроить повреждение? Под таким огнем!» — подумал Яков.

Николай тем временем бойко постукивал по гусенице. Разбитое звено, к удивлению Чапичева, подчинилось умелым рукам, повернулось в нужную сторону. Яков тоже приподнялся, надеясь чем-нибудь помочь. Николай столкнул его на землю и еще раз повторил:

— Следи за немцем, чтоб не убежал!

А чего за ним следить? Фашистский танк остановился, развернулся и стал бить из пулемета по нашим наступающим подразделениям. Другой вражеский танк, шедший в обход лесочка, тоже остановился и открыл огонь по атакующим.

— Из двух пулеметов жарят!

— Пусть жарят! Я им сейчас вжарю, — продолжая стучать по гусенице, ответил Потапов.

— Они же заметят нас и в машину не пустят.

Николай не ответил. Он вдруг победно закричал:

— По коням! — и первым нырнул в башню.

Словно брызги крупного дождя, разбивались о броню вражеские пули, но ни одна, на счастье, не попала в храброго тапкиста. Глядя на него, одним рывком влетел в башню и Чапичев.

Машина снова устремилась вперед. Сперва она шла по прямой, значительно правее остановившегося на пути фашистского танка. Потапов дернул рычаг поворота, и машина взяла левее.

— Ага! — в восторге закричал Потапов и дал полный газ. — Вот теперь-то ты от нас не увильнешь!

Он вывел танк из глубокой колеи и направил его в обход удиравшего врага.

Лесочек кончился. В пятистах метрах Чапичев и Потапов увидели самоходную немецкую пушку. Она не успела развернуться, как «тридцатьчетверка» сбоку протаранила ее и, перевернув в траншею, ушла вправо, к артиллерийскому расчету. Мгновенно подмяли орудие и начали утюжить окопы, в которых метались фашисты. Вдруг машина так сильно накренилась, что чуть не перевернулась. Пришлось дать задний ход.

Развернувшись, Потапов снова увидел фашистский танк, который стрелял из пушки. Это был тот самый, что обходил их слева. Потапов направил свою машину по лесу, чтобы не служить мишенью для остановившегося и прицельно стреляющего врага.

Вдруг в кабине запахло гарью: в танк попал снаряд. Начинался пожар.

— Слушай мою команду, пост! — закричал Потапов. — Как только остановлю машину, сразу выскакивай, а то не успеем, взорвемся!

— А ты?

— И я! И я выскочу! — громко ответил Потапов и ти-

ше, чтобы Чапичев не услышал, добавил: — Если не собою пламя...

Открыв люк, Чапичев увидел, что танк почти весь охвачен огнем. Оглянулся: где там замешкался Потапов? Но машину в это время резко рвануло влево, и Чапичев слетел с брони на землю.

С ужасом увидел он, что фашистский танк стоит в густом лесочке, совсем недалеко, а Потапов повел «тридцатьчетверку» куда-то в сторону. Чапичев клял себя, что послушался и вылез первым. Может быть, он, свободный от наблюдения за дорогой, заметил бы притаившегося фашиста, предупредил друга...

Танк Потапова, охваченный пламенем, продолжал мчаться на полной скорости. Вот он подошел к березняку, в котором затаился враг. Фашист, наверное, решил больше не трогать горящую «тридцатьчетверку» — сама, мол, догорит.

— Коля, выскакивай! — кричал во весь голос Чапичев, не думая о том, что никто его не услышит. — Выскакивай! Сгоришь!

Но Потапов гнал пылающую крепость прямо на вражескую машину.

«Обманул! — с ужасом подумал Чапичев. — Меня выбросил, а сам пошел... на таран?!»

И Чапичев из всех сил побежал за пылающим танком, устремленным на врага. Бежал сколько было сил. Потом упал...

Вот-вот столкнутся две железные громадины. Осталось тридцать, двадцать, десять метров.

— Потапов! Коля! Остановись! Мы еще им...

Но пылающий советский танк на предельной скорости врезался в бок немецкой машины.

Раздался грохот.

Лязг металла.

Взрыв...

Огонь и черный дым устремились в небо, закрыв собой все вокруг.

Стемнело, когда Чапичев возвращался с поля боя. Он шел вдоль опушки леса. Не таился. Не пригибался, если даже совсем рядом рвались снаряды. И не было в душе его ни стихов, которые, как правило, рождались после не-

обычайных событий, ни прозы. Была только боль и молчаливое благоговение перед неслыханным подвигом друга. Надо же иметь такое мужество, столько испепеляющей ненависти к врагу, чтобы пожертвовать своей жизнью ради общей победы!

Чапичев был так потрясен увиденным, что никак не мог собраться с мыслями, не мог остановиться, где-то пристроиться, как это он не раз делал, и написать что-либо путное. Голова трещала от боли. Мысли путались. Все кружилось и улетучивалось в небытие. «Сердце, отданное народу» — вертелось в сознании название будущей повести-были о Потапове. Он верил, уляжется боль, и тогда засядет за работу. Герои не умирают, они живут в памяти и делах людских...

Вернувшись в редакцию, Чапичев подробно рассказал Деревянкину о событии и попросил его написать об этом в газету. Сам не мог. Песня, которую он написал о подвиге пограничника Баранова, когда-то казалась Чапичеву вершиной его творчества. Теперь он чувствовал, что это была только робкая записка к подлинному гимну советскому человеку, такому, каким был и навсегда останется в его сознании герой-танкист Николай Потапов.

IV

Несколько дней Чапичев выполнял отдельные мелкие поручения редактора, который, узнав о происшествии, случившемся с ним в танковом батальоне, далеко его не посылал. Но потом Чапичев не вытерпел и попросил дать ему задание потруднее. На недоуменный вопрос редактора, почему именно потруднее, он ответил пословицей: «Плечам тяжелей, душе легче».

— Ну что ж, я тебя понимаю, — вздохнул редактор. — Пойдешь к автоматчикам. Для тебя это незнакомый род войск. Зато в бой не полезешь. — И немного подумав, посоветовал: — А о Потапове попытайся написать стихи, когда душа оттает.

«Да не застыла она у меня, а наоборот, перекалилась», — про себя подумал Чапичев.

В штабе стрелкового полка он долго не задержался. Сразу, как только познакомился с начальством, попросил-

ся на передовую во взвод автоматчиков. Его проводили в густой еловый лес, вдоль опушки которого тянулись окопы.

Командир взвода встретил неприветливо. Протянул руку, угрюмо бросил:

— Мовчун.

Вскоре Чапичев убедился, что фамилия у лейтенанта под стать характеру. Он сидел на дощатой скамейке, облокогившись на сбитый из молодых березок стол, и, уставившись в одну точку, молчал. Яков сказал, что хочет спуститься в траншею. Лейтенант молча поднялся и, махнув рукой: идем, дескать, вышел из землянки. Солдаты сразу окружили нового человека, начали расспрашивать, как там, в других подразделениях, а главное, что делается под Москвой.

Чапичев по привычке надвинул па лоб кубанку, поскреб в затылке и сказал озабоченно:

— Гитлер давно собирался чай в Москве пить, да самовар не из чего отлить, металла такого нет.

Бойцы заулыбались.

— А знаете, почему нет? Металл на танки пошел, а танки их мы под Москвой пожгли да покорежили. Был тут один самовар, да и тот фашистам боком вышел.

В траншее становилось все теснее и теснее: постепенно подходили солдаты, усаживались на корточки и внимательно слушали.

О самоваре, — как в душе окрестил потаповскую машину, — Чапичев заговорил на полном серьезе. Он рассказал о подвиге Николая Потапова, об ожившем танке.

От папиросного дымка, чувства локтя товарищей солдатам стало теплей. Они оживились после рассказа гостя, заговорили наперебой.

— Значит, дают наши фашистам прикурить! — заметил пожилой усатый автоматчик. — Танкисты молодцы. Только бы на заводах побольше выпускали машин.

— Ну, а у вас тут как? — спросил в свою очередь корреспондент.

— Да мы что... Грешная пехота, — замысловато проговорил сидевший рядом с ним ефрейтор Карасев. — Мы тут одному фашисту тоже дали прикурить. Все еще докуривает... — И он кивнул в сторону лесной поляны, где, накренившись, стоял обгоревший немецкий танк с воткнув-

шимся в землю стволом пушки. Он действительно дымился.

Лейтенант указал на угрюмого великана, сидевшего в обнимку с противотанковым ружьем.

— Это он подбил.

— Дык эт я токо учусь, — пробасил тот и погладил противотанковое ружье. — Токо с пятого выстрела продырявил гада.

Бойкий разговорчивый ефрейтор стал рассказывать о последних боях, о том, как автоматчики, незаметно просочившись через передний край противника, устроили ему, что называется, «легкий завтрак».

Чапичев заночевал у автоматчиков. А рано утром Мовчуна вызвал командир подразделения.

— Возглавите группу разведчиков, — сказал он и, указав на карте пункт, который особенно интересовал наше командование, подробно разъяснил задачу.

Вернувшись в землянку, лейтенант коротко бросил:

— Уходим.

И стал собираться. Осмотрел автомат, повесил к поясу гранаты. Через час группа бойцов, возглавляемая Мовчуном, двинулась в путь. Шли лесными опушками, проселочными дорогами, ржаным полем. По открытой местности разведчики пробирались ползком. Часто останавливались, внимательно посматривая по сторонам, прислушивались к малейшему шороху. Недалеко от населенного пункта Мовчун заметил группу гитлеровцев, вооруженных автоматами, которые шли навстречу нашим разведчикам. Столкновения не избежать. Это видели все.

— Подготовить гранаты, — по цепочке передал Мовчун.

Гитлеровцы приближались. До них оставалось не более двадцати пяти — тридцати метров. Мовчун первым бросил гранату. И сразу снег на месте взрыва почернел. Последовали еще и еще взрывы. Фашисты метались, бежали к лесу, но, скошенные пулями наших автоматчиков, оседали на землю. Вскоре все стихло. Солдаты лежали, прислушались. Потом Мовчун дал команду двигаться к указанному командиром подразделения пункту. После длительного наблюдения разведчики установили, что здесь находится два батальона пехоты и несколько танков. Мовчун приказал одному бойцу немедленно от-

правиться с донесением, а сам с группой разведчиков остался на месте.

Получив данные разведки, командир подразделения решил ударить по противнику. Здесь уж Чапичев не удержался — пошел вместе с бойцами. Они свалились в траншею врага в тот момент, когда солдаты завтракали. Дружный автоматный и пулеметный огонь и русское «ура» сделали свое дело. Несколько гитлеровцев было захвачено в плен.

Не успели бойцы разместиться в траншее, как прибыли уже наши повара с термосами.

— Теперь и нам пришло время позавтракать, — шутили красноармейцы.

Чапичеву тоже дали котелок. Он не отказался. Завтракали по очереди. Наблюдатели следили за противником.

— Товарищ лейтенант, — нарушив молчание, обратился к командиру взвода один солдат, — расскажите товарищу корреспонденту, как вы без выстрела двух фашистов захватили.

Мовчун только рукой махнул: отстань, мол. Но Чапичев понял, что за всем этим, видимо, интересная история, и попросил рассказать, как такое могло случиться.

— Пусть ефрейтор Карасев расскажет. Он мастер, — не выдержал лейтенант.

Карасев охотно вспоминал ту ночь.

— Лейтенант Мовчун обходил боевые порядки своего взвода, проверял посты. На пути ему повстречался незнакомый офицер с ординарцем. Офицер ходил по траншеям и предупреждал бойцов: «Сегодня ночью не стрелять: будет действовать полковая разведка».

Поведение и личность незнакомого показали Мовчуну подозрительными и, как выяснилось потом, не без основания. Он пригласил его зайти в землянку. У задержанного «офицера» были найдены два подложных удостоверения личности, орден и пистолет. Оба неизвестных были немецкими лазутчиками.

Не успел ефрейтор закончить рассказ, как в траншею «свалились» два связиста. Один держал шнур в зубах. Другой — моток кабеля на плече. Карасев усмехнулся, кивнув в их сторону:

— В бою самое главное, чтоб связь не подкачала.

Связист вынул изо рта конец провода и ответил с достоинством:

— У нас связь работает, как часы. Никакого перебоя!

— У вас все не как у людей,— покривился ефрейтор.— Чем гордитесь: никакого перебоя. А у нас, наоборот, чем больше перебой, тем скорее победа.

Чапичев засмеялся. Ему понравилось разное понимание одного и того же слова.

— Вчера перебили десятка два фашистов,— продолжал ефрейтор.— А сегодня ночью, когда ты полз с проводом, сам видел, какой был на поле перебой: гитлеровцы не успели даже трупы подобрать...

— Хорошие вы ребята, да покурить даже некогда с вами,— улыбаясь, сказал связист. Он выбрался из траншеи и пополз дальше. Напарник последовал за ним.

— Это после того, как мы уложили тут целую роту, гитлеровцы пустили танк, а за ним санитаров с носилками,— пояснил командир взвода.— Ну, Кучумов и дал ему прикурить. Плохо только, что застряла эта машина на той стороне нейтралки: из-под нее хорошо было бы наблюдать за житьем-бытьем «завоевателей».

В полдень батальон получил приказ произвести разведку боем. А если удастся, то и окопаться на новом рубеже.

Чапичев тоже стал готовиться к походу. Попросил для себя саперную лопату. Но командир твердо сказал, что в бой журналиста не возьмет.

— Почему же? — недоумевал Чапичев.

— Вы разве не знаете?

— Нет.

— Пост вы!

— Но я же не великий! — хотел обратить все в шутку Чапичев.

— Для нас в самый раз,— попросту ответил офицер.

— Что ж это такое,— размышлял Чапичев, глядя вслед удаляющимся солдатам.— Корабль ушел, а я остался на берегу. А когда он вернется, я должен описывать его плавание. Ерунда какая-то! — И он решительно выбрался из окопа.

Подразделение шло быстрым маршем, поспеть за ним было не так-то просто. Чапичев решил догнать их и пошел, держась чуть левее, ближе к подбитому вражескому танку. На случай, думал Чапичев, если фашисты откроют огонь, можно укрыться за этой громадой.

Скоро гитлеровцы открыли такую стрельбу, что наше

подразделение вынуждено было залечь. Чапичев оказался отрезанным от своих в ложбине, которая вела к подбитому вражескому танку. Прильнув к земле, он долго лежал не шевелясь. Снег под ним постепенно подтаивал. Руки и ноги коченели. Начал одолевать кашель. А подняться пельзя. Пулеметный огонь, как метель, гулял над полем, сеял смерть. «Может, меня из этой ложбинки немцам не видно», — подумал Яков и пополз в сторону танка. Характер стрельбы не изменился: пули свистят не над головой, значит, не по нему стреляют. Палат, как вообще во время перестрелки.

К танку Яков подполз, держа автомат на боевом взводе, — а вдруг там кто-то уже есть!..

С трудом открыл люк. Внутри пахло горелой одеждой. Обшарив все уголки, он понял, что экипаж выбрался из машины живым, истлела только одежда. Машина стояла лобовой частью к нашим траншеям. Посмотрев в щель, Чапичев увидел вспыхнувший на мгновение огонек. Кто-то в окопе прикурил. Чапичев только сейчас заметил, что наступил вечер: «Когда же успело стемнеть? Ведь шли в разведку среди бела дня».

Интересно, а что делается там, у гитлеровцев? Яков высунулся из люка, посмотрел в сторону вражеских позиций. Ночь стояла светлая, но видно было только метров за двести, не больше. Дальше все сливалось в густой морозной дымке. И вдруг, наверное в километре от танка, Яков увидел костер, вокруг которого грелись гитлеровцы.

«Наши за лесочком не могут увидеть этого огня, потому немцы и осмелели! — подумал он и начал соображать, как бы сообщить об увиденном своим. — Надо ползти к ним!»

И только он об этом подумал, как огонь вспыхнул ярче и осветил стоящие в ряд пушки.

Нет, изменил решение Чапичев, уходить отсюда пельзя: надо во что бы то ни стало помочь нашим артиллеристам уничтожить вражескую батарею! Но как передать координаты? В сгоревшем танке аккумулятор не работает. Яков похлопал себя по карманам. Нашел спички. Уже хорошо! Теперь бы изобрести какой-то светильник. Оставив люк открытым, он спустился в кабину, начал искать промасленную ветошь, которая могла бы гореть. Наконец нашел тряпку, поджег ее. Затем, то закрывая смотровую

щель, то открывая ее, стал подавать сигналы в сторону своих окопов. Заметят ли, поймут ли, что в танке свой?

Но его не замечали. Тогда Чапичев через открытый люк выбросил горящую ветошь на снег. Над окопами на мгновение подняли фонарь: поняли!

И Чапичев стал ждать. Через некоторое время приполз артиллерист-корректировщик и тоже забрался в танк. У него был карманный фонарь для подачи сигналов. Яков рассказал ему обо всем, что успел заметить на вражеской стороне. Артиллерист, не мешкая, засигналил фонариком на батарею. Возло немецкого костра вспыхнул огненный столб. И тут же Яков услышал раскаты орудийных выстрелов. Корректировщик просигналил, чтобы перенесли огонь вправо.

Снаряды рвались то ближе, то дальше, то левее костра. А когда ударило несколько наших пушек одновременно, там, где была немецкая батарея, сверкнули взрывы.

— Хорошо! — во весь голос крикнул Чапичев. — Поддай им еще!

И словно в ответ на эти слова, в центре немецкого костра взметнулся черный фонтан. Потом все померкло...

«Тюв! Тюв! Тюв!» — застучало вдруг по броне.

Решив, что это случайные, шальные пули, Яков нырнул в машину и закрыл люк. Стрельба усилилась. Значит, противник догадался обо всем и теперь их в покое по оставит. Однако не ждать же немцев в этом железном гробу.

Наступал рассвет. Стрельба поутихла. Решили проверить, не кончилась ли их осада. Высунули банку. Резкий и звонкий удар вырвал ее из рук. «Все ясно. Теперь надежда только на своих. Скорее бы заметили, что мы под обстрелом».

И вдруг с нашей стороны ударили из пулемета, винтовок и даже противотанкового ружья.

— Пулемет и винтовки — это понятно, но почему стреляет пэтээр? — вслух недоумевал Чапичев. — Так и продырявить нас в танке несложно.

Вскоре сквозь пулеметно-ружейную стрельбу до уха донесся рокот мотора.

«Фашисты пошли в танковую атаку!» — ужаснулся

Яков и сразу же вспомнил про роту автоматчиков, у которых было всего лишь одно противотанковое ружье. Нащупал на боку «лимонку» — единственную, которую посыл уже больше недели.

Но что «лимонка» для танка? Что иголка для слона. Была бы противотанковая, тогда другое дело...

Не успел Чапичев придумать, что можно предпринять, как их железный гроб долбануло так, что он аж с места сдвинулся. И тут же в крышку люка ударили чем-то тяжелым. Потом раздался крик:

— Русисш капут!

— Все. Влипли. Как зовут-то тебя, артиллерист?

— Ваня.

— Так вот, Ваня, отсюда мы, возможно, не выберемся. Будем держаться до конца. Вот граната...

— Само собой! Помирать, так с музыкой...

Чапичев закрыл изнутри люк башни, и они опустились на дно танка. В смотровую щель он увидел, что возле них стоял огромный тягач и немецкие солдаты цепляли буксир.

«Сразу два дела хотят сделать: тапк увезти и нас па мыло перетопить», — подумал Яков.

В люк барабанить перестали. Снова послышался голос. Зная немецкий язык, Чапичев понял, что гитлеровцы обещают им свободу и просят открыть люк, чтобы их механик-водитель помог отбуксировать подбитый тапк. Яков предложил сам это сделать.

Немцам, видимо, такой оборот дела понравился. Но теперь по танку застучали пули с нашей стороны, и гитлеровцы не рисковали лезть на башню, предпочитая укрываться за броней.

Вскоре тягач взревел на всю мощь, дернул подцепленный танк и потащил его в сторону немецких окопов. Сердце у Якова упало. Но он тут же спохватился, вспомнил, что обещал управлять машиной и, взявшись за рычаги, повернул танк вслед за тягачом.

Постепенно Чапичев забирал правее, чтобы вынудить тягач поближе подойти к лесочку. В голове родился дерзкий план побега.

— Держись, артиллерист! Не все еще потеряно...

Через некоторое время в смотровой щели с правой стороны показалось чернеющее на снежном фоне мелко-лесье. Вечером да и днем Чапичев не видел здесь немцев:

место было с сильным уклоном в нашу сторону — неудобное для маскировки. Но для пленников оно оказалось выгодным потому, что вблизи начинался лес, по которому можно было пробраться к своим. Весь вопрос в том, как выбраться из машины и не попасть в лапы фашистов. Кинуть гранату? Но она упадет около танка и сделает очень мало. Открыть люк и выпустить гранату на веревочке, чтобы она не скатилась сразу на землю, а взорвалась на броне? Тогда она сбросит тех, кто сидит на танке, а пленники тем временем выскочат и скроются в лесу. Только вот где взять веревку? Стоп, для такого дела подойдет брючный ремень!

Произошло неожиданное, на что Чапичев даже рассчитывать не мог. «Лимонка», разорвавшись на броне, впереди башни, не только разбросала сидящих здесь автоматчиков, но и повредила трос. Он лопнул. Танк остановился. Тягач же продолжал двигаться вперед. Яков и артиллерист стремительно выскочили из башни, прыгнули на землю и помчались по редколесью. Не успели они преодолеть и сотни метров, как саади застрочили автоматы. Яков бежал быстрее и быстрее, увлекая за собой артиллериста: отстреливаться было бессмысленно. Чапичев боялся одного, чтоб не ударил пулемет, тогда их могла скосить шальная пуля. Но вели огонь только автоматчики. Немцы, сидевшие в окнах, стрелять не решались, боялись попасть в своих.

На нашей стороне, видно, поняли, что произошло, и ударили из двух пулеметов. Яков чувствовал, товарищи бьют по немецким автоматчикам, которые их преследовали.

Вдруг больно дернуло руку. Ранен! Чапичев оглянулся и увидел бежавшего за ним фашиста. Первой мыслью было: остановиться и спокойно, прицелившись, сразить преследователя. Но Яков и артиллерист находились уже в лесу, где не было снега. Не оставляя следов, они продолжали бежать. А тут, как назло, левая рука Якова стала нестерпимо ныть — все сильнее он чувствовал боль.

Устав до изнеможения, Чапичев остановился, чтобы перевести дух. Сделав три глубоких вдоха и выдоха, как приучил себя еще в юности, он немного успокоил буйно kloкотавшее сердце. Ваня-артиллерист лежал на земле и тяжело дышал.

Позади слышался гул тягача. Стрельбы уже не было. С востока доносились обрывки русской речи.

Чапичев с трудом поднял артиллериста, и, тяжело ступая, они двинулись в сторону своих.

Вскоре раздался крик:

— Стой! Кто идет?

— Ребята! Свои мы. Помогите!

— Кто, спрашиваю? — еще суровее послышалось в ответ.

И тут же другой, более добродушный голос:

— Ты чи не чуешь, свои, людына!

— Давай скорее сюда!

— Кто и откуда вы?

— Я журналист... Из армейской газеты...

— Хлопцы! Так это ж наш поэт!

— Поэту тоже нужна медицинская помощь.

Больше Чапичев уже ничего не слышал...

V

Ранение оказалось не тяжелым, но Чапичев потерял много крови. Врачи не обещали выписать его так скоро, как он надеялся. Шла вторая неделя пребывания его в госпитале. Рука уже почти не болела, но Яков все еще «шталался от ветра». Было и досадно, и обидно отлеживаться на больничной койке, когда по всему фронту шли кровопролитные бои.

Яков старался не терять времени даром: много читал, писал новые стихи. Внимательно следил за сообщениями Совинформбюро, ежедневно вычерчивая на карте изломанную линию фронта; от первой до последней строчки прочитывал каждую попадавшую в госпиталь газету. Он быстро сходил с людьми, поэтому и в каждой палате у него были друзья, с которыми приятно побеседовать и которые сами делились сокровенным. Многие тяжелораненные просили его почаще заходить, поделиться последними новостями. И он не откладывал, заходил, садился у койки, читал газету или рассказывал о событиях в стране и за рубежом, о подвигах советских людей на фронте и в тылу. Часто политрук писал письма от имени раненых их женам и невестам. Стараясь не преукрашивать, он описывал бой, в котором отличился раненый, подчас сам вос-

хищался удивительному мужеству и героизму простых солдат — пехотинцев, артиллеристов, саперов.

Чапичев с глубоким уважением относился к представителям всех родов войск. Но мужественных и храбрых танкистов любил особенно. Словно извиняясь, он говорил: «Прикипел к ним сердцем». Наверное поэтому больше всего написал в госпитале стихов о них, считая: кто однажды пережил удар термитного снаряда по броне, тот по особому понял смысл жизни.

Как-то зайдя в палату, в которой до этого бывал уже не раз и все обитатели которой были ему известны, Яков увидел на крайней от окна койке нового жильца. С подушки глянуло на него знакомое, хотя и до крайности бледное, осунувшееся лицо. Сразу припомнился день, проведенный у автоматчиков, и говорливый ефрейтор, вводивший его в курс дела.

— Карасев! Ты ли это, друг? — склонился над раненым Чапичев.

— Я, товарищ политрук, — отозвался ефрейтор. — Не ждал, не ждал сюда попасть. Фашистский снайпер, стервец, постарался. — Превозмогая боль, улыбнулся. — Ничего, я скоро в строй войду. Гитлеровцы от меня еще заплачутся. А мы вас часто вспоминали. В тот день, когда вас ранило, мы изрядно потрепали фашистов. И тягач их забрали. Теперь он нам исправно служит.

Чапичев и Карасев — оба живого, неумного характера — крепко подружились. Все свободное время проводили вместе. Усядутся друг против друга, и ну спорить. Любили шутейно гитлеровцев разыгрывать. Те дни ознаменовались крупными победами наших войск. Были освобождены Ростов, Тихвин, Калинин.

Обычно вернувшись в палату после завтрака, Чапичев подмигивал Карасеву и начинал:

— Слышали новость? Гитлер заявил: «Если германская армия займет город, то она его уже никогда не отдаст».

— Конечно, — тут же вмешивался Карасев. — Они города не отдают. Мы их просто оттуда вышибаем. Елец, Клин, Яхрома, Калуга, — перечислял он, — Калинин. Пальцев на руке не хватает. Ефремов, Нарофоминск. Это все они не отдавали. Мы силой взяли.

— А вот на днях сообщение пришло, — продолжал Чапичев. — Войска Кавказского фронта во взаимодействии с

военно-морскими силами Черноморского флота высадили десант на Крымском полуострове и заняли города Керчь и Феодосию.

— Тут тоже все очень просто,— с охотой комментировал ефрейтор.— Это мы помогаем немцам сокращать линию фронта. И до тех пор будем помогать, пока не дойдем до Берлина. А Берлин уж штурмом будем брать. Я сам мечтаю в первой цепи пойти.

— Все это так,— соглашался Чапичев.— Только вот в газетах пишут, что в Белоруссии немецкие гарнизоны чувствуют себя, как в осажденном лагере. Куда ни ступи, всюду подстреливает партизанская пуля. Не знают фрицы, куда податься.

— И тут я могу совет дать,— отзывался Карасев.— Податься нужно восвояси: очистить подобру-поздорову нашу священную землю. А иначе ничем помочь нельзя. Разве что присоединить к партизанской пуле мою автоматную очередь.

— Сокрушаются гитлеровцы,— продолжал Чапичев.— Сколько ни злобствуют, сколько ни лютуют, а справиться с партизанами не могут.

— И не смогут,— подтверждал Карасев.— Партизаны на своей земле. А в своем доме, говорят, и стены помогают. Да и дело у них правое, верное.

Так и перебирали они каждый день газетные новости. Раненые слушали, усмехались, иногда поддакивали: «Верно, верно, ребята». И веселее становилось в палатах.

Однажды к Якову подошел пожилой сосед и присел на край койки. Он принес с почты свежую газету, попросил:

— Может, считаешь ребятам?

Чапичев взял в руки газету, быстро пробежал глазами по страницам и остановился на очерке П. Лидова «Таня». В нем рассказывалось о подвиге партизанки, которую немцы повесили в деревне Петрищево под Москвой.

— Да, именно это прочитай вслух,— настаивал сосед.— Ты прирожденный агитатор, у тебя получается убедительно.

В таких случаях Чапичева долго уговаривать не приходилось, а тут он с горечью ответил:

— Почитать можно, только невеселая агитация получится.

...Взволнованный судьбой девушки, Чапичев читал о том, как при выполнении боевого задания Таня была сква-

чена гитлеровцами. Они долго ее мучили и зверски пытали. В одной рубашке, босую в сильный мороз водили по деревне. Фашисты жгли кожу девушки спичками, царапали тело пилой, стараясь выведать у нее сведения о партизанах. Но ничто не помогло: отважная комсомолка ничего не сказала палачам. Наутро ее повесили. Когда советская девушка поднялась на ящик, поставленный под петлей, над площадью разнесся ее молодой голос, обращенный к людям, которых немцы согнали на казнь:

— Будьте смелее, боритесь! Бейте немцев, жгите, травьте!.. Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье — умереть за свой народ...

В этот момент фашист выбил из-под ее ног ящик...

Дочитав газетный очерк до конца, Чапичев взял в руки карандаш и, склонившись над чистым листом бумаги, глубоко задумался. В его сознании вставали почные заснеженные, изрытые воронками от бомб и снарядов поля Подмосковья. Молчаливое, грозное и гордое лицо девушки-комсомолки, смертельно ненавидевшей фашистских оккупантов и гневно бросавшей: «Нет, нет и нет!» Уже ложились на бумагу первые строки:

Враги сломить ее пытались —
Петлей грозили п свинцом,
Всю ночь «арийцы» измывались
Над Таней — доблестным бойцом.

А зимним утром серебристым,
Когда забрезжили лучи,
Ее повесили фашисты...

Чапичев тут же, не отрываясь, написал еще несколько строк, в которых выразил страдания и боль солдат у могилы героини, их клятву, не жалея сил, жестоко отомстить подлым убийцам. Стихотворение заканчивалось оптимистическими словами:

Пройдут года, залечим раны,
Но слава будет жить в веках
Московской девушки Татьяны —
Героя и большевика!

Позже Чапичев узнал, что Таней назвалась, когда гитлеровцы схватили ее, комсомолка Зоя Космодемьянская. До войны она училась в одной из средних школ Москвы. Добровольно, вместе с подругами, ушла в партизанский отряд и стала смелой разведчицей.

Тогда эпиграфом к своему стихотворению поэт поставил слова, взятые из передовой газеты «Правда»:

«Зоя умерла на виселице с мыслью о Родине... В смертный час она славилась грядущую победу.

Лучезарный образ Зои Космодемьянской светит далеко вокруг. Своим подвигом она показала себя достойной тех, о ком читала, о ком мечтала, у кого училась жить...»

В палате воцарилась тишина. Все увидели, что поэт что-то пишет. Сидели тихо, ждали. Знали, что, написав строфу, Чапичев имел обыкновение читать ее вслух своим товарищам по палате. Но Яков молчал, и тогда один за другим раненые потянулись в коридор, чтобы не мешать ему. А он сосредоточенно и быстро писал, зачеркивал и снова писал. Рождались стихи...

Чапичев особенно радовался, когда паходил в газетах сообщения о делах Волховского фронта, о боях за Ленинград.

— Молодцы волховчане! — восхищался он. — Здорово наступают! Слышали? Будущошь взята. Малые Кириши. Скоро врага отбросят за Волхов...

Но тут же вздыхал. Знал, что положение ленинградцев очень тяжелое: фашисты держали город под постоянным обстрелом. Но про себя всегда твердил: враг будет разгромлен и под Ленинградом так же, как разбит под Москвой и Ростовом. Придет час, когда гитлеровцы и здесь побегут, бросая орудия, технику, боеприпасы, оставляя горы трупов.

Погруженный в раздумья, Яков не заметил, как в палату осторожно вошел человек в накинутом на плечи белом халате.

— Что-то, поэт, вижу я, присмирели, — пошутил он.

И только тут Чапичев узнал вошедшего:

— Деревянкин! Сергей! За мной?

— Не спеши, не спеши, — обнимая больного, говорил гость, веселый, румяный с мороза: ведь на дворе стоял уже январь.

Деревянкин первым делом подал Чапичеву все помсра газеты, вышедшие без него. В двух из них Яков нашел и свой материал — статью о бронебойщике Кучумове и стихи, написанные в госпитале и отосланные случайной оказией. Газеты тут же пошли по палате.

Сергей протянул ему еще один номер — со своим очер-

ком о подвиге Чапичева в подразделении автоматчиков. В нем сообщалось о том, сколько техники и живой силы уничтожили артиллеристы благодаря поэту-корректировщику, которого командование представило к правительственной награде.

Чапичев аккуратно сложил газету, поднял на Сергея вопросительный взгляд:

— А как принял редактор весть, что его нового корреспондента угораздило попасть в госпиталь?

— Война есть война, дорогой. Все качал головой, когда узнал, как тебя немцы в танке катали. Вот, говорит, чертов поэт, куда забрался. Кстати, я и сам недоумевал, как ты там очутился, пока не поговорил с автоматчиками. Они прислали в редакцию благодарность за твой, как писали, героический поступок. После этого редактор велел мне выехать на место «происшествия» и написать очерк. «Лучше бы статью от них для газеты получить, чем благодарность», — ворчал он, а сам, вижу, гордится тобой. То и дело повторяет: «Вот неугомонный. Вот шальной!» Ты мне хоть расскажи, какое чувство было у тебя, когда фашисты подцепили танк и потащили бог знает куда? Сознание, наверно, помутилось?

— Было дело, струхнул порядком, — признался Чапичев. — Но потом освоился и стал думать, как быть дальше. Вспомнил почему-то слова Суворова: «Смелого пуля боится...»

— Зря ты тогда не взял меня с собой: пришлось писать очерк по рассказам, — посетовал Деревянкин. — А это всегда труднее.

— Чувствуется, что тебе материала не хватило, — Яков улыбнулся.

— А что, не так разве было?

— Если сказать правду, то все было наоборот. Ну, да ладно.

— Все-таки, — не отставал Деревянкин.

— Всякое было. Порой волосы шевелились на голове. Страх сменялся смехом. И даже, кажется, песню какую-то пел.

— Да ну! Не может быть?! — недоверчиво отозвался Деревянкин и, чуть прищурив правый глаз, со стороны посмотрел на своего друга.

— А что мне оставалось делать? — оправдывался Чапичев. — И сам не знаю, что на меня нашло. Со страху,

наверное, зашел. А может, от безысходности. Думал: все пропало. И потянуло на веселье.

— Опасное это веселье! Иногда с ума сходят от него, — сокрушенно качал головой Деревянкин.

Яков будто не расслышал этого упрека и, к удивлению Сергея, начал рассказывать легенду, слышанную им когда-то от бабушки:

— Мой библейский предок, святой Иов, пробыл во чреве кита, кажется, трое суток и то не унывал. Иов не только не упал духом, а еще и тяжбу завел с богом. «Какого черта, мол, ты впихнул меня в это вонючее китовое брюхо! Водоросли опутали всю голову. Темно — хоть глаз коли... Не сплю и не ем... Срамотища!» Бабуся жалко было сытого, а мне нет... — Он на секунду замолчал, а потом вдруг неожиданно спросил Сергея: — Ты любил в детстве лазить по чердакам?

— О-о, самое интересное занятие!

— Значит, поймешь меня. Правда, на таких чердаках, какие видывал я, тебе бывать не довелось, — с гордостью заметил Яков. — Мой отец был холодным сапожником...

— Что значит «холодным»?

— Сейчас это называют — «ремонт в присутствии заказчика». Мелкий ремонт, — пояснил Чапичев. — А отцу хотелось стать настоящим сапожником, потому что в Джанкое, где мы тогда жили, «холодных» было больше, чем ботинок да сапог. И отец собирал все, что нужно было для настоящей мастерской. Найдет выброшенную на свалку колодку — тащит на чердак. Поднимет ржавый сточенный рапиль — туда же. За несколько лет на чердаке накопилось уйма всякого хлама.

— Но мастерскую он открыл?

— Да нет же, куда ему, — вздохнул Яков. — Так вот, чрево кита я представлял себе таким же захлавленным чердаком. Ведь кит глотает всякую всячину, даже железо...

— И все же в чреве кита, наверное, было безопасней, чем в фашистском танке?

— Признаться, да. Мороз по коже подирал. Но, знаешь, когда вот так тебя прижмет, что, кажется, конец, мысль работает во много раз быстрее, сам становишься находчивей, смелей и, я бы сказал, удачливей. В тот день я понял по-настоящему смысл слов Суворова.

Вошел врач. В отделении начался очередной обход, и Деревянкин стал прощаться.

— Ну, преемник бесстрашного Иова, — сказал он, — выздоравливай. Мы за тобой пришьлем машину, чтобы тебя не перехватили другие.

В редакцию Яков вернулся в конце января 1942 года. Положение на фронте значительно улучшилось. Даже иностранная пресса писала, что новые победы Красной Армии убедительно продемонстрировали мужество и дисциплину русского народа. Советские войска успешно продвигались вперед на ряде важных участков огромного фронта, и германская армия, которая многим казалась еще недавно «непобедимой», отступала все дальше и дальше на запад. Естественно, что и в редакции настроение было боевое, приподнятое.

На Волховском фронте каждый день происходили важные события, за которыми мы, газетчики, еле поспевали. Солдаты и командиры приобретали опыт, учились воевать малой кровью. Своими героическими действиями прославилась в те дни артиллерийская батарея Можарова. Редактор вызвал Чапичева.

— Немедленно поезжайте на место, — приказал он. — Поживите несколько дней с артиллеристами и напишите о них.

Чапичев прежде всего решил осмотреть поле недавнего сражения. После того как он полазил по траншеям, побывал на огневой позиции, которую занимала батарея, поговорил с людьми, перед ним развинулась грозная картина неравного боя. Фашистская пехота при поддержке танков пошла в атаку. Путь ей преградила батарея офицера Григория Можарова. Только смяв ее, гитлеровцы могли двигаться дальше. И тогда вокруг горстки советских артиллеристов запылало пламя. Гром орудий, рокот моторов, непрерывная стрельба из пулеметов и автоматов — все слилось в сплошной грохот, окружающее напоминало скорее кремешный ад, чем земные деяния.

Гитлеровцев было в несколько раз больше, чем артиллеристов. Поэтому батарее приходилось стрелять экономно и точно — ни одного выстрела вхолостую, ни одного снаряда мимо цели, только наверняка. На место вышедших из строя артиллеристов немедленно становились другие: планшетисты, шоферы, солдаты взвода обеспече-

пия, хозяйственники... Враг все теснее и теснее сжимал вокруг батареи кольцо.

...Чапичев мысленно видел теперь всех защитников непобедимого редута. Пример своим подчиненным показывает командир батареи Можаров. Вот он сам стал у орудия. Не обращая внимания на ранение, пересиливая боль, посылает по врагу снаряд за снарядом. Лихорадочно работает подъемным и поворотным механизмами, стреляет, стреляет и стреляет...

Осколком разорвавшегося неподалеку снаряда разбило панораму. Можаров стал наводить орудие через ствол. Уже несколько вражеских танков застыли на поле боя, но другие еще ползли на батарею. Фашисты несли потери также в живой силе. Только и ряды артиллеристов таяли на глазах. Настал момент, когда в живых остался лишь командир батареи. Весь израненный, истекающий кровью, он продолжал отбиваться от наседающего врага. А когда кончились боеприпасы и подвезти их уже было некому, в ход пошли гранаты...

В том бою погиб старший лейтенант Можаров. Погиб с честью, вместе со своими солдатами, как подобает офицеру. Погиб, но не пропустил врага...

Политрук Чапичев стоял на недавнем поле боя, облокотившись на лафет искареженной вражескими снарядами пушки, и думал, что в подобной ситуации он, наверное, поступил бы как Григорий Можаров. Так велит честь советского офицера.

Советский офицер! Чапичев помнил то время, когда слово «офицер» произносилось с презрением. Именно с этим словом были связаны жестокие расправы, которые чинили белые офицеры в годы гражданской войны над мирным населением, над схваченными красноармейцами. С тех пор прошло много времени, новым понятием наполнилось слово «офицер». Советский офицерский корпус с честью прошел большую и суровую школу войны. Она закалила его и обогатила большим опытом военного искусства. И те победы, которые успела уже одержать Советская Армия, явились результатом военной зрелости и мастерства офицерского состава. Солдаты законно гордились своими командирами и, не задумываясь, прикрывали их в бою собственной грудью...

Обо всем этом размышлял Чапичев, готовя материал для газеты о подвигах артиллеристов батареи старшего

лейтенанта Григория Можарова. Вместе с очерком о них, Яков положил на стол редактора стихи, посвященные офицеру. Они заканчивались такими патетическими строфами:

Где ж герои силу брали
В схватке той неравной,
С чем же банду побеждали
По-геройски, славно?

С этой силой под Ростовом
Немцев мы громили,
Тихвин с пей в бою суровом
У врага отбили.

Эта сила и отвага —
В боевом походе,
В славной воинской присяге,
В партии, в пароде!..

Удивительная способность была у Чапичева — он первым узнавал новости, важные события, происшедшие на передовой. Пожалуй, многое можно отнести за счет его общительного характера. Вот и на этот раз, только успел сдать материал об артиллеристах, решил поехать к минометчикам. Кто-то рассказал ему, как они прорвались в тыл фашистских позиций и устроили там такой тарарам, что гитлеровцам пришлось спешно «выравнивать линию фронта». А попросту говоря, бежать в панике.

Редактор было пытался отговорить Якова от поездки: ты, мол, устал, только с передовой... Но тот ничего не хотел слышать. Пришлось уступить.

Недолгие сборы у военного журналиста, не оттягивает плеч вещевой мешок: горбушка хлеба, банка консервов и несколько блокнотов, полотенце, бритва, зубная щетка. И снова — дорога, попутные машины. Редко когда удастся доехать в кабине с шофером, но в кузове всегда найдется место то на бочках с бензином, но на решетчатых ящиках с минами или с артиллерийскими снарядами. На этот раз Яков ехал под брезентом, удобно устроившись на мешках с мукой.

Чапичев сразу подружился с минометчиками. Ему всегда удавалось удивительно быстро сходитьсь с людьми, располагать их к себе. Простой, общительный человек, он был внимательным слушателем и умным собеседником.

Так понравились корреспонденту храбрые солдаты и

их инициативный командир — лейтенант, что он не сдержался, высказал вслух заветное желание:

— Приеду. Сдам в редакцию материал и подам рапорт с просьбой перевести меня в вашу часть.

— Приезжайте. Комиссар нам очень нужен, — просто сказал лейтенант. — Солдаты у меня хорошие, я ими доволен. Полный интернационал — есть представители почти всех республик...

После возвращения Чапичев завел разговор о своем желании перейти к минометчикам:

— Понимаете, — убеждал он редактора, — создать что-то значительное можно только тогда, когда досконально будешь знать то, о чем собираешься писать. Я, газетчик, всё время вынужден переключать свое внимание с одного на другое, а мне надо сосредоточиться на чем-то одном...

— Понимаю, — вздохнул редактор. — Но ведь мы все вынуждены заниматься не тем, что мило нашему сердцу. Война диктует свои законы, и мы не можем им не подчиняться. Твое место там, где ты нужней. Или я не прав?

— Вы правы, конечно. Да я и сам так думаю. Но, как говорится, ум с сердцем не в ладу.

Редактор только руками развел.

— Как мальчишка, — пожаловался секретарю парторганизации, — все время куда-то рвется. В конце концов сбежит он от нас. Но что с него возьмешь — поэт.

Выслушав нотацию редактора, Чапичев вдохновенно продекламировал:

Поэт всегда с людьми,
Когда шумит гроза,
И песни с битвой — вечно сестры.

— Твое? Давай в газету! — оживился батальонный комиссар.

— К сожалению, не мое.

— Жаль. Сказано правильно! — Редактор оживился: — Ты обратил внимание, что в газету приходит все больше стихов. Значит, больше рождается на фронте поэтов. Стихи, конечно, несовершенны по форме, но в них звучит твердая вера в нашу победу.

— Да, чуть не в каждом взводе свой поэт есть, — шутя ответил Янов. — Я давно хотел об этом сказать, но вы и без меня заметили. Нам, поэтам, требуется теперь больше

места в газете. Нужна постоянная литературная полоса.

— Мы просто читаем мысли друг друга, — резюмировал редактор, — решил поручить именно тебе вести эту страницу. Согласен?

— Конечно.

— Я так и думал. Подбирай стихи, рассказы, юмористические заметки... Каждое воскресенье будем давать полосу.

Чапичева такое решение обрадовало. Теперь он будет привозить с передовой не только интересные материалы, но и стихи, которые писали красноармейцы.

Помню, мы трое — Чапичев, Иван Вострышев и я — собрались в избе, чтобы обсудить и подготовить первую литературную страницу. Перед нами лежала солидная почта, среди которой было много стихов. Писали их в основном начинающие поэты, но в стихах чувствовалось биение жизни, и сквозь строки, сделанные подчас далеко не совершенно, пробивались подлинные искры таланта. Несколько стихотворений прислал в редакцию офицер Анатолий Рыбин. Позже он стал активным военкором, и с ним мы вели теплую переписку. Рыбин описывал впечатления от боя, изображал стрелков, идущих в атаку, высмеивал гитлеровских вояк.

— Это как раз то, что надо, — заметил Чапичев и отложил одно из рыбинских стихотворений. — Пойдет, — решил он. — Дадим и стихи Василия Глотова «Вперед к победе!» — о наступательном порыве советских воинов.

Отдельно Чапичев откладывал лирику и обязательно требовал поместить ее на литературной странице. Набралось немало стихов о том, что дорого было солдатскому сердцу: о матерях, о любимых, о родных местах.

Словом, первой нашей ласточкой стала литературная «Страница красноармейской поэзии». Появилась она в газете 23 февраля 1942 года, подготовили ее Яков Чапичев и Иван Вострышев, которого в редакции называли мастером на все руки.

С тех пор литературные страницы появлялись регулярно. Нам казалось, что популярность газеты от этого возросла. К ней потянулись теперь любители поэзии, веселой шутки, каламбура. Однажды в полку Якова пригласили посмотреть выступление самодеятельных артистов. Он удивился, когда узнал, что программу свою они построили

на стихах и юморесках, ваятых из литературной полосы газеты. Были использованы и его сатирические стихи.

Когда-то Чапичев еще в своей дивизионке опубликовал частушки да и забыл о них. А тут вдруг услышал. Вышел на сцену, сбитую под елкой из горбылей, солдат с балалайкой и запел:

Злесь волка, тише вора
Враг залез к нам в час почпой.
От фашистской черной своры
Отстоим мы край родной...

Чапичева это выступление заставило больше писать сатирических куплетов, которыми потом солдаты пересыпали свою речь, запомнилось им и его выступление в газете, которое родилось неожиданно.

Однажды он привез статью о подразделении, которое захватило у немцев восемь танков и несколько пушек и потом этим же оружием успешно громило врага. Редактор прочитал и сказал озабоченно:

— Вот бы знать, как на это реагируют фашистские главари.

— Не знаю, как сам Гитлер, а Геббельс прореагировал очень просто,— с готовностью ответил Чапичев.

— Как же?

— Когда узнал об этом случае, сказал: «Прекрасно! Так и запишем—«Новая победа немецкого оружия!»

— Да откуда ты это взял?— недоуменно спросил редактор.

— Ну, а как он еще мог ответить, чтоб поднять дух солдат фюрера?

— Ну и бестия!— с веселой улыбкой сказал редактор и тут же потребовал написать об этом в газету.

VI

На этот раз в комапдировку Чапичев отправился вместе с Деревянкиным.

— Одного больше не пущу,— полусуто сказал ему редактор.— Чего доброго еще в пушку залезешь, а артиллеристы не заметят да и выстрелят...

Посмеялись и, как говорится, разъехались в разные стороны. Редактор стал готовить очередной номер газеты, корреспонденты же, вооружившись автоматами, блокно-

тами и карандашами, отправились выполнять полученное задание.

Поздно вечером добрались до батальона, который занимал оборону на одном из боевых участков дивизии. Только что была отбита очередная атака гитлеровцев. В одну из ротных землянок вместе с солдатами незаметно втиснулись и корреспонденты. В ней было темно и душно. Разгоряченные боем люди шумно спорили, что-то доказывали друг другу, делились впечатлениями. Но вот в землянку ввалился высокий плотный сержант-украинец, и все как-то сразу притихли. Он не спеша пробрался в дальний угол, взял свою, видать, давнюю спутницу — гармонь и тихо заиграл. Ему стали подпевать несколько голосов:

Ты ждешь, Лизавета,
От друга привета,
Ты не спишь до рассвета,
Все грустишь обо мне!

Припев подхватили дружно:

Одержим победу,
К тебе я приеду
На буланом
Боевом коне.

Бойцы, только что закончившие тяжелый ратный день, слушали песню. Перед их взором возникали родные деревушки, темные леса, тихие речки. Они будто видели, как вставали над полями туманы. Дрожали на золотых колосьях капли росы. Мелькали затканые серебряным ином деревья, избы, по самые окна нырнувшие в белые сугробы. В одной из них горит свет, и до слуха доносится плясовая песня. Это свадьба. А деревенские мальчишки и девчонки, расплывшись на замерзшем стекле покрасневшие носы, любят пляска, заслушиваются песнями...

Вспоминали солдаты манящие, незабываемые родные места, видели семьи, любимых... И лица их становились спокойнее, задумчивее.

А сержант уже подбирал мелодию другой песни:

Теплый ветер дует —
Развезло дороги,
И на Южном фронте
Оттепель опять...

Деревянкин тихонько подтягивал, а Чапичев сидел молча. Ему приятно было отдохнуть, слушая неунывающую гармонию, переливы русских песен. Сердце его наполнилось радостью. Он думал: какая все же сильная вещь — песня. Она сопровождает человека всю жизнь. Едва он родился — над ним звучит колыбельная. Он подрастает и своим тоненьким, неустоявшимся голосом начинает подпевать старшим. Человек растет, и ширится круг его песен. Человек поет в труде, в радости, в любви и разлуке. Песня — это душа народа, его славная история, его победы.

Яков вынул блокнот и стал торопливо писать. Он писал о том, как необходима песня на войне. Она, как друг боевой, снимает усталость, рождает новые силы. Вот и сейчас, заглушая редкие взрывы и пулеметную трескотню, сержант басом поет о степи, о зимнем пути и об умирающем ямщике. Каждый солдат, воюя, повидал немало смертей, но этот бесхитростный рассказ о смерти ямщика брал за душу.

Размечтавшись, Чапичев не заметил, как лирическая песня сменилась залихватским «яблочко», зазвенела острая, как штык, частушка:

Едет Гитлер к нам на тапко
Пить вино и есть барапки,
На закусочку ему
Я гранату берегу.

Эх, яблочко
Да оловянное!
Над фашистами кресты
Да деревянные!

В такт песне раздастся дробь чечетки. Прикорнувший было маленький юркий ефрейтор пустился в пляс.

— Ну и молодцы вы у меня! — спускаясь в землянку, одобрительно проговорил командир роты. — Если бить фрицев начнете — то без устали, песни петь, плясать — тоже мастера.

И вот уже солдаты, сурово сдвинув брови, поют негромко, но самозабвенно новую песню:

...Идет война пародная,
Священная война...

Могучая и грозная, несется она в темноту ночи. Доплывает до вражеских окопов, и неуютно становится в

них гитлеровцам. Они первничают, боятся темноты, бесцельно пускают ракеты, бьют из автоматов и пулеметов...

На другой день, наполовину заполнив блокноты рассказами бойцов о том, как они отражали атаки фашистов, корреспонденты переместились в штаб полка. Чапичев быстро познакомился с офицерами штаба, поговорил с одним, с другим и вот уже, отозвав Сергея в сторону, горячо зашептал ему на ухо:

— Слушай, готовится вылазка за «языком». Нельзя упустить такой случай.

— Не возьмут нас,— засомневался Деревянкин.— К тому же редактор...

— Ты только поддержи,— упорствовал Чапичев.— А редактору что? Ему хороший материал нужен. Он простит.

Они пошли к командиру полка. Чапичев стал объяснять, что им обязательно надо сходить с разведчиками.

— Иначе не напишем со знанием дела. Так, чтоб взволновало других,— объяснял он.

Командир с этим доводом согласился.

— Частенько вы, газетчики, пишете «в общем и целом». Чувствуется, что с чужих слов сочиняете.

Но включить корреспондентов в состав разведгруппы отказался. Сослался на то, что надо заранее все было обговорить, согласовать со штабом дивизии. Чапичев рассердился, стал звонить в дивизию. Его не очень поняли, сказали: «На усмотрение пятнадцатого»,— то есть опять отослали к командиру полка. Последний колебался. Но все же привел еще аргумент. Посмотрел на часы и сообщил, что до выхода на задание осталось менее часа, Чапичев обрадовался: успеем. Командиру поправилась его пастойчивость, и он приказал офицеру штаба лично отвезти корреспондентов на машине в разведотряд.

В разведку предстояло идти по двум направлениям. Одна группа будет пробираться перелесками в обход боевого охранения противника. С ней пойдет Деревянкин. Другая, с которой отправится Чапичев, двинется напрямик, по открытому снежному полю.

Мипометчики заранее подготовили путь разведчикам: все поле исковыряли минами, распахали снежную цели-

ну. Бойцам, одетым в белые халаты, удобно маскироваться между комьями снега и земли.

Как только стемнело, обе группы выбрались из траншей на открытое поле и поползли в указанных направлениях. Ползали осторожно, ничем не нарушая тишины. И вдруг немцы всполошились, выпустили ракету, и вслед за ней в воздухе повис яркий фонарь. Разведчики замерли на месте, там, где их застал предательский свет.

Деревянкин отчетливо увидел недалеко от себя пулеметную точку. Он мог приложить автомат к плечу и расстрелять гитлеровцев, но приказано было действовать осторожно. Командир взвода напутствовал их перед выходом: «Не поддавайтесь провокациям и панике, когда враг поднимет стрельбу. Влипните в землю. Переждите и опять ползите. Чаще всего он стреляет наугад, не видя никого впереди».

И выдержка спасла. Немцы, начавшие было стрельбу, уgomонились. Фонарь долетел до земли и погас.

В это время вторая группа бесшумно подползла к лесной опушке. Чапичев впервые ощутил, как страшна на фронте тишина. Каждый куст и бугор мог оказаться неприятельской огневой точкой. Врага не видно, но по всему чувствуется: он где-то рядом. Разведчики должны проскользнуть незаметно, ничем не выдавая себя.

...Вдруг впереди мелькнули четыре тени. Чапичев притих. Ждет, что же будет дальше. Неизвестные перебежали через овражек. Постояли. Пошептались. Стало ясно — это разведчики врага... Надо что-то предпринять. Но что? Командир лежит, как застывший наст снега.

Четверо по одному перебежали к следующему кусту. Командир подполз к Чапичеву и сказал:

— Следи за ними. Когда вплотную подойдут к нашим разведчикам, крикни: «Четверо!» — и замри, чтоб свои не подстрелили.

Чапичев был рад этому поручению: ему хотелось узнать, какими путями пробираются лазутчики к нашим окопам, как ведут себя потом, когда становятся просто «языками». И он полз за ними с величайшей осторожностью.

Немцы опять повесили фонарь. На этот раз над нашими траншеями. Яков понял, что они освещают путь своей четверке. Чапичев затаился.

Наконец стрельба утихла. Яков видит наших развед-

чиков. Они лежат за кустами, а немцы почему-то толкуются на одном месте. Он долго не мог понять, что же они делают. Заметил, что возле одного куста, где все время белел снег, появился темный бугорок. «Землю роют, — подумал Яков. — Окапываются!»

Присмотрелся внимательнее — окапываются. Значит, хотя здесь и на день остаться, чтобы наблюдать с близкого расстояния. Землю эту они потом присыплют снегом, и с нашей стороны ее не заметишь...

«Черт возьми! Что же делать?» — забеспокоился Яков и решил, обойдя гитлеровцев, приблизиться к своим.

Слегка попятился и, пользуясь тем, что немцы звенели и скребли лопатками, стал удаляться, брать правее, туда, где лесистее. Теперь его мучило другое: свои могут принять за неприятельского лазутчика.

И только он об этом подумал, как на него кто-то тяжело навалился; зажали рот, чтоб не кричал, заложили за спину руки, связали и потащили. Через несколько минут его опустили в глубокую траншею. По разговору солдат Яков узнал — свои. Распахнулась дверь. Его внесли по ступенькам в блиндаж, и тут он увидел свет печурки, возле которой сидел командир подразделения. Якова развязали, вынули кляп изо рта, и он залпом выпалил:

— Их четверо! Окапываются недалеко от того места, где меня взяли...

Чапичев сказал это скороговоркой, боясь, что ему опять по какому-нибудь недоразумению зажмут рот.

— Товарищ корреспондент, простите пожалуйста, — извинялся командир роты.

— Не беда, ваши люди действовали правильно, — отмахнулся Чапичев и стал подробно рассказывать обо всем, что произошло, что видел собственными глазами.

Разведчики тотчас же отправились вместе со своим «плепным» туда, где окапывались фашисты, и на глазах у Чапичева бесшумно взяли их.

Удачно прошел поиск «языка» и в первой группе, в составе которой действовал Сергей Деревяшкин. Он был доволен поиском и охотно делился своими впечатлениями. Разведчики пробирались очень осторожно, используя для маскировки каждый куст, каждую складку и бугорок. Вскоре засекли несколько огневых точек врага. Но не все. Откуда-то непрерывно, короткими очередями, строчил пулемет. Надо было установить его местонахождение и за-

кидать гранатами. Сержант Измайлов и Деревянкин вызвались разделаться с пулеметом. Они осторожно ползли вперед, прислушиваясь к каждому шороху.

— Фашисты! — услышав чужие голоса, тихо произнес Деревянкин.

Действительно, метрах в десяти, в воронке от спаряда, сидели гитлеровцы.

Спрятавшись за бугорок и распределив между собой обязанности, Измайлов и Деревянкин терпеливо ждали. Наконец один немец выбрался из воронки и, пригнувшись, уверенно пошел в направлении нашей засады. Вслед за ним, на расстоянии трех-четырех метров, появились еще двое. Как только первый гитлеровец поравнялся с разведчиками, Деревянкин и Измайлов внезапно навалились на него, выбили из рук оружие, заткнули рот, связали и потащили к переднему краю. Сзади трещали выстрелы. Это группа обеспечения автоматным огнем уничтожала оставшихся.

Захваченные фашисты сообщили нашему командованию важные данные...

Чапичев проснулся, когда в землянку под охраной часовых ввели пятерых «языков». Заметив офицера, пленные фашисты испуганно уставились на Чапичева.

— Гитлер капут, Гитлер капут, — торопливо лепетали они, старались расположить его к себе, попутно отказываясь от своего бесноватого фюрера.

Чапичев с омерзением смотрел на зеленые мундиры. Противно было от мысли, что фашистские воики храбры тогда, когда пьяной оравой идут за танковой броней. Но вот наступил момент: огромная машина войны остановлена. Теперь фашисты начинают понимать, что молниеносная война не удалась и скоро, очень скоро всех их ждет час расплаты. Русские войска начнут свое победное наступление.

Чапичев не хотел разговаривать с пленными. Он вышел из землянки, пристроился на огромном пне, достал блокнот и торопливо записал: «Наступление». Он должен написать такое стихотворение. Написать о танкисте Потапове, артиллеристе Можарове, разведчиках, своих новых знакомых. Каждый из них сделал все возможное, чтобы приблизить победу. Будет наступление. Живые отомстят

за своих погибших товарищей, без усталости погонят ненавистного врага. Наступление!

Пользуясь тишиной, Яков прежде всего стал переписывать стихотворение, которое начал давно, да все никак не мог закончить. Называлось оно «Письмо другу» и было адресовано моряку Василию Морозову, сражавшемуся на Черноморском флоте. Сознание того, что своим участием в разведке он реально содействовал фронту, помогло написать последнюю строфу:

Храбро бьются и наши ребята,
В бой идя сквозь огонь и пургу,
Будь уверен, штыком и гранатой
Я, Василий, тебе помогу!

VII

Чапичев уговорил Деревянкина не сообщать редактору об их походе с разведчиками, пока не появится статья в газете.

Деревянкин сдержал слово. Батальонный комиссар обрадовался хорошему очерку о храброй пятерке разведчиков, где Сергей и Яков вместо себя вывели каких-то Семёна Гринько и Якова Капицу, но все ситуации боя сохранили до мельчайших подробностей. Очерк получился живым, насыщенным интересными деталями. Редактор подозвал их обоих и прямо спросил:

— Скажите правду, вы сами ходили в разведку?

— Да! — громко ответил Яков и, не моргнув глазом, тихо добавил: — Мысленно.

Ответ прозвучал правдоподобно, батальонный комиссар поверил.

— Сдавайте материал в номер. Сутки отдыхайте, затем один, Деревянкин, — к артиллеристам, другой, Чапичев, — к саперам, с ними ты еще не встречался, — добавил он, обращаясь уже к Якову.

— Мечтаю встретиться. Говорят, интересный народ, — живо подхватил тот и начал разгружать свою походную сумку.

— А в награду за хороший материал, вот — получай... — редактор подал белый конверт с цветочками на уголках, нарисованными детской рукой.

— Долореса! — не сдержался Чапичев.

Сначала он осмотрел письмо со всех сторон, потом бережно распечатал его.

Это были первые буквы, первые каракули дочурки.

Быстро прочитав короткое посланье, Яков еще раз осмотрел его. Даже сосчитал буквы. Их было сорок восемь. Но как дорого стоила каждая, думалось ему, когда он снова и снова перечитывал письмо.

Глаза Якова потеплели, на губах появилась мягкая улыбка.

— Живы! — накопец произнес он. — Долорес пишет, дочурка моя...

От радости начал тихо напевать:

Вдоль по шоссе шумели тополя,
Рос кипарис, очей моих отрада,
Дарила благодатная земля
Вино, и хлеб, и гроздь виноград...

— Сам понимаю — по шедевр, — сказал он, — по в этих стихах встреча с детством, читая их, я чувствую себя мальчишкой. Знаешь, что мне чаще всего снится? Нет, не наши горы, не море, хотя море я люблю до самозабвения. Мне снится паровозное кладбище, где мы играли детьми. Зной, заросли чертополоха, стрекóзы. Цикады звенят, а на стертых рельсах — проржавевшие паровозы. Мне всегда их было жалко. Ведь все есть: и котлы, и колеса, только приборы спяты и свистки...

Чапичев замолчал, а Деревянкин с удивлением взглянул на него: при чем здесь паровозное кладбище?

— У этих паровозов-«кукушек» были пронзительные свистки. Паровоз умер, а звук навсегда сохранился в ушах. Страшно. Наверное, так и поэт. Он весь не умирает...

— Я понимаю, — отозвался Сергей. — А если, скажем, пет у человека поэтического дара, тогда как?

— Я уже говорил, кажется, что в каждом человеке живет творческое начало и проявляется оно по-разному. О Галиченкове слышал? Талантливый снайпер! Свой талант, свое призвание каждый должен сам найти. Можно быть просто талантливым на любовь к людям. Это высший талант. Я хотел бы обладать им и на него променял бы любую поэтическую славу. А если хочешь откровенности: я вовсе и не поэт. Я по сути еще только начинаю. И должен торопиться. Мои стихи как незакаленные стрелы. Пожигают немного и умрут.

— Ты зря бичуешь себя, — сказал Сергей. — Твои стихи воюют, как солдаты. Их московские артисты исполняют со сцены. Я сам слышал.

Чапичев оживился:

— Не заливаешь?

— Честное расчестное. — Деревянкин вдруг почувствовал, что Яков близок ему.

— Я сегодня очень взбудоражен, — признался тот. — Мне надо собраться с мыслями и написать домой письмо.

Но вместо обычного письма вдруг сами собой стали рождаться стихи:

Когда приходит сумерки в бою
И мы лежим в землянке у печурки,
Я вижу Долоресочку мою,
Родную непослушную дочурку.

Яков зачеркнул, взял другой лист.

Туманят взор мне теплая слеза,
И вот опять встают передо мною
Курносый носик, черные глаза
И девочка с курчавой головою.

Больше Яков не зачеркивал того, что писалось само. Строфу за строфой он дописал все стихотворение.

Когда закончил письмо и хотел было запечатать его, батальонный комиссар дружески положил руку на плечо Чапичеву и попросил:

— Перепиши для газеты.

— Что переписать?

— Письмо.

— Так это ж личное.

— Поэтому и прошу лично. Солдатам оно очень поправится и явится подмогой в боях.

Так стихотворение «Моей дочурке Долоресочке» было сначала отдано наборщику, а потом уж отправлено по адресу.

Редактор тем временем открыл свой небольшой чемоданчик, в котором хранил самые важные редакционные документы, и, вынув оттуда квадратную коробочку, подал ее Чапичеву.

— Письмо-то пришло несколько дней назад, когда ты был на задании. По конверту и штампу догадались, что оно от дочери, и кое-что за это время сэкономили. Посмотри, может, добавишь чего. И сегодня же отошли. Утром будет некогда...

Яков раскрыл коробочку и увидел аккуратно уложенные кусочки сахара и плитку шоколада. Он растроганно посмотрел на редактора, который делал вид, что сосредоточенно читает рукопись. С благодарностью подумал о людях редакции, никогда не оставлявших друзей в беде.

Следующую почь Чапичев провел уже у саперов. Она была особенно беспокойной. Саперы трижды пытались разминировать поле, по которому предстояло пройти пехотинцам к занятой противником деревне. Но если саперам и удавалось сделать в минном поле проходы, гитлеровцы тут же закрывали их. Командир стрелковой роты решил провести своих бойцов правее минного поля. Но там, на флажке, в окопе за разбитой снарядом сосной, стоял пулемет, огонь которого никак не могли подавить. Надеялись на дружную атаку на всем участке. К ней и готовились.

Чапичев занимался своим делом — собирал материал для очерка. Но его все время неотвязно занимала мысль: как бы обхитрить врага. Наконец он решил рискнуть и обратился к командиру роты с просьбой разрешить ему забросить гранату в окоп, где укрылся немецкий пулеметчик.

Командир посмотрел на корреспондента уважительно, но резонно возразил:

— Тут же метров триста будет. Если б вы были даже чемпионом мира, и то не добросили бы...

— Ну, а если все же попробовать, — не унимался Чапичев и, задорно сверкнув смоляными глазами, попросил гранату.

Ему дали сразу две.

— Еще лучше! — обрадовался он и, сняв маскхалат, пошел в дальний конец траншеи. — Вы здесь курите, дымите посылнее и на меня не обращайтесь внимания. Следите за немцем. Да и меня не подстрелите, особенно когда... Попробую хитростью взять гитлеровца!

— Понял вас. Будет все в порядке. Обеспечим надежно, — ответил командир.

— Как только в окопчик влетит моя граната, вы сразу — «ура» и вперед!

С этими словами Яков скрылся за изгибами насыпи над траншеей. Теперь свои его не видели. Зато немец, сидевший за пулеметом, сразу заметил перебежчика...

Гитлеровец обрадовался появлению русского офицера в нейтральной зоне. Если такого взять живым, то награда обеспечена. Видя, что офицер, пугливо озираясь на своих, ползет все быстрее и быстрее, что у него нет даже автомата, вытянул палец, который все утро держал на спусковом крючке ручного пулемета, и помапил:

— Ком, ком!

Чапичев еще раз оглянулся на своих, потом решительно поднялся и побежал, низко пригибаясь к земле. И уже совсем недалеко от окопа споткнулся и упал.

Немец испугался: уж не убили ли? Не может быть, выстрела не было. И вдруг «споткнувшийся» офицер метнул гранату, затем вторую...

Одновременно со взрывом гранаты грянуло громогласное «ура».

Через несколько минут развороченный окопчик заполнили наши бойцы. Но не задержались в нем. Расчищая себе путь гранатами, заняли всю первую траншею противника.

Немцы подняли стрельбу. Но путь к селу теперь был открыт. Взвод красноармейцев сосредоточился в лесочке, чтобы ударить во фланг противнику, в обход села. Чапичев пошел с этим взводом. Командир роты остался в траншее с основными силами.

Ночью русские ворвались в село и загнали фашистов на их же минное поле. Под пулеметным огнем гитлеровцы ошалело бежали по полю и взлетали на воздух. Грохот стоял, как во время артподготовки.

Утром, осматривая минное поле, на котором палялось десятка три убитых, Чапичев сказал удовлетворенно:

— А они неплохо разминировали!

— Недаром говорят у нас в народе: не рой другому яму, сам в нее попадешь! — кивнул подошедший пожилой боец.

— Да за такую работу гитлеровцы все «получат» награды, — поддержал командир подразделения. — По кресту.

— На этот раз Гитлер и адреса их не найдет, не узнает, куда кресты посылать, — уточнил боец.

Привели захваченных в плен двух солдат и связного мотоциклиста. Стали судить да рядить, что делать с ними. Кто-то принес с минного поля клоч немецкого мундира с сохранившимся боковым карманом. Там нашли письмо

фашиста, имя которого было традиционным — Фриц. Он писал возлюбленной о своих победах.

Чапичев ухватился за это. Озорно сверкнув глазами, попросил командира:

— Разрешите мне побеседовать с мотоциклистом.

— Ну, конечно же, говорите, товарищ политрук.

Допросив пленного, Яков вырвал из блокпота лист бумаги и написал две строчки:

«Получай, девица —
Что осталось от Фрица».

Вложил это послание в карман от немецкого мундира и, передав усатому солдату, сказал:

— Упакуйте посылочку, напишите адрес, как на конверте, отдайте мотоциклисту, пусть катит к своим.

— А если он не передаст куда следует? — усомнился боец.

— Побоится. Я ему все объясню популярно. Пусть мчится в местечко, где стоит его часть. Сперва заскочит на почту, — он сам говорил, что она на пути, а уже потом докладывает, как ему удалось спастись от русских. Я припугну его партизанами. Мол, если не выполнишь нашего приказа, они расправятся с тобой. А фрицы знают, что партизаны вездесущи.

Командир роты попытался было возразить: пленного надлежало отправить в батальон. Но Чапичев сказал, что он все берет на себя и договорится с начальником политотдела армии. Ротный уступил, и мотоциклиста вскоре переправили через нейтральную полосу.

На другой день в село вошел наш батальон. Солдаты окопались по обе стороны моста.

Яков весь вечер писал. А утром, отправив очерк в газету, решил поехать в соседнее село, куда перебазировалась рота автоматчиков.

Гитлеровцев из этого села выбили еще на рассвете, и Яков свободно расхаживал по кривым улицам, рассматривал старинные деревянные дома. В этом селе раньше жили известные на всю округу потомственные плотники, болдари да столяры. Вот они и строили дома каждый на свой вкус. Неповторимо красиво выглядели резные украшения по дереву: карпицы, двери, наличники... Особенно долго Яков стоял возле углового домика с покосившимся, разрисованным всякими вензелями крыльцом. Вдруг с черда-

ка раздался выстрел. Яков упал. «Ранили!» — с досадой подумал он. Через некоторое время два красноармейца положили его на носилки. А несколько бойцов цепью окружили дом, с крыши которого стреляли.

Чапичева несли узким проулком. Сзади раздался взрыв, и Яков увидел, как разлетелись трухлявые щепки с чердака.

— Да там уже никого нет, — морщась от боли, сказал он и вдруг увидел трех гитлеровцев, бегущих им наперерез.

Солдаты, песшие раненого, растерялись. Они не решались бросить носилки на снег и в то же время боялись упустить врага.

Яков, изловчившись, прицелился в перелезавшего через ограду фашиста, выстрелил и, не глянув больше на убитого, тут же стал ловить на мушку второго. Но того сразил сапитар. Третий бросился бежать. Его подстрелили подоспевшие бойцы. Взмахнув руками, он повалился на землю.

— Вот как мы научились метко стрелять! — через силу улыбаясь, подбадривал Чапичев бойцов. — Ну чего, ребяташки, встали, несите дальше.

И тут рука, державшая пистолет, вдруг сорвалась с носилок.

Оперировать в санчасти было некому, и Якова на санях повезли в ближайший госпиталь. Там операция прошла удачно. Позже Чапичева вместе с госпиталем эвакуировали в Сочи.

Так редакция армейской газеты надолго потеряла своего боевого корреспондента.

VIII

Далеко в тылу оказался Чапичев. Не слышны здесь ни пулеметная трескотня, ни оружейные выстрелы. Если бы не палеты фашистской авиации на город, то можно совсем отвыкнуть от войны. Отвыкнуть, но не забыть. О ней напоминали стоны и раны солдат, которые почти ежедневно прибывали в Сочи и размещались в зданиях бывших сапаторисв. О войне напоминали также газеты, журналы, которые с жадностью читал Яков.

Рана заживала медленно. Но Чапичев уже беспокоился больше о том, что после госпиталя не попадет в свою

редакцию. Это стало еще более очевидным, когда гитлеровцы начали новое наступление.

Чтобы как-то быть полезным в том положении, в котором он оказался, Чапичев, как и раньше это было, стал активно участвовать в общественной жизни госпиталя, то и дело выступал перед ранеными с рассказами о боевых подвигах воинов на фронтах Отечественной войны, помогал выпускать стенную газету. Наладил выпуск боевого листка в палате, организовывал литературные вечера, на которых нередко выступал со своими стихами.

Однажды, когда Чапичев только что окончил читать свое стихотворение раненым, к нему подошел начальник госпиталя и сказал, обращаясь к собравшимся:

— Дорогие товарищи! Мы только что получили радостное известие: наш поэт Яков Чапичев награжден орденом Красной Звезды. Ему также присвоено очередное воинское звание — капитан. Разрешите мне от имени персонала госпиталя и от вашего имени поздравить товарища Чапичева с большой правительственной наградой.

Собравшиеся дружно аплодировали.

...Весной сорок третьего года Чапичева выписали из госпиталя, и он попросился на фронт. Кадровики направили его в стрелковый батальон заместителем командира по политчасти.

IX

Часть, в которую Чапичев прибыл после госпиталя, стояла на Украине. Командир батальона майор Голосиц, высокий, подтянутый и слишком чопорный офицер с черными кустиками усов на белом, почти девичьем лице, встретил Якова сухо. Он ждал боевого комиссара, а ему дали журналиста, поэта.

— Собрать батальон, чтоб представить вас, сейчас невозможно, — холодно сказал Чапичеву комбат. — Каждый солдат на своем месте. А немцы не дают покоя...

— Зачем собирать, — понял его маневр Чапичев. — Сам всех обойду. Так даже лучше — знакомство будет прочнее.

— Решение правильное, — обрадовался комбат. — Начните с минометчиков. Они вон в том перелеске стоят. Связой вас проводит. Потом переберетесь к другим.

...Возле миномета находился весь расчет. Один солдат вел наблюдение за противником, остальные чистили оружие.

Связной коротко доложил командиру отделения, что привел замполита, и ушел. Младший сержант Пронин представился новому офицеру.

— После ночного боя расчет занимается чисткой миномета, — отрапортовал он и неожиданно весело добавил: — Хотели утром, да немец не разрешил.

Он пристально посмотрел в глаза капитану, стараясь угадать, любит ли солдатскую шутку? Да и вообще, что из себя представляет новое начальство, как с ним вести себя?

— Хорошо, продолжайте, — поздоровавшись, сказал Чапичев. — А то как бы слова немец не помешал. Не дает он вам отдохнуть.

— Мы перед ним в долгу не остаемся, — с подчеркнутой гордостью ответил Пронин. — Если побудете у нас, убедитесь сами, что мы недаром солдатский хлеб едим.

И вдруг, посмотрев в даль траншеи, Пронин таинственно прошептал:

— Ребята, подтянись! Главком идет!

Солдаты быстро начали отряхиваться, прихорашиваться. Чапичев не сразу понял, что все это значит, но почувствовал: во всей этой таинственности кроется какая-то шутка.

Через минуту из-за поворота блиндажа выскочила веселая, улыбающаяся девушка-сапфиринструктор. Увидев офицера, она независимо доложила о себе и тут же повернулась в сторону солдат, заговорила певуче и нежно;

— Здравствуйте, мои замарашки. Отчего же вы сегодня опять такие «черненькие»?

— Зато он, — Пронин кивнул на миномет, — блестит, как тульский самовар!

— Не очень-то его начищайте, — погрозила она пальчиком. — У немцев бинокли мощные. Увидят, как блестит ваш самовар, — шарахнут из всех орудий. — И вдруг сурово добавила: — Слышала, как вы тут громыхали всю ночь. И чего только людям не спится!

— Так то же ствол миномета чистыли, — не спеша заговорил внешне медлительный солдат-украинец с забинтованной от плеча до локтя рукой. — Заодно и окопы ним-

цам почыстыли, ось нá бипокль, подывысь, дэ вона учо-
рашня огнева точка. Нэма! То-то ж!

— Нэма! — передразнила девушка. — А ты, Грицко, чего не в госпитале?

— Мой фриц ще пасеться в табуни, — все так же не спеша отвечал солдат. — От найду ему бугорок повесели-
ше та кол подлинней, тогда и в госпиталь отправлюсь.
Мне ведь туда не к спеху.

— Досидишься до гангрены! — уже пачала сердиться девушка.

— Люба, так же нельзя! — с напускной серьезностью заметил угрюмый солдат с двумя нашивками о ранениях на гимнастерке и медалью «За отвагу». — Парень целое утро готовил тебе нежные слова про любовь, а ты ему такое, что и не выговоришь! Гангрену какую-то выдумала...

— Он же ранен, и не о любви ему падо думать, — продолжала всерьез Люба. — Вы это понимаете?

— Я-то понимаю, а вот он... — солдат покосился на Грицко. — У него запоза в сердце, значит, а может, и осколок целый.

— Вы все шутите, а дело серьезное.

— Это Грицко шутит, а не я. Он даже поэтом стал, стихи про вас сочинил.

— Какие?

— Грицко, прочитай, пусть Люба послушает, а то подумает, что я сбредал.

— Да шутит он, Любовь Николаевна, — извинительно проговорил Грицко и покраснел.

— Нет, не шучу. Мы эти стихи заучили уже. Вот послушайте:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Люба расхохоталась.

— Так это же Пушкин сочинил, — вытирая глаза платком, сказала она. — Ну и насмешили.

— А вот эти Грицко сам написал, клянусь, — не сдавался солдат.

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная,
Ты у меня одна заветная,
Других не будь хоть никогда.

Люба снова рассмеялась.

Грицко вобрал голову в плечи и сидел, не поднимая глаз.

Чапичев слушал, удивлялся и завидовал. Начни писать о них, никогда сам таких речей не выдумаешь.

— А котелки?! — переводя разговор на другую тему, воскликнула Люба. — Неужели вы из них будете есть?

Смех будто оборвался, и каждый молча посмотрел на котелки, кучкой лежавшие на дне окопа.

Украинец почесал в затылке и совершенно серьезно ответил за всех:

— Вчера дюже жирный борщ был, сало жалко смывать.

— Ладно уж, вымою. А ты собирайся! — сказала Люба раненому. — Товарищ капитан, прикажите ему отправиться в санчасть! — обратилась она за помощью к Чапичеву.

Но тут над самыми их головами завывала мина. Все исповольно пригнулись.

— Одурел фриц! — зло проговорил Пронин. — Сам себе могилу роет.

Вторая мина разорвалась метрах в пяти позади окопов. Третья еще ближе.

— Грамотно, прицельно бьет! — кивнув солдатам, уже ухватившимся за миномет, чтоб перенести его правее, определил Пронин.

Все быстро перебежали вправо по траншее. А на месте, где только что стоял миномет, разорвалась очередная вражеская мина. Когда высоко взметнувшийся фонтан сухой земли опустился, солдаты быстро вернули свои минометы на прежнее место. А Люба, устроившись на дне воронки, стала перевязывать Грицко.

Теперь мина разорвалась справа, там, где только что прятался расчет.

«Научились люди воевать», — с удовлетворением подумал Чапичев и стал помогать сапинуструктору делать перевязку.

— Вы были медиком? — чувствуя, что капитан действует довольно умело, спросила Люба.

— Товарищ сапинуструктор, вы правы, боец должен немедленно отправляться в санчасть! Через час-два начнется заражение, — строго сказал Чапичев, взглянув на посиневшую руку раненого, и уже по-дружески добавил: — Не бойся, Грицко, через недельку вернешься к своему са-

мовару. Мы еще вместе будем фрицев угощать русским чаем.

Солдат благодарно кивнул и ушел.

— Товарищ капитан, а разве заражение у него еще не началось? — виновато спросила Люба.

— Не мог же я при нем об этом говорить. Зачем пугать парня. Нужно принимать срочные меры, — ответил Чапичев озабоченно. — Догоните его и сами ведите прямо к хирургу.

— Есть, прямо к хирургу! — козырнула Люба и метнулась по траншее, но остановилась у поворота и спросила: — Так вы все-таки врач, раз сразу определили?

— Нет, не врач. Просто я очень много видел всяких рап.

Люба смотрела недоверчиво и ждала ответа на свой вопрос.

— Я — политработник, а это тот же врач, — сказал Чапичев.

В это время Яков уловил далекий вой мины и вдруг рванулся к миномету, столкнул его вместе с Прониным на дно воронки. Тотчас, вблизи того места, где стоял миномет, раздался взрыв.

Бойцы удивленно посмотрели на Чапичева, а Пронин спросил:

— Как вы узнали, товарищ капитан, что он ударит сюда?

— Простая арифметика, — отшутился Чапичев. И, немного помолчав, добавил: — Надо быть наблюдательным — только и всего.

Миномет перенесли в другое место, и Чапичев разрешил открыть ответный огонь. Сначала Яков прислушивался к вою мин, следил за их полетом. Потом взялся сам корректировать огонь. После нескольких выстрелов фашистский миномет умолк. С полчаса ждали, что он проявит себя в другом месте, но противник молчал.

Неожиданно к минометчикам пришел комбат.

— Молодец, Пронин! С наблюдательного пункта я сам видел, как вы прямым попаданием уничтожили вражеский расчет, — сказал майор Головин и добавил: — Представляю к награде.

— Это не меня, — краснея, проговорил Пронин, — а товарища капитана надо представлять. Я только исполнял его команду, а корректировал он.

— Вот как?! — комбат заинтересованно посмотрел на Чапичева и пожал ему руку. — Спасибо, выручил. А то, проклятый, три дня не давал нам покоя. — И совсем уже доверительно кивнул на пулеметчика, находившегося неподалеку от минометного расчета: — По-моему, он панически боится немцев и стреляет не целясь, приседая в окопе.

— Бывают и такие, — сдержанно ответил Чапичев.

— Побеседуйте с ним. Мне кажется, что он всегда очень торопится, боится подпустить противника на расстояние прицельного огня. Гитлеровцы, когда он стреляет, ложатся, а не падают убитыми. И если со стороны не помочь, то нашего пулеметчика, глядишь, самого уволочут. А на полигоне он самый меткий стрелок, потому и не хочется передавать пулемет другому.

— Не стоит передавать. Он еще сам повоюет, и, думаю, как следует.

— Разве только с вашей помощью. Сам себя он не одолеет.

— Если потребуется, поможем, — сказал Чапичев. — Это — наш долг, наша обязанность. Политработник — тот же врач, — загадочно заключил он.

— Понимаю. Я-то, признаться, подумал, что вы поэт, а вы, оказывается, самый что ни на есть комиссар...

В душе Чапичев обрадовался, что командир разговорился, но сдержанно повторил — постарается понять пулеметчика. Так и сказал: «Понять». И добавил:

— А что касается политработы и поэзии, то они — родные сестры.

Командир понимающе кивал головой. Комиссар ему явно понравился.

Стоял первый по-летнему теплый день. И красноармейцы ухитрялись между атаками загорать в окопах, раздевшись до пояса. Вот и пулеметчику Киселеву, да и второму номеру, с которыми он уже час сидел в окопе, Чапичев разрешил расстегнуть гимнастерки, чтобы «тело дышало». Мешали фашисты. Они лезли напролом, пытались выбить наших солдат из окопов, которые совсем недавно отрыли сами.

И вдруг по окопам прошел тревожный шелот:

— Тапки!

— Немецкие танки!

— Есть бронебойщики?

— Да у нас тут один только, — кивнул направо рядом сидевший солдат. — Абакар Фрицелуп. Что он может сделать?

— Абакар здесь?! — оживился Чапичев. — Надо познакомиться!

Знаменитого бронебойщика Абакара Магомедова «Фрицелупом» прозвали за то, что на своем участке он не пропустил ни одного фашистского танка. Говорили о нем в батальоне много, в газете писали, но Яков еще не видел этого храброго воина.

Нашел он Абакара в глубоком окопе на небольшой возвышенности. Сразу понял: бронебойщик выбрал открытую местность, где в первую очередь могут пойти танки.

Подбираться к нему пришлось ползком, чтобы не привлечь внимания вражеских снайперов. И все же где-то Яков себя выдал — над ним одна за другой просвистели несколько пуль.

Спустившись в окоп к бронебойщику, Чапичев удивился его необычному занятию. Сначала он подумал, что Абакар молится: сжатые вместе ладони он подносил к лицу, держал их так, затем опускал. Сам же смотрел в сторону приближавшихся танков, от грохота и рева которых содрогалось все вокруг.

Наконец Яков догадался: Абакар что-то нюхает. Вспомнил: многие степняки табак не курят, а нюхают!

«Волнуется», — отметил про себя Яков, а вслух спросил:

— Что, Абакар, насвай нюхаешь?

Тот отрицательно покачал головой и пояснил, что насвай не нюхают, а за губу кладут и посасывают.

— Нашел о чем говорить! — зло пробубнил пожилой солдат, второй номер бронебойщика. — Враг на горло насаждает, а он о дурмане каком-то болтает.

Но Абакар, не прикасаясь к своему хорошо замаскированному противотанковому ружью, невозмутимо продолжал:

— Родной трава нюхаю. В степи растет. Отец прислал.

И, встретив вопросительный взгляд Чапичева, пояснил:

— Мой отец, мой дед и прадед был спокойный, как сфинкс. Я родной трава смотрю, нюхаю. Тоже спокойный, как сфинкс. Палец сопсим не дрожит,

— Чертов сфинкс! — вдруг заорал напарник. — Стреляй!

Абакар не шелохнулся. Он уже хорошо знал своего помощника. Украинец Дацюк недавно на фронте и потому, несмотря на возраст, горячился. Тем более что перед ними танки — враг наиболее грозный и опасный. С ним шутки плохи. Упустил момент — клади голову на плаху. Все это Абакар понимал, чувствовал, но выразить словами, чтобы успокоить друга, не умел. Он только посматривал на небо чаще обычного и, когда Дацюк уже потерял терпение, сказал как можно спокойнее:

— Ты, друг, не бойся этих чертей. Один твой брат-украинец гранатами и бутылками с горючей смесью несколько танков уничтожил. Сам читал. А у нас — грозный бронебойша.

Дацюк виновато смотрел на командира расчета. Он давно усвоил, что нужна выдержка. Все понимал, но первые... Страшно ведь. Такая махина прет прямо на тебя. Хотя бы чуть в сторону отвернула, чтобы в бок лупануть.

Танки были уже совсем близко. Они шли уверенно и быстро. Никто по ним не стрелял, и это придавало гитлеровцам смелости.

А степняк-бронбойщик, глядя в черные железные глазницы машин, несущих смерть, опять поднес к лицу пучок сухой травы из далекой, родной степи.

«Черт возьми, надо же иметь такую выдержку, — думал Чапичев. — Сюда бы фотографа! Впрочем, фотограф здесь так же беспомощен, как и я. Тут нужен кинооператор. Хотя ни в какой экран не вместишь всего сразу. Это уж когда-нибудь потом, вероятно, будет такое кино, что сможет передать панораму: и надвигающиеся тапки, и невозмутимо спокойного бронебойщика, нюхающего свою родную траву. Вот уж поистине — скала!»

В одно мгновение Абакар легким движением сунул за пазуху траву и упал.

Не лег, а именно припал к своему заждавшемуся оружию, и тотчас, кажется, еще раньше самого выстрела, закружился головной танк.

Раздалось еще несколько выстрелов, и загорелась другая машина. Третья, чадая и постреливая, повернула обратно.

Но вот прозвучал еще один выстрел, и уползающий с поля боя танк замер на месте. Открылся башенный люк, и

оттуда, словно горящий факел, вывалился солдат. С поднятыми руками, крича душераздирающе, он побежал к нашим окопам. Минометчики набросили на него плащ-палатку и загасили огонь.

Чапичев глянул на Магомедова. Тот снова нюхал свою траву.

«Теперь, видно, чтобы успокоиться», — подумал Яков. Но Абакар развеял это предположение:

— А побежал бы этот немец на свой сторона, сопсим погиб! Или сгорел, или свой эсэс застрелил!

«Вот тебе и сфинкс!» — уже с восторгом подумал Чапичев и по старой привычке вынул блокнот, чтобы хоть кое-что записать о бронбойщике. Пригодится и для заметки в газету, и для наградного листа.

Об этом, конечно же, написать бы стихи. Да времени нет. Может, когда-то еще и напишется. А сейчас главное — по достоинству отметить человека за подвиг.

Фашистские танки больше не появлялись, и Чапичев вернулся к пулеметчику, который по-прежнему дежурил в своем окопе.

Саша Киселев совсем молодой солдат. Невысокого роста, коренастый и, видать, сильный. Пухлое лицо его загорело до черноты. Сверкали только зубы, ровные и мелкие. Лицо его казалось совсем юным. Еще утром, познакомившись и немного поговорив с пулеметчиком, Чапичев заметил, что он очень внимателен и пунктуален. Чем же недоволен Головин? Чтобы понять это, надо побыть с пулеметчиком во время боя.

Вторым номером у Киселева был юркий, худощавый казах Омар Темиров. Родом он был из Голодной степи, по которой Чапичев дважды в жизни проезжал. И сейчас они вспоминали необозримую, опаленную горячим солнцем равнину, желтовато-серую от пересохшей травы, в пятнах солончаков.

Когда Чапичев бросил неосторожную фразу: «Как бы все же накормить Голодную степь», — Омар так и вспыхнул:

— Голодный степь сам может целый государство прокормить! — и торопливо стал рассказывать о своих родных местах, о том, какой красивой становится пустыня в марте — апреле. В эти месяцы северо-западные ветры при-

носят туда первые дожди. Тогда пустыня оживает. Появляется множество цветов — одни прекраснее других. В ту пору легко найти золотые и пунцово-красные тюльпаны, лиловые крокусы, высокие ферулы, множество ку마човых маков. За несколько дней вся степь до самого горизонта покрывается будто разноцветным ковром.

— Омар, я рад, что вы так горячо любите свои родные края, — осторожно заметил Яков. — Но ведь так в пустыне продолжается недолго. Проходит две-три недели, и дожди прекращаются. Короткая весна сменяется длинным жарким летом. Растительность выгорает, и огромная безводная равнина на долгое время приобретает свой желто-серый однообразный вид, становится бесплодной и голодной. Почва такая раскаленная, что коробятся подошвы сапог, ветер поднимает в воздух тучи песка, который назойливо набивается в рот, в глаза, в уши.

— «Гарм-силя» называется этот суховец, — пояснил Омар и тут же не согласился с Чапичевым. — Неверный ваш утверждение. Так было давно. Теперь пустыня стал другой.

И Омар снова, с присущей ему горячностью, стал рассказывать о планах преобразования Голодной степи, которая таит в себе несметные возможности. Отсюда, с Голодностепной равнины, советские ученые по рекомендации В. И. Ленина начали свои попытки обводнения пустынь. Правда, не всегда они кончались успехами. Но работа возобновлялась снова и снова. В 1935 году в Голодную степь прибыла большая экспедиция Академии наук СССР. Омар вместе с другими земляками принимал в ней непосредственное участие и знал, с каким упорством ученые искали воду.

— В пустыне есть все: солнце, а значит — тепло; длинное лето и плодородный почва, — с жаром утверждал Омар. — Здесь нет лишь вода, а вода — это жизнь.

Омар поведал Чапичеву о «хлопковом острове» — первом совхозе в пустыне, который выращивал хлопок. «Пахта-Арал» назывался этот совхоз. В нем Омар работал до войны. Советское государство помогало Пахта-Аралу, предоставляло ему совершенную по тем временам технику, давало денежные субсидии. И совхоз стал получать богатые урожаи хлопка. Тогда немало казахов-кочевников и узбеков-декхан пришло в это хозяйство. Приезжали туда люди и из центра России. Построенный Северный

канал принес воды Сырдарьи. На территории совхоза были высажены тысячи деревьев. Омар в это время учился на агронома. И вдруг — война. Вместе с другими пахтааральцами Омар с последнего курса убежал на фронт. Он так и сказал — «убежал».

На самом интересном месте их беседу о фонтанах животворящей воды, которые могли бы ударить в степи, если добраться до подземных озер и рек, на бруствере вдруг взвились фонтанчики сухой земли, и по всему переднему краю пошла винтовочная и пулеметная трескотня.

Киселев до боли в пальцах сжал рукоятки пулемета. Омар держал ленту наготове.

Под прикрытием плотного автоматного и пулеметного огня гитлеровцы с криком поднялись из окопов и пошли в атаку. На ходу они выстраивались в четкие «железные» звенья. Шли так, будто впереди находились только общанные фюрером блага и не было защитников этих благ.

— Саша, — тихо и как-то совсем по-дружески обратился к пулеметчику Чапичев. — Будешь стрелять, вспомни обо мне.

Киселев, оглянувшись, недоуменно посмотрел на замполита, взявшего наизготовку свой автомат.

— Да, да, я имею в виду мой автомат, — пояснил Чапичев. — Он ведь не достанет так далеко, как пулемет. Так ты, пожалуйста, подпусти гитлеровцев поближе, чтоб и я мог немножко почесать им пятки.

— ЕСТЬ! — догадавшись, о чем капитан ведет речь, спокойно, тоже как друг, а не подчиненный, ответил Саша. — Лучше всего вы и начните, товарищ капитан. Это будет для меня сигналом.

— Договорились, — ответил Чапичев, а про себя подумал: «Люблю догадливых людей».

Справа, в сотне метров, раздался дружный винтовочный залп. Саша чуть не нажал на спусковой крючок, но вовремя удержался и бросил виноватый взгляд на капитана.

— Соседи стреляют, — пояснил Чапичев, — потому что у них винтовки, которые достают дальше и дают прицельный огонь. А у нас — жатка. Мы будем косить подчистую, — и, чтобы еще хоть на какую-ту минуту удержать палец пулеметчика на спусковом крючке, спросил: — На сенокосе бывать приходилось?

Саша весь напрягся. Плотнo припал к пулемету: одной рукой смахивал со лба пот, заливавший глаза, а другую не отнимал от рукоятки.

Гитлеровцы шли твердым шагом. По ним уже стреляли и справа и слева. Но они шли прямо па молчавший пулемет Саши Киселева. Шли, как неумолимая сила, которая, казалось, сметет на своем пути все живое, все дышащее. Грозная, железная стена!

— Саша, еще немножко,— одним дыханием сказал Чапичев.— Подожди еще чуточку. Будем начинать с середины колонны. Потом ты своей «косой» поведешь налево, я — направо.

— Давайте, товарищ капитан!— чуть не плача, взмолился пулеметчик.— А то видите — гранаты готовят.

— Саша! Прицел...— еще оттянул какие-то секунды Чапичев и одновременно с командой «огонь» дал автоматную очередь.

Пулемет заработал грозно и четко. Саша даже сам удивился, как сразу рухнула «железная стена» врага. Сначала раскололась пополам, потом стала разваливаться на части. В самой гуще гитлеровцев взорвалось несколько гранат: наверное, фашисты их приготовили, но не успели пустить в действие. А когда наши бойцы открыли пулеметно-автоматный огонь, гранаты, выпавшие из рук убитых, взрывались и поражали гитлеровцев. Вскоре все поле было усеяно распластавшимися зелеными мундирами. Оставшиеся в живых солдаты еще стреляли и что-то кричали. А пулемет строчил и строчил захлеб.

— Возьми правее, соседям помоги!— посоветовал Чапичев в ту единственную секунду, когда пулеметчик откинулся от прицела, чтобы перевести дыхание и перезарядить ленту.

Саша повел дулом пулемета вправо. Но теперь он открыл свое левое плечо, и на смуглом теле его вдруг вспыхнул алый огонек. Сгоряча он не понял, что ранен. Чапичев рывком дернул пулеметчика за пояс. Тот испуганно оглянулся и только тогда почувствовал боль.

Выхватив из кармана гимнастерки перевязочный бинт, Яков наложил его на рану и посоветовал:

— Держи покрепче! Чтобы кровь приостановилась. Я за тебя постреляю.— И, прильнув к пулемету, крикнул Омару: «Давай ленту!»

Гитлеровцы густой зеленой волной снова накатывались на наши окопы.

— Откуда же их столько набралось! — в недоумении воскликнул Чапичев, видевший, что недавно чуть не вся эта зеленая масса неподвижно лежала на поле и казалась мертвой.

Хитрость? Да! Падают. Отлеживаются и опять вперед. Ну, что ж, сейчас мы проверим, всегда ли спасает врагов их хитрость.

Чапичев поймал цепь в прицел и нажал на спусковой крючок. Пулемет ритмично застучал. Вражеская цепь стала редеть.

В самый разгар боя Чапичев почувствовал резкую боль в левой руке и тупой удар в голову. Пытаясь ухватиться правой рукой за станину пулемета, Яков стал беспомощно сползать в окоп, еле различая слова Омара:

— Товарищ капитан! Товарищ капитан!

Потом опять застучал их пулемет: Омар занял место товарища. Больше Яков ничего не слышал...

И снова госпиталь, безделье, которого так не терпел Чапичев. На этот раз ему даже литературной работой не хотелось заниматься. Наша армия гнала врага на запад, и Яков рвался на фронт.

Давно уже нет писем от жены, от родных. Живы ли они? Ведь в Одессе хозяйничают немцы... Эти тяжелые думы не давали покоя.

Однажды Яков прочитал в газете корреспонденцию о подвиге крымчанина летчика Амет-хана Султана, лично сбившего более тридцати фашистских самолетов и девятнадцать — в групповых боях. В газете сообщалось, что ему присвоено звание Героя Советского Союза. Сердце Чапичева наполнилось гордостью за земляка-героя. Первый раз после ранения он взял в руки карандаш и блокнот.

Орлиное сердце тревожно стучит,
Как вспомнит Амет небо Крыма.
Он знает, как мать его ждет и не спит
Ночами в Алушке любимой...

Там славная девушка летчика ждет,
И встреча их не за горами,
И водит под небом Амет самолет,
Сбивая и «вульфы» и «рамы»...

Только, что родившиеся стихи он прочитал раненым и задумчиво сказал:

— Я уверен, Амет-хан Султан еще не раз проявит себя. Имя его попадет в летопись нашей славной истории.

И Чапичев не ошибся. Амет-хан одним из первых совершил воздушный таран, а в конце войны уничтожил над Берлином один из последних самолетов фашистской авиации. Советское правительство высоко оценило подвиги воздушного аса, присвоив ему дважды звание Героя Советского Союза.

Х

Кроме того что Чапичев поевал, рисковал собой, чем не отличался от сотен и тысяч других политработников, он еще создавал книгу о войне. Прозаическую. В нее, конечно, будут вкраплены стихи: он ведь в душе поэт! Эта книга должна стать своеобразным итогом его фронтовой жизни.

Чапичев хотел глубоко понять психологическую сущность происходящей войны, ответить и на такие вопросы: откуда советский народ черпает силы? что помогает ему сделать подвиг нормой поведения? Главным действующим лицом, основной и определяющей силой войны, решил Чапичев, является именно советский народ, поднимающийся против фашизма, против насильников, грабителей, которых нужно истреблять оружием, выжигать огнем и раскаленной строккой.

Таковыми были его творческие планы, такой, еще более напряженной, предстояла жизнь.

Бои шли уже далеко за рубежами нашей Родины, когда майор Чапичев, оправившись от ранения, вновь отправился на фронт. На этот раз ему повезло. Он вернулся в свой родной полк, из которого уезжал в госпиталь. Командир полка майор Головин сам разыскал Чапичева, хотя полк находился уже в Германии. И Якову обрадовался: значит, полюбил его этот внешне неприветливый, но мужественный человек.

В батальоне Чапичева встретили как старого знакомого, о котором не забыли. Он долго не мог понять, чем объяснить подобное. И только старшина Пронин, ставший уже командиром взвода, раскрыл ему секрет. Оказывает-

ся, то немногое доброе, что успел в батальоне сделать комиссар, стало примером для многих офицеров.

...В один из теплых весенних дней полк после долгого утомительного марша по труднопроходимым проселочным дорогам, вышел к небольшому заштатному городку, имевшему большое значение в системе вражеской обороны.

Бойцов встречали непривычные для русского глаза постройки. Низкие продолговатые дома с высокими покатыми крышами походили на военные укрепления. Окна в них падали бойницы старых крепостей. Смотрели они на мир зловеще и настороженно.

«Кажется, что люди здесь только и были заняты войной», — подумал Чапичев, когда впервые увидел такой дом. Было известно, что гитлеровцы засели в серых мрачных каменных зданиях, обнесенных железной решетчатой оградой. Улицы и дороги заминированы и перегорожены баррикадами.

Чапичев видел, что бойцы предельно устали. А им приказано решительным ударом взять город, который превращен врагом в крепость. На ближних подступах противник соорудил несколько железобетонных дотов. К длительной обороне приспособлены многие улицы и здания. Прежде чем начать наступление, в полках тщательно готовились к нему. Разведали оборону противника, выявили его огневые системы, нанесли на карты инженерные сооружения. На тыловых полигонах бойцы учились штурмовать здания.

Полк, в который прибыл Чапичев, только что совершив обходный маневр, внезапно атаковал противника, ворвался на восточную окраину города. Там начались уличные бои. Необычными были они не только для новичка-политработника, но и для многих закаленных, испытанных бойцов. Передний край проходил подчас между этажами домов. Гитлеровцы устраивали засады на чердаках каменных зданий. Подпуская на близкое расстояние наши наступающие подразделения, они внезапно обрушивали на них пулеметный и автоматный огонь. Чапичев беседовал с ветеранами полка, опираясь на их опыт, пытался разгадать тактику врага, найти верные методы противодействия ей.

Оставив несколько окраинных домов, гитлеровцы укрепились в квартале из добротных каменных зданий. Ата-

ки прекратились. Наши бойцы готовились к новому броску. А пока, где возможно, окапывались.

...Чапичев обходил батальон, разместившийся на трех первых улицах. Прислонившись к мокрой стене серого мрачного здания, стояла группа бойцов с почерневшими, хмурыми лицами. Он подошел к ним. Поздоровался. Те ответили на приветствие вяло.

— Измотались, товарищ майор, — виновато сказал один из солдат, доверительно обращаясь к Чапичеву. — Враг цепляется за каждый дом.

— И я устал, — откровенно признался Чапичев, сел на лафет брошенной гитлеровцами пушки, закурил и передал бойцам пачку папирос. Закуривали без особого энтузиазма.

— Знаю, родные нас ждут. Думают, что мы вот-вот вернемся с победой. А тут работы еще чертова уйма, — как бы сам с собой продолжал беседу Чапичев. — Мне вот уже второй месяц нету писем из дома...

И пошло! Люди сразу разговорились, оживились. Один из этих смертельно усталых бойцов, пожилой человек, сказал уверенно:

— Хоть и кусаются гитлеровцы, как осенние мухи, а подыхать им придется скоро!

— Сами видим, что скоро, — согласился другой. — Да хочется враз покончить с ними. Домой, может, к пахоте успели бы...

— К пахоте не успеем, а к сенокосу наверняка вернемся, — заверил Чапичев.

— И то неплохо, — бросив окурок, согласился пожилой боец.

— Но помните, наш путь к дому лежит через Берлин. Другого нету.

— Это мы понимаем. Другого и не ищем...

Ночью, под покровом темноты, гитлеровцы пошли в контратаку явно превосходящими силами. Вражеские автоматчики уже просочились на первые этажи домов. Яков понимал: упустить момент — значило проиграть бой.

Не раздумывая, он поднял автомат над головой и громко, во всю силу своего мощного голоса крикнул:

— За Родину! Вперед!

— Ура! — пронеслось по рядам атакующих.

Дело решили минуты. Неожиданность сломила гитлеровцев, они отступили.

В порыве боя мало кто видел, какое страдание отразилось на лице их командира, когда пуля обожгла ему руку. И хотя теперь Яков не мог стрелять, все же он не покинул поля боя: в батальоне с людьми было трудно. Он продолжал отдавать распоряжения, приказал обложить мешками с песком пулеметные гнезда. Сказал командиру взвода:

— Не спускай глаз с дома напротив. Я пойду поговорю с солдатами.

...Новая атака гитлеровцев застала Чапичева во взводе пулеметчиков старшины Пронина.

— Новичок у меня,— доверительно шепнул Пронин майору, кивнув на большого, с виду неуклюжего парня, прильнувшего к пулемету.— Очень уж нетерпеливый. Враг еще на горизонте, а он жарит по нему, как зенитчик...

Чапичев невольно вспомнил Сашу Киселева, который от страха стрелял не целясь. Но потом Саша стал смелым бойцом. Может, и этот станет таким же, если с ним поговорить. Вслух сказал:

— Ну, это не самая страшная беда, дело поправимое.

Спустившись в окоп, Чапичев поздоровался с пулеметчиком Володей Солодовым и его вторым номером Сашей Дорониным. Они называли себя земляками. Оказалось, что Саша жил у озера Селигер, откуда начинается Волга, а Володя в Астрахани, где она заканчивает свой путь. Но Чапичев не стал их разочаровывать.

— Ну, что ж, земляки так земляки. Вблизи одной реки живете. Это по мне все равно что в одном большом селе, только на разных концах длинной улицы.

— Совершенно верно, товарищ майор!— оживился Солодов.— У меня дома катерок имеется, сам смастерил. После войны в отпуск буду ездить к Дорониному.

Чапичев спросил:

— Как тут у вас? Спокойно?

— Не очень,— ответил Солодов.— Все лезут и лезут. Видите,— показал он на развалины здапия.— Опять накапливаются для контратаки.

Стрельба и крики пьяных гитлеровцев усиливались. Солодов нервничал, торопил напарника.

— Смотри не сорвись!— положив руку на плечо пулеметчика, тихо сказал Чапичев.— Издали ты сможешь из

сотни убить одного. А это отродье надо косить, как бурьян, как чертополох. Понял? Подпускай их как можно ближе и бей наверняка!

Ревущая, стреляющая лавина, как огромный морской прибой, накатывалась на позицию пулеметчиков. Того и гляди захлестнет их, как утлую лодчонку. Вот гитлеровцы уже в ста метрах. Пули проносятся над головой. Мины и снаряды с треском и грохотом рвутся вокруг.

От напряжения на лбу пулеметчика выступили крупные капли пота.

— Повременим,— шепчет Чапичев на ухо Солодову. Почти у самого окопа разорвалась мина.

— Можно?!— не спросил, а выкрикнул пулеметчик тревожно и уже молящим голосом протянул:— Товарищ майор, уже полста метров осталось. Не успеем...

— Другие помогут,— стряхивая с гимнастерки землю, которой обсыпало его после взрыва, ответил Чапичев.— Сигнал подаем мы, наш пулемет — в первом ряду.— И резко взмахнул рукой:— Слева направо, давай!

Пулемет хлестнул густой беспощадной очередью. Его сигнал подхватили и справа, и слева, и где-то сверху, наверное, на чердаке захваченного дома. Волна атакующих гитлеровцев отхлынула назад, укрылась в развалинах.

Солодов повернул к Чапичеву свое черное от усталости лицо и радостно воскликнул:

— Здорово мы их, товарищ майор!

— Молодцы ребята!— похвалил он.— Сержант Пронин, представьте их к награде,— посоветовал Чапичев.— Солодов — настоящий солдат. Смелый, расчетливый, с завидной выдержкой.

Чапичев явно преувеличивал, но верил — солдат будет именно таким, старался внушить юноше веру в себя. В этом был уверен и командир взвода: он приказал Солодову принять командование отделением.

— Есть принять командование отделением!— с мальчишеской радостью ответил Солодов.

В это время притихшие было гитлеровцы открыли по окопам огонь из ручного пулемета, стоявшего за углом каменного дома.

— Савченко, Кандауров, подавите пулеметчика!— громко и уверенно приказал новый командир отделения.— Прикрываясь кустами жасмина, подползите к дому и забросайте гранатами...

Командир взвода ушел к другому расчету, уверенный, что здесь теперь все будет в порядке. Чапичев же не мог уйти — здесь заново родился человек, и не без его помощи. А Якова привлекали люди, которых другие считали несмелыми, а то и хуже того — трусливыми. В глубине души он верил, что для каждого человека наступает такой момент, когда он вдруг раскрывается во всем богатство своих душевных качеств. Командир, по мнению Чапичева, обязан угадать этот момент, приблизить его. И Яков остался с пулеметчиками до конца боя: «Посмотрим, как дальше пойдут дела».

Пока бойцы подбирались к вражескому пулемету, Чапичев уже узнал, что Володя родился в доме бакепщика, в десяти километрах от Астрахани. Осенью отец возил его в школу на лодке. Третьеклассником Володя сам управлял моторкой, плавал на ней в школу и обратно. И не было в селе мальчишки, который не завидовал бы ему. Зимой они всей семьей переселялись в город, в общежитие судоремонтного завода. Мать и отец зиму работали на заводе. А на лето снова возвращались в свой домик у Волги.

В армию Володя пошел добровольцем, на целых полгода раньше срока. Но когда попал на передовую, оробел. Ему все казалось, что он не успеет выстрелить, что первым выстрелит враг. Вот только сегодня и понял, лежа за пулеметом, что в бою, как на рыбалке, надо угадать время, когда подсекать...

— На рыбалке там ведь как, — уже разговорившись, попросту рассказывал Солодов. — Чуть раньше времени подсечешь — пропало все, рыба уйдет. Опоздаешь — тоже худо.

— Ну, сегодня ты подсек в самый раз, — похвалил Чапичев.

— Лиха беда — начало. Теперь наметал глаз, нутром почувствовал расстояние между мной и врагом.

Якову очень понравилось это выражение — «нутром почувствовал расстояние». И он тут же записал его себе в блокнот.

— Смотрите! — вдруг приподнявшись над бруствером, восторженно воскликнул Доронин. — Ребята уже там!

Чапичев увидел Савченко и Кандаурова возле дома, из-за угла которого строчил немецкий пулемет. Прижавшись к стене, они, казалось, замерли.

— Чего же они мешкают,— пегодовал командир отделения.— Где у них гранаты?

— Забыли, шляпы!— огорченно махнул рукой Дорошин. Чапичев молчал. Ему казалось, что те двое задумали что-то серьезное, о гранатах совсем не горюют.

А немецкий пулемет бил почти непрерывно, шаг за шагом ребята приближались к нему. Наконец, когда Савченко мог вытянутой рукой достать до угла дома, снял автомат и отдал Кандаурову. Потом вынул из кармана гранату и тоже передал ее.

— Почему он разоружается?— с тревогой воскликнул командир отделения.

— Подождите, Солодов, сейчас мы все узнаем,— успокоил его Чапичев.

Савченко тем временем отдал вторую гранату напарнику, который сидел наготове с автоматом в руках. Когда Савченко снял с себя пилотку, тут уж и спокойный Дорошин не выдержал:

— Ошалел! Зачем раздевается-то?

Но Савченко и не собирался раздеваться. Сняв пилотку, он сунул в нее правую руку, как в рукавицу, и мгновенно, словно кошка, хотя этот парень был могучего телосложения, бросился вперед, схватил правой рукой раскаленное дуло пулемета и изо всей силы дернул его на себя. За углом только мелькнули руки, не сумевшие удержать пулемета. Кандауров метнул за угол гранату и сразу, после взрыва, бросился туда, строча из автомата. Савченко устремился за ним. Расположившись за кучей кирпича, он открыл стрельбу из трофейного пулемета.

— Вот черти! Молодцы!— воскликнул Солодов и вытер со лба пот.— Где же командир? Теперь бы всему взводу туда.

И словно ему в ответ раздался крик:

— Санитар! Санитар, комвзвода ранило!

Солодов вскочил во весь рост, опарашенный этим нелепым сообщением, прозвучавшим в такую критическую минуту. Лицо его побелело, глаза стали строже. Обратившись к майору и получив его одобрение, он вдруг понял, что теперь на него ложится ответственность за исход боя, неожиданно даже для самого себя твердо приказал:

— Взво-од! Слушай мою команду!

От этого крика у Чапичева все внутри напряглось, руки потянулись к автомату. Это был голос командира!

— За мной, вперед! — выскочив из окопа, кричал Солодов.

Послышалось дружное «ура».

Подхлестнутый этой командой и общим порывом, Чапичев тоже побежал вместе со всей лавиной кричащих, возбужденных людей. Вражеские пулеметы били с двух сторон, но чем ближе подбегали наши бойцы к дому, тем реже слышался посвист пуль.

За углом дома взвод по команде Солодова быстро рассредоточился между грудями кирпича, видимо, приготовленного немцами для защиты своего пулеметного гнезда.

Савченко и Кандауров лежали за пулеметом уже в нескольких метрах от угла дома и били по убегавшим гитлеровцам. Преодолев развалины, бойцы взвода, стреляя на ходу, ворвались в дом, еще недавно казавшийся неприступным.

И снова прокатилось «ура».

За взводом пошла рота, за ротой — батальон, полк. Вскоре от гитлеровцев был очищен весь квартал.

Вчерашняя рана Чапичева сильно кровоточила. Левая рука стала словно свинцовой, и он уже не мог ее поднять. Впрочем, теперь можно было отправиться и на перевязку — бой выигран!

Время от времени Чапичев слышал зычный голос нового командира взвода Солодова, парня, который еще утром казался таким робким и неуверенным. И Якову захотелось, что называется, тряхнуть стариной, написать о нем в газету...

XI

К вечеру город был отбит у гитлеровцев. Но кое-где временами еще слышалась стрельба. То автоматная очередь прошьет тишину, что раздастся глухой пистолетный выстрел или взрыв гранаты. Спрятавшиеся по закоулкам вражеские офицеры продолжали сопротивляться.

Майор Яков Чапичев не обращал внимания на одиночные выстрелы. Сидя на грудке кирпича возле разрушенного дома, он писал очерк. Заголовок уже есть: «Главное — не растеряться». Письменным столом ему служило ложе неразлучного «ППШ», до черноты отполированное за годы войны. Писалось легко и быстро, потому что все, о чем

хотел рассказать читателям, видел лично, пережил и пере-чувствовал. Выдумывать ничего не приходилось. Наобо-рот, опасался, как бы «не растечься мыслью по древу». Очерк хотелось сделать кратким, но стремительным, как сами события минувшего дня.

Солнце скрылось за горбатой крышей мрачного серого дома, чем-то похожего на огромного бегемота. Пахло гарью и кирпичной пылью. Не отрывая руки от блокнота, Яков глянул перед собой. И вовремя! По разрушенной на-половину стене к нему бесшумно приближался гитлеровец, державший автомат наготове. Видимо, он не хотел стрелять, чтоб не привлекать к себе внимания. Но подби-рался с совершенно определенной целью: напасть на русского офицера. Однако, как только Чапичев его заме-тил, фашист вскинул автомат:

— Хенде хох!

Понимая, что гитлеровцу невыгодно стрелять, Яков как можно спокойнее ответил по-немецки, что он журна-лист и с ним можно договориться.

— О-о, шпрехен зи дойч? ¹

— Яволь ², — с готовностью ответил Чапичев и, за-метив, что немец убрал палец со спускового крючка ав-томата, подложив правую руку под блокнот, словно хо-тел его спрятать, и, не переворачивая своего «ППШ», дал очередь. Гитлеровец свалился со стены, выронив оружие.

Чапичев встал, осмотрелся и вслух сказал:

— Да, главное — не растеряться.

Очерк остался недописанным. Необычайная стычка с фашистом выбила из колеи, спутала мысли. Спрятав блок-нот в планшет, Чапичев вернулся в подразделение, ко-торое готовилось к бою...

Ночевать пришлось в большом двухэтажном доме, где разместились несколько офицеров батальона. У входа в дом Яков прочел на массивной дубовой двери, окован-ной бронзой, странную надпись на русском языке: «Прось-ба ничего не портить, не уносить; здесь живет мирный не-мец Иоганн Пфефер».

— Ну, что ж, очень приятно познакомиться с «мир-ным немцем», — сказал Яков, открывая дверь.

¹ О, вы говорите по-немецки?

² Конечно.

В прихожей Чапичев поздоровался со знакомыми офицерами. С завистью посмотрел на их чистые, выбритые лица. Понял, что люди успели помыться и привести себя в порядок. Значит, у «мирного немца» действует водопровод. Яков тоже решил этим воспользоваться.

Войдя в ванную, он почувствовал какой-то не немецкий, а привычный, домашний запах мыла. Осмотрелся, заметил овальный розовый брусок, понюхал — наше, «ТЭЖЭ». Улыбнулся: кому-то из офицеров жена прислала. «Зачем же он оставляет его здесь?»

И вдруг увидел еще такие же бруски. От любопытства открыл шкафчик и глазам своим не поверил: там лежало в четыре ряда не меньше пятидесяти кусков такого же мыла.

«Запасливый «мирный немец», — удивленно подумал. — Где он столько набрал?»

Любопытство его разгоралось, и он открыл другой шкаф в стене. Сколько вышитых украинских рушников и разноцветных платков! Мысль о том, что все это награблено у нас, в России, злила его. Тяжело и больно было сознавать такое и тем более видеть.

— Всю нашу страну ограбили, — сердито бормотал Чапичев. — Все свезли в свой фатерланд, ничем не гнушаются.

С этими мыслями Яков вышел из ванны. Офицеры уже ужинали, для него тоже стоял прибор. Подавала старенькая и бесшумная, как тень, немка. Сев за стол, он воскликнул от удивления:

— Да что это такое?! И посуда советская у этого «мирного немца»!

— А вот это ты узнаешь? — указал один из офицеров на кружевную дорожку, лежавшую на комод. — Наше, вологодское.

Словно первым морозом дохнуло на влажное стекло — таким тонким и изящным было кружево. Видно, не один вечер сидела, склонившись над рукоделием, русская женщина и, конечно же, собиралась порадовать своей работой не этого «мирного немца».

После ужина Яков увидел целые тюки такого кружева. И не только вологодского.

Подвал в доме оказался заполненным дорогой посудой, свезенной сюда из разных стран, оккупированных фашистской Германией.

Корреспондент не вытерпел и спросил у старушки, которая подавала им на стол, что все это значит, откуда столько чужого добра у «мирного немца»?

Та молча подвела его к книжному шкафу, достала портрет эсэсовца — сына хозяина.

— А кто же сам хозяин? — спросил Чапичев.

— Доктор философии, — ответила служанка.

Она оживилась, когда русский офицер заговорил на ее родном языке. Сказала, что зовут ее Мартой.

— Почему же он считает себя мирным, если весь дом заполнен награбленным в разных странах добром? — не удержался Яков.

— Он пошел на хитрость, на обман, — призналась служанка. — Здесь многие уверяли, что русские тоже будут грабить, и заранее готовили на дверях такие таблички.

— О других они судят по себе! — проговорил Чапичев без обиды на фрау Марту и спросил: где сейчас хозяин?

— Куда-то на Запад подался, как только большевики перешли границу.

— Ну а вы, фрау Марта, почему не уехали с ними? Неужели не боялись русских?

— А чего бояться? У меня с русскими солдатами есть много общего, — ответила со вздохом она и показала свои мозоли.

Яков одобрительно закивал и, бережно взяв правую руку немки, сказал печально:

— Такая же рука у моей мамы, рабочая, даже пальцы так же скрючены... Да, да, нам друг от друга убежать нечего, — согласился Чапичев и, отойдя, стал разглядывать книги в огромном шкафу. — Скажите, ваш хозяин газеты получал?

— О да. Очень много, — закивала Марта.

— Мне бы хотелось почитать вашу городскую. Интересно, что о нас здесь писали в последние дни.

— Хозяин боялся, что эти газеты могут его скомпрометировать, и приказал Гансу спрятать их в тайнике за гаражом.

— А кто такой Ганс?

— Это мой муж. Он во дворе.

— Зовите его, мы с ним потолкуем.

— Вы разрешите ему войти сюда? — удивилась Марта.

— Ну, а как же! — развел руками Чапичев. — Конечно, пусть пройдет. Не буду же я с ним разговаривать через форточку.

— Хозяин не разрешал Гансу входить в дом. Он живет там, в своей загородке, возле гаража. От него всегда машинным маслом да навозом пахнет, а хозяин не любил посторонних запахов, — как само собой разумеющееся, пояснила Марта.

Она ушла и вскоре вернулась с одnogлазым, очень тощим, прихрамывающим Гансом. Тот нес целую кипу газет. На пороге остановился, вынул из кармана своего донельзя засаленного пиджака мокрую тряпку, вытер подошвы ботинок, сделал несколько шагов и только тогда с подобострастным поклоном поднес русскому офицеру газеты.

Положив их на стол, Чапичев протянул пемцу руку. На лице Ганса отразилось недоумение. Он недоверчиво пожал руку русскому офицеру. Яков назвал себя, сказал, что он сын рабочего и потому хорошо понимает трудовых людей с мозолистыми руками, какой бы национальности они ни были.

Ганс ушел растерянный, но сияющий от счастья. Наверное, впервые за всю жизнь он почувствовал себя человеком.

Фрау Марта зажгла еще одну лампу, пад книжным шкафом, и бесшумно исчезла.

«Смерть бушует сегодня у ворот нашего города! — читал Чапичев в одном из последних номеров газеты. — Все на защиту фатерланда от явившихся с востока штыков!»

— Вот враль! — сокрушался Яков. — А кто кричал о походе на восток? Чьи штыки еще недавно угрожали Москве? Сами напросились, а теперь вопят.

Он взял старую пожелтевшую подшивку. Взгляд его сразу же попал на броские заголовки через всю полосу: «Германские войска вырвались к Волге!», «Генерал Ромель идет к Каиру и Александрии».

«Как быстро слетела с них заносчивость, — подумал Чапичев. — А нахальство осталось».

Вот приказ бургомистра, который пугал расстрелом население за предоставление ночлега дезертирам и прочим врагам рейха. То же самое он обещал за распространение сообщений о положении на фронте, именуя их ложными слухами, за недоверие к фюреру, а в плохо зама-

скированные окна грозился бросать гранаты без всякого предупреждения.

Веселую улыбку вызвало у Якова объявление фирмы Франца Мюллера о дешевой распродаже чемоданов.

— Здорово получается: начали с завоевания мира, а кончили распродажей чемоданов!

Утром, собравшись в путь, он попросил фразу Марту:

— Спрячьте газеты в тайник и сохраните их для меня. После войны обязательно заеду к вам. Интересно будет почитать, как вас надували гитлеровцы.

Старушка приняла от него газеты и сказала несмело:

— Вот наш хозяин удивится, когда увидит вас, господин майор, в своем доме. А еще больше поразится, когда вы в его присутствии подадите руку моему Гансу, как человеку!

— Я думаю, что ваш хозяин сюда больше не вернется, — заверил ее Яков.

Утром, прощаясь с фразой Мартой, сказал:

— Если у меня все сложится удачно, я постараюсь заглянуть к вам.

Войска Первого Украинского фронта заняли важные плацдармы за Одером, севернее и южнее Бреславля (ныне польский город Вроцлав). Советские дивизии огромным клином прорезали линию фронта и стояли в нескольких километрах от Берлина. На допросах пленные германские солдаты и офицеры в один голос твердили: «Гитлер капут!» И все же противник продолжал яростно сопротивляться.

Наибольшую опасность представляли гитлеровские войска, окруженные в районе Бреславля. Там их собралось более сорока тысяч, и сопротивлялись они с отчаянием обреченных почти три месяца — до самого падения Берлина.

Чапичеву, как и другим офицерам полка, были известны лишь общие данные о Бреславле. Он знал, что это центр крупного промышленного района Германии. В самом городе расположены машиностроительные заводы «Линке Гофман» и «Бекман», имевшие несколько корпусов, металлургические заводы «Майнекк», «Шварц», «Вольф» и «Эрген», ряд судостроительных заводов, хи-

мический и суперфосфатный заводы, арсенал с ремонтными мастерскими, много предприятий легкой и пищевой промышленности. В нескольких километрах от города находился завод «Фомо», выпускавший автомашины, тапки, тракторы.

Бреслау (немецкое название) — главный город провинции Силезии, важнейший железнодорожный узел и порт на реке Одер, одной из больших и судоходных рек Германии. Город расположен по обоим ее берегам в извилистой долине. Местность в районе города равнинная, пересеченная многочисленными притоками Одера, а на севере и северо-востоке тянутся холмы. Все это затрудняло ведение боевых действий против фашистских войск.

Вокруг города раскинулись многочисленные промышленные районы. В последние годы здесь возникли крупные авиационные заводы, производящие самолеты новейших образцов, ряд металлургических и машиностроительных предприятий, целиком приспособленных для нужд военной промышленности.

Эти краткие сведения, полученные в политотделе дивизии, Чапичев дополнил данными из армейской разведки, сообщениями из газет.

Полк, агитатором которого он был, занимал один квартал на восточной окраине Бреславля. Не только бойцы, но и офицеры интересовались, что из себя представляет город, за который они ведут длительные, кровопролитные бои. И Чапичев, в блокноте у которого накопилась масса сведений о различных германских городах, разъяснял, что Бреславль является не только одним из крупнейших промышленных и торговых центров Германии, насчитывающим свыше полумиллиона жителей, но имеет огромное военное значение, как опорный пункт оборонительной линии «Остваль» на реке Одер. Этот оборонительный район прикрывал с востока наиболее удобные пути на такие жизненно важные центры Германии, как Берлин и Дрезден. Сюда, в тыл Германии, наименее подвергавшийся бомбардировке авиацией союзников, были эвакуированы многие военные предприятия. Гитлер отдал категорический приказ: не допустить русских за Одер, сохранить Бреслау во что бы то ни стало.

Вот почему на улицах города ни днем, ни ночью не утихала ожесточенная борьба. Советские войны, сомкнув

железное кольцо вокруг бреславльской группировки, настойчиво штурмовали окруженного врага. Гитлеровцы неистово обороняли каждый квартал, дом, улицу и даже каждый этаж в доме.

В Бреславле фашистское командование буквально все приспособило к длительной обороне. Враг превратил в крепость не только город, но и отдельные дома. Улицы и подходы к крупным зданиям были заминированы. Противник располагал здесь большим количеством железобетонных колпаков, установленных на перекрестках дорог. Для ведения обороны были сосредоточены танки и бронетранспортеры.

Рассказывая об этом бойцам, Чапичев преследовал определенную цель: создать у них реальное представление о противнике, побудить всерьез изучать тактику уличного боя. Яков по-прежнему не упускал случая лично принять участие в схватках. Он много видел, много знал, и поговорить с ним было интересно. Начав с событий на фронтах, с жизни страны, он незаметно переводил разговор на полковые темы. И глядишь, бойцы уже начинают рассуждать о том, как лучше бороться с танками на улицах города, как уничтожить вражеских снайперов, выбивать гитлеровцев из зданий. Наши бойцы нередко отбивали у врага железобетонные колпаки, забираясь внутрь, открывали из них огонь по фашистам. Чапичев каждый такой случай солдатской находчивости и хитрости всячески пропагандировал, а для памяти заносил в блокнот. Пригодится!

...Перед развалинами дома, занятом нашими бойцами, дымят угольные брикеты. Чапичев подошел узнать, нельзя ли погасить их.

— Мы специально подожгли уголь,— пояснил ему пожилой боец.— Утром пойдем в атаку вон на тот дом, вот и устроили дымовую завесу.

— Утром в атаку, а сейчас только вечер опустился!— возразил майор.— Поближе к утру и подожгли бы.

— А мы заранее фрица к дыму приучаем, товарищ майор,— ответил все тот же бывалый солдат с хитринкой в серых глазах.— Вы слышали, какую стрельбу они подняли, когда появился дым. Решили, что тут же пойдем в атаку. А мы себе сели ужинать. Пусть немец настреляется вдоволь, утихнет и станет думать, что горит все это так себе, без всякой пользы для нас...

— Ну, что ж, правильный дым! Хитрый ход! — подмигнув, улыбнулся Чапичев и решил остаться здесь до атаки. Народ интересный, жизнерадостный — с ним не пропадешь. Особенно вот этот пожилой, рассудительный, видать, с большим житейским опытом солдат. Кажется, где-то с ним встречались. Но где, не мог вспомнить. И тут его выручил сам солдат.

— Товарищ майор, разрешите обратиться. Снайпер рядовой Петраков. Мы с вами вместе находились в госпитале в Сочи. Помните? Петраков Николай Васильевич.

— Да, да, конечно, — оживился Чапичев. — На войне, оказывается, и такое может быть. Вот радость-то. Ну, рассказывайте о себе, потом я вам о себе поведаю.

Солдат и майор просидели за оживленной беседой весь вечер.

Дым, к сожалению, не пригодился. Утром изменился ветер, и дымовая завеса пошла в сторону. А со двора разбитого дома начал методично постреливать пулемет. До полудня никто не мог определить, где укрылся гитлеровец. Ясно, что бьет откуда-то с середины двора. Там, кажется, и спрятаться негде. А засечь врага никак не удастся.

— Да не может же он быть невидимкой! — разозлился Чапичев. — Идемте! — позвал он с собой снайпера Петракова.

По развалинам осторожно подобрались они к зданию, стены которого изрешечены снарядами. Вошли внутрь и по лестничной клетке, преодолевая завалы, поднялись на третий этаж. Нашли удобное отверстие в стене, пробитой снарядом, и стали внимательно осматривать двор.

Пулемет во дворе по-прежнему размеренно постреливал. Вдруг Чапичев до боли сжал плечо снайпера:

— Смотрите туда, где лежит куча красной черепицы, а рядом блестит кусочек керамики.

— Ну, вижу.

— Замечай, когда пулемет стреляет, за кучкой черепицы, среди битого кирпича, вздымается еле заметное облачко пыли.

— Есть, пыль! — схватившись за свою винтовку, восторженно воскликнул солдат.

— Так в пыль же не будешь стрелять.

— Конечно. Фашист сделал себе шапку из черепицы. И пулемет замаскировал ею, — уже глядя в оптический прицел, пояснил снайпер.

— Ну приближайте его к себе, только не спешите, — советовал Чапичев. — Действуйте, как сапер: один раз, но наверняка.

— Почему, как сапер? — не принял шутки босц. — Я буду стрелять, как положено снайперу. Вот смотрите.

Прозвучал выстрел. В пробойну Чапичев увидел опрокинувшегося навзничь фашиста и уползающего по развалинам его помощника. Еще одним снайперским выстрелом был сражен и второй номер пулемета.

Возвращались Чапичев и снайпер из своей засады мимо дома, который стоял на нейтральной полосе: в нем не было ни немцев, ни наших. На всякий случай шли пригнувшись. И вдруг Чапичев дернул за рукав бойца. Оба присели, держа оружие наготове: снайпер винтовку, а майор автомат. По тропинке, тянувшейся к дому, приближались два гитлеровца. Они тащили, по всему видно, тяжелый ящик.

«Что-то хотят минировать! — мелькнула у Якова догадка. — Нас они могут не заметить, когда пойдут мимо. Но стрелять нам все равно не стоит, может, в доме тоже немцы сидят».

Чапичев поднял руку и движением пальцев изобразил напарнику кленци: мол, берем живыми.

Гитлеровцы и в самом деле не заметили сидящих за кустами сирени советских воннов. Чапичев и снайпер появились неожиданно, и через мгновение оба немца лежали на земле. Руки у них были связаны, рты заткнуты платками.

Фашистские минеры несли последний ящик взрывчатки в траншею, которая проходила под занятыми нашими подразделениями домами. Через полчаса остатки разрушенных стен взлетели бы на воздух и погребли всех русских, находившихся на этой территории.

— Ну, Чапичев, за «язык» тебе сегодня круглая пятерка, — сказал командир полка.

— Спасибо. В школе мне всегда тройку за уши подтягивали, — отшутился Яков. Но шутка прозвучала грустно: она ему напомнила о родных местах. В последнее время думы о них приходили на память все чаще и чаще. Родилось начало стихотворения:

Вблизи Салгира рос я молодым,
Там юность промелькнула безмятежно,
Как и любил тебя, мой чудный Крым!
Неугасимо, ласково и нежно.

Взял в руки карандаш и блокнот. Записал. Прочитал и понял, что «рос я молодым» — не те слова, да и последняя строчка не совсем удачна, ее надо переделать. Но когда-нибудь потом, сейчас его вызвал командир полка. Чапичев с горечью спрятал блокнот. Когда-нибудь потом все будет дописано, доработано. А пока пусть лежит как заготовка, выхваченная из огня.

XIII

Много рек, больших и малых, встречалось на боевом пути Советской Армии: Днепр и Сап, Днестр и Висла. И ни одна из них не смогла задержать грозной поступи наших богатырей.

Немцы возлагали большие надежды на Одер — мощную водную преграду. Они заранее укрепили этот естественный рубеж всевозможными инженерными сооружениями: проволочными заграждениями, траншеями, дотами и противотанковыми рвами. Здесь можно было встретить все виды оборонительных препятствий.

Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, наши части в ряде мест форсировали Одер и прочно овладели плацдармом на его западном берегу. Шел со своим полком вперед и майор Чапичев. Блокнот его наполнился записями о подвигах наших бойцов и новыми стихами. Но в редакцию он ничего не присылал, да и сведения о нем доходили до нас редко.

Рассказывали, как он с группой артиллерийских разведчиков переправился на западный берег. Наметапным глазом выбрал подходящую высоту, приказал бойцам занять ее. На высоте артиллеристы оборудовали наблюдательный пункт, и Чапичев стал корректировать огонь. Батарея уничтожила до батальона вражеской пехоты.

Уже в самом конце войны, в феврале или в начале марта 1945 года, в разговоре с фотокорреспондентом нашей газеты «За честь Родины» младшим лейтенантом

Николаем Ксенофонтовым, вернувшимся из Бреславля, я случайно услышал знакомую фамилию.

— Чапичев? — переспросил я.

— Да, Чапичев, — ответил Ксенофонтов. — Он агитатором в двести сорок третьем полку... — И, немного помолчав, как бы полшутя-полусерьезно добавил: — Поэт он еще... Стихи пописывает...

Сомнений быть не могло: это он — Яша Чапичев, мой волховский однополчанин.

— Ты когда собираешься обратно? — спросил я у Ксенофонтова.

Готов ехать хоть сейчас, вот только отдам ответственному секретарю газеты свои снимки и получу последние наставления.

Я зашел вместе с Колей к редактору Семену Иосифовичу Жукову и попросил разрешения поехать в 6-ю армию, которая блокировала в Бреславле большую группировку гитлеровцев, а заодно повидаться с Яковом Чапичевым.

— Возьмите с собой и Деревянкина, — сказал редактор. — Видите, как он рвется в бой. Дела в Бреславле всем хватит. А раз уж идет машина, место еще для одного человека найдется.

И вот мы на редакционном «виллисе» отправились в город, где шли тогда наиболее жаркие бои. Наконец-то, мечтал я, увижу своего старого фронтового друга, с которым не встречались три с лишним года: для военного времени это очень большой срок.

По дороге в Бреславль мы беседовали со многими нашими командирами и солдатами, только что вышедшими из боя. Сейчас они уходили на переформировку — готовилось новое генеральное наступление. Для нас с Деревянкиным разговор с тем, кто только что смотрел смерти в глаза, просто необходим. По опыту знали, он может пригодиться, когда на досуге сядешь писать корреспонденцию или очерк о героях боев.

Первые записи для будущего очерка мы с Сергеем сделали у артиллеристов-самоходчиков. Давно мечтали побывать у них, но все как-то не удавалось. А тут попали в дивизион, который только сегодня утром выбивал противника из крупного пригородного района Бреславля.

Бесстрашный народ эти самоходчики! Они рассказали нам о последней схватке, когда батарею внезапно контр-

атаковали фашистские танки. Скорее всего, гитлеровцы не ожидали столкнуться на этом участке с самоходными орудиями и попытались с ходу пробиться через наши боевые порядки, выйти им в тыл. Но русские твердо усвоили: увидел врага — первым нападай на него. Пока немецкие танки принимали боевой порядок; рассредоточивались, на них обрушился губительный огонь советских самоходных орудий. Запылал вражеский «тигр», шедший в голове колонны. Его поджег младший лейтенант Ранжев. Вскоре остановился второй, подбитый младшим лейтенантом Николаевым. Остальные стали спешно разворачиваться и отходить. Пользуясь замешательством, самоходчики подбили еще четыре танка, два бронетранспортера.

В это время артиллерийская батарея гвардии капитана Кузнецова прямой наводкой расстреливала другую группу вражеских танков, устремившихся по шоссе к крупному населенному пункту.

— Сейчас противник чаще стал устраивать засады, особенно танковые, — рассказывал командир дивизиона самоходных установок. — Но нам удастся вовремя обнаруживать и уничтожать их. Поговорите с гвардии младшим лейтенантом Неклюдовым. Он недавно провел успешный бой.

Неклюдов исторонлив, даже несколько медлителен. Но это впечатление обманчиво. Просто стесняется говорить о себе. И все же мы узпали, как стрелковый батальон наткнулся на вражескую танковую засаду, залег и нес потери. Гвардии младший лейтенант Неклюдов решил ударить по врагу с тыла. Используя холмистую местность, он внезапно ворвался в населенный пункт. Неожиданность посеяла в рядах противника панику. Фашисты заметались, стали прятаться в домах, но самоходка Неклюдова всюду пастигала их. Стоявший в засаде экипаж «пантеры», услышав стрельбу, поспешил на помощь своим. Неклюдов заранее предвидел это и внимательно наблюдал за действиями противника. «Пантера» от опушки леса направилась к месту боя. Экипаж Неклюдова укрыл машину за каменным домом. Когда враг приблизился, прогремел выстрел. У «пантеры» слетела гусеница, она резко развернулась на месте. Второй снаряд угодил в моторное отделение, и «пантеру» окутало огнем.

Довольные уезжали мы из дивизиона. У нас накопились интересные факты о действиях самоходчиков в бою.

Не скрывал своей радости и Ксенофонтов. Он сделал отличные снимки. Мы всегда могли дать под ними расширенные подписи, ведь блокноты распухли от записей.

В один из дней встретили группу раненых, которых направляли в госпиталь. Случайно в разговоре незнакомый офицер назвал фамилию Чапичева.

— Вот мы к нему и едем. Где он сейчас? — перебили мы лейтенанта.

От него узнали, где находится часть, в которой воюет Чапичев.

Ксенофонтов ворчал. Ему хотелось еще побыть здесь, сделать снимки. Но я торопился.

— Скорей в Бреслауль! — бросил шоферу.

Вдали гремели выстрелы. Наша машина без задержек мчалась по широкому шоссе. Девушки-регулирующие, молодежато вскидывая флажки, указывали путь. На дороге образцовый порядок. Всюду на поворотах развешены указатели. А распорядительные регулирующие, как жонглеры, ловко командовали движением. Осталась позади линия железной дороги, промелькнули строения небольшого городка — грязно-серые, мрачные, приземистые, типично старонемецкие.

Вот она, жирная приграничная «доодерская» полоса Силезии, где жили самые благонадежные бюргеры, самые преданные Гитлеру служаки. С них и налогов не брали. Им потворствовали во всем.

Мычат коровы, кудахчут куры, кричит на разные голоса всякая живность.

Дома, как правило, пустуют. Перетрусившие хозяева сбежали за Одер, лихорадочно меняя по пути любое количество скота, одежду, мебель, на несколько литров бензина. Бежали второпях, без оглядки. Советские танки наступали на пятки обезумевшим от страха гитлеровцам.

По обе стороны дороги, особенно перед населенными пунктами, мелькают широченные противотанковые рвы, траншеи, ряды проволочных заграждений.

Огромные противотанковые рвы, порою достигавшие восемь и более метров ширины, тянулись на десятки километров. Они пересекали основные шоссе и проселочные дороги, поля и даже заболоченные или поросшие лесом участки. Западные берега небольших рек были эскарпированы и укреплены бревнами. Всюду тянулись траншеи с развитой сетью ходов сообщений, мощные бе-

тонированные доты, проволочные заграждения. Обороне дорог гитлеровцы придавали особое значение. Буквально через каждые десять — пятнадцать метров встречались окопы с готовыми пулеметными площадками и дотами. Одни сооружены давно, другие — совсем недавно. Казалось, гитлеровцы думали вечно воевать, вечно наступать или обороняться.

Мы смотрели на немецкие укрепления и думали о том, какую же силу сокрушила наша армия.

Несколько часов подряд шофер гнал вдоль линии фронта машину без единой остановки, удачно минуя воронки и завалы, объезжая еще не разминированные вражеские минные поля. Уже под Бреславлем, в селении, только что освобожденном от гитлеровцев, решили сделать небольшой привал. Пока шофер Ковтун осматривал машину, мы наводили справки о положении в Бреславле, разговаривали с солдатами и офицерами, которые только вчера заняли этот населенный пункт и сейчас отдыхали, готовились к новым боям.

И тут мы с Колей Ксенофоновым чуть не поссорились. Он хотел остаться в селе подольше, чтобы пофотографировать, а я спешил к Чапичеву. Сергей занимал в нашем споре нейтральную позицию, мирил нас. В конце концов договорились, что мы осмотрим пока село.

Пошли. В одном из зданий заметили немца, который, озираясь по сторонам, осторожно выглядывал в окно и снова прятался. Решили узнать, что это за человек и почему себя так странно ведет.

Когда поднялись на крыльцо дома, похожего на все другие, как казарма на казарму, нам охотно открыл дверь пожилой мужчина и тут же назвал себя:

— Вильгельм Кассель. Пожалуйста, прошу вас, — произнес он бойко по-русски с дружеской мягкостью в голосе.

Мы сразу заметили нарочитую учтивость в поведении немца, но ничего не сказали и прошли вслед за ним в дом. Хозяин по-прежнему был вежлив и предупредителен. Он не осмелился сесть в присутствии русских офицеров и продолжал стоять навтыжку, как старый выпколенный солдат.

— Откуда вы знаете русский язык? — спросил Дервянкин. — Когда последний раз были в Бреславле?

— В Бреслау, — поправил немец. — А язык русских

знайт плёхо,— отвечал он уже сбивчиво, заикаясь и бледнея.— Война не гут. Гитлер капут.

На этом разговор оборвался, потому что у Касселя внезапно иссяк запас русских слов.

— Айн момент,— вдруг произнес он, почувствовав себя неловко. Тут же исчез в соседней комнате и возвратился с несколькими исписанными листками из тетради.

— Битте, прошу,— сказал он, протягивая эти листки офицерам.

На них крупным четким почерком было написано по-русски:

«Я, Вильгельм Кассель, приполз здесь из Брослау.

Я жил Сибирь. Плен был та империалистическая война.

Я умеит делат карашо возиски и колбаса»...

Рассматривая грамматические упражнения колбасника, Деревянкин заметил, что на всех листках у него не получают буквы «и» и «я». Потому целые строчки заняты правописанием этих двух букв. Кассель пояснил, что этими упражнениями он с немецкой педантичностью занимается по два часа ежедневно.

— Зачем вам это нужно? — спросил Деревянкин по-немецки. Он также регулярно, еще со школы, изучал язык Маркса и Энгельса. А когда вступили на территорию Германии, ежедневно практиковался в разговорной речи.

— Их хочу карашо знайт русский! — ответил Кассель.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Кассель несколько дней тому назад бежал из Бреславля, города, который русские, по его мнению, будут наверняка бомбить. А он боится бомбежек и хочет жить. «Гитлер капут», — то и дело лепетал он. Когда в селение пришли советские солдаты, он принялся усердно восстанавливать свои знания русского языка, чтобы быстрее перестроиться на новый лад, приспособиться к новым условиям. Каждый вечер раскрывал изданный для германских солдат «Немецко-русский разговорник» и выводил букву за буквой.

У нас не вызывало сомнений, что Вильгельм Кассель действительно был в годы империалистической войны в России в плену. Но теперь он пытался повернуть это в свою пользу. О своих соотечественниках он говорил «они».

— О, они так боялись... Они так бежали на запад. Ах, ах! — вздыхал он, сясь вызвать на лице подобие улыбки.

Провожая нас, Кассель раскланивался. И вдруг лицо

его посуровело, в глазах промелькнул испуг. Во двор входила группа немцев — представители нарождающейся власти вместе с нашим комендантом. Комендант сообщил нам об аресте «вежливого» и «обходительного» господина Касселя, у которого в подвале нашли несколько заряженных автоматов и ящик гранат. Вот чем обернулось чистописание «приветливого» колбасника...

Наконец мы в Бреславле. Оставив в надежном месте машину, пешком прошли в батальон, который только что выбил гитлеровцев из группы зданий. На месте недавнего боя еще курились подожженные фашистами дома, то тут, то там раздавались выстрелы. Путь нашим бойцам преграждала широкая улица. Штурмовые группы попытались перебежать ее. Но гитлеровцы открыли из подвала, из окон первого и второго этажей стоящего напротив дома сильный ружейно-пулеметный огонь. Мы с Деревянкиным только что подсели к старшему сержанту Кунучакову, чтобы попросить его рассказать о наиболее значительных эпизодах сегодняшнего боя. Он разговаривал с двумя бойцами-саперами. Они что-то объясняли ему, показывая на стоявший посреди улицы подбитый немецкий тягач и на пролом в стене дома, где засели гитлеровцы.

— Ребята дело говорят, — обернулся к нам сержант и закинул на плечо ремень автомата. — Пошли!

Последние слова его адресованы были, наверное, бойцам. Но мы приняли их и на свой счет. Решили не отставать от сержанта. Кунучакову с бойцами-саперами удалось через пробитую снарядом в стене дыру ворваться на первый этаж дома. Невольно и мы втянулись в бой. На ходу стреляя из автоматов, вместе с тремя смельчаками вбежали по лестнице на второй этаж. Остановились на площадке: дверь, ведущая в квартиру, была наглухо забаррикадирована. Кунучаков заложил под нее тол, а один из красноармейцев зажег шнур. Бойцы спрятались за выступом стены. Взрыв разнес дверь в щепы. Саперы ворвались в первую комнату. Там валялись три убитых взрывом фашиста.

Теперь группа Кунучакова решила пробиться в нижний этаж. Сапер расковырял ножом паркетный пол, заложил в лунку несколько шашек тола и взорвал его. Гитлеровцы, находившиеся внизу, стали бить в образовавшееся отверстие из автоматов. Кунучаков метнул туда две гранаты и, едва они разорвались, прыгнул в пробоину.

Когда мы с Деревянкиным вбежали во вторую комнату, Кунучакова там уже не было. Расчищая себе путь гранатами и автоматным огнем, он ворвался в третью комнату. Находившиеся там гитлеровцы в ужасе стали выпрыгивать через окна на улицу.

Так отделение сержанта Кунучакова завоевало еще один «плацдарм» в квартале Бреславля.

Незаметно подкрались сумерки, и город окутала тьма. Искать часть, где служил Чапичев, было поздно. Мы решили остаться почевать здесь, среди людей, с которыми познакомились в бою. Отделение Кунучакова устроилось на ночлег под стенкой разрушенного дома.

Мы подошли с Сергеем, когда Кунучаков, достав из кармана потрепанную записную книжку, предложил:

— Хотите, я вам стихи почитаю.

Бойцы оживились. Кунучаков откинул назад голову, прикрыл глаза и начал заодно читать.

К нам непрошенные гости
Завернуть изволили.
Много места на погосте
Мы им приготовили...

Бойцы стали тихонько напевать уже известный им припев:

Любо, любо-дорого
Бить нам немца-ворога.
И в четверг и в среду
Сзади бить и спереду!

Я слушал эти задорные частушки, и что-то до боли знакомое чувствовалось в них. Ну, конечно же, они Яше Чапичеву принадлежат! Чтобы проверить себя, спросил у сержанта:

— Послушай, чьи это стихи?

— Как чьи? — удивился сержант. — Майора Чапичева.

— А где он, не знаешь?

— Вот уж не скажу. Недавно заходил. Он с нашими командирами о взаимодействии толковал. Далеко уйти не мог. Считаю, рядом, в соседних кварталах воюет.

Я успокоился: Чапичев близко, встреча с ним недалека. Закопчим дела в этом полку и к нему перейдем.

Рано утром следующего дня бойцы, у которых мы почевали, вышибли гитлеровцев еще из одного дома.

Ожесточенные схватки на улицах города разгорались

с большей силой. Выстрелы пушек и минометов, разрывы бомб и снарядов — все это слилось в непрерывный грохот боя. Горизонт затянуло непроглядной пеленой кирпичной пыли и черного дыма. Казалось, в городе свирепствует страшной силы огненный смерч, не щадящий ни земли, ни домов, ни воды, ни неба. В этой обстановке, нечего было и думать о том, чтобы уехать в другой полк и заниматься поисками моего друга — Чапичева.

Бой не стихал. Гитлеровцы вели себя с каждым часом все активнее и воинственнее. Они нащупывали слабые места в нашей обороне и пытались пробиться сквозь кольцо окружения.

Над нашими позициями появилась немецкая «рама» (так бойцы называли вражеский самолет-корректировщик), и вскоре шквал огня обрушился на оборонительные позиции полка. К счастью, те, кто находился в укрытиях, потерь почти ненесли. Когда же пыль рассеялась, мы отчетливо увидели, как из-за поворота улицы выползли танки и стали медленно, словно прощупывая каждый метр асфальта, приближаться к нашим позициям. Черт бы ее побрал, эту «раму»!

— Приготовить гранаты! — раздалась команда.

Артиллеристы-истребители танков стали бить по вражеским машинам прямой наводкой. Загорелся головной танк. Две другие машины, ведя огонь с ходу, стали быстро разворачиваться и попытались скрыться за домами.

Теперь заговорили автоматы: это наши стрелки встретили вражескую пехоту, наступавшую за танками. Автоматчики отбили одну за другой несколько атак противника.

Фотокорреспондент Коля Ксенофонтов, упоенный боем, забыл про фотоаппарат, со второго этажа только что захваченного дома через открытую балконную дверь он стрелял, стрелял и стрелял по набегавшим гитлеровцам. И вдруг неожиданно поднялся во весь рост, высунулся из-за косяка, чтобы бросить гранату, и... не смог.

Вражеский снайпер сразил его. Вместе с Деревянкиным и подбежавшими солдатами мы подняли Колю на руки. Разыскали санитаров, но сделать уже ничего было нельзя...

Бережно уложив в «виллис» тело погибшего товарища, с которым много месяцев провели бок о бок на фронтовых дорогах, мы вернулись в редакцию.

Коллектив газеты потрясла эта утрата. Все очень лю-

били Колю за чудесный характер, неповторимую улыбку и какую-то девичью застенчивость. В редакции знали Ксенофонтова как человека исключительной скромности, обязательности и простоты. Он был в буквальном смысле журналистом переднего края: там чаще всего можно было его встретить. Он хорошо знал фронтовую обстановку и свободно ориентировался на любом участке.

Деятнадцатилетним пареньком-комсомольцем Коля добровольно ушел служить в армию. Рядовым принимал участие в боях за Крым, на Северном Кавказе и Кубани. Как солдат, участвовал в феодосийском морском десанте, в знаменитом десанте на Малую землю под Новороссийском и в форсировании Керченского пролива. В боях был дважды ранен и неоднократно контужен. Он гордился орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Кавказа», которыми был награжден.

Сержант Кунучаков оказался прав: полк, в котором служил Чапичев, вел бои с гитлеровцами по соседству от него, в дымящихся кварталах Бреславля. Я падеался еще попасть туда. Но неожиданно пришла весть, что ранен сержант Кунучаков. Я отправился в госпиталь. В одной палате с Кунучаковым лежал молодой лейтенант, командир роты. Он уже выписывался.

— Куда же теперь? — поинтересовался я.

— Как куда? — удивился лейтенант. — К себе, в Сто восемьдесят первую дивизию.

— Вы из Шестой армии?

— Да.

— Тогда, паверное, знаете майора Чапичева?

— Конечно. Он даже написал стихи о нашем лучшем автоматчике.

— Передайте ему привет от меня, — попросил я и назвал себя. — Скажите, что хотел с ним встретиться, но всего несколько кварталов не дошел. И все-таки я еще вернусь, обязательно к нему приеду. Так и скажите: обязательно!

XIV

Трехэтажный особняк преградил путь группе бойцов, которую возглавил Чапичев. Дом стоял на перекрестке двух

улиц и был превращен гитлеровцами в сильный опорный пункт. Вражеские пулеметчики и автоматчики вели огонь из заложенных мешками с песком проемов, из окон. Группа Чапичева обошла особняк с тыла, подобралась к дому метров на тридцать — сорок. Бойцы-артиллеристы, как и было условлено, подкатили орудие и выпустили несколько снарядов по верхнему этажу, подавили огонь немецких пулеметчиков. Воспользовавшись этим, Чапичев с солдатами приблизился к дому и проник во двор. По пожарной лестнице люди поднялись на чердак. Расчищая себе путь гранатами и автоматными очередями, они спустились оттуда на третий этаж. В окна второго этажа полетели гранаты. Фашисты выбросили белый флаг. Но вражеские солдаты засели и в подвале. Чапичев забрался в отбитый у гитлеровцев бронеколпак и сильным огнем оттуда заставил замолчать противника.

Выстрелы раздались слева, из-за полуразрушенного дома. Яков повел бойцов в обход. По каменной лестнице поднялся на несколько ступенек. Увидел спины гитлеровцев, прильнувших к оконным проемам. Офицер что-то кричал, видимо, заставлял солдат усилить огонь. Но им очень скоро пришлось сложить оружие.

Из подвала боец вынес бледную до синевы, запуганную стрельбой и взрывами девочку лет семи. Она молчала, когда боец расспрашивал ее по-русски, сжималась в комочек, как воробушек. Чапичев попытался задать ей несколько вопросов по-немецки. Она смотрела на него настороженно и молчала. С трудом удалось добиться, что зовут ее Маргаритой. Оживилась девочка только тогда, когда принесли котелок с супом и куском хлеба, обильно намазанным маслом. Она жадно схватила хлеб, откусила несколько раз, а остаток положила на колено, прикрытое грязным до черноты платьем. Потом взяла ложку и начала быстро хлебать мясной суп, все так же боязливо оглядываясь по сторонам.

Тяжело смотреть на голодного человека, особенно когда это ребенок. Чапичев отошел в сторону, чтобы дать девочке спокойно поесть. К нему подошел старший сержант, пожилой человек, подал небольшой сверток:

— Здесь сахар, отдайте девочке. Жалко ведь, ребенок...

Маленькая немка обрадовалась сахару и чаю и улыбнулась.

Чапичева удивило, почему она все делает одной правой рукой. Левая все время зажата в кулачок. Спросил:

— Что с рукой, болит или ранена?

Девочка с тревогой посмотрела на него, но разжала кулачок и подала офицеру то, что все время так бережно держала. Чапичев увидел на ее ладони скатавшую бумажку. Развернул. В ней лежала темная горошина.

— Что это?

Девочка сказала, что бумажку дала ей мама, когда русские окружили дом. Она велела выпнуть и раскусить горошину, как только в дом войдут красноармейцы. Мама раскусила такую же горошину и умерла. А Маргарите же хотелось умирать: она надеялась, что русские не тронут ее, и держала бумажку в руке.

— Вот изверги, как запугали людей! — не удержался Чапичев. Поливая из баклажки, начал отмывать девочке руку.

Бойцы обступили их полукругом, угрюмо молчали. Но Чапичев видел в их глазах гнев.

— Фашисты проклятые, свое родное дитя не жалеют, — не стерпел ротный запевала солдат Николай Иванов, у которого гитлеровцы сожгли дом в Воропеевке и расстреляли всю семью.

Чапичев понимал: пятапуты первые до предела у каждого бойца.

В подвале свободные от нарядов бойцы собрались в сторонке. Чапичев вглядывался в их лица. Вокруг него сидели бывалые солдаты. Длинный боевой путь прошли они, много несчастий выпало на их долю: у кого немцы мать убили, у кого дочь или жепу угнали в Германию, у кого хату спалили.

«Ну, держись, фашист, — подумал Яков. — Накипело у русских на душе. Пришел час расплаты. Бить будут со всей силой».

— Правильно вы писали, товарищ майор, в своих стихах, — сказал Николай Иванов. — Я запомнил эти строчки:

Им не уйти от пашего меча,
Тем, кто принес лам кровь и разрушенья.
Пошады нет немецким палачам,
Мы отомстим, и страшным будет мщенье.

Чапичев нахмурился. Бывает же так, когда против тебя действуют тобой же сочиненные стихи. Все в них правильно, все верно. Именно так он думал все эти годы

войны. Но сейчас... Мстить? Гитлеровцам, да! Но не немецкому народу. И потом, что значит мстить? Разбить гитлеровскую армию, разрушить гитлеровский «новый порядок» — это и есть отомстить.

— Спасибо, Николай, что помнишь мои стихи. Я понимаю и тебя, и всех, кто хотел высказаться, но не успел. Понимаю вашу злость к врагу и ваше желание скорее закончить с войной. Но сейчас в вас верх берет гнев, и потому говорите вы неправильно.

Бойцы не ожидали таких слов от майора, с которыми не раз вместе ходили в бой, загудели:

— Теперь что же, по головке гладить немца?

— Непонятна нам ваша речь...

— Мы вместе с вами клялись отомстить палачам...

— Тише, товарищи! — спокойно произнес Чапичев, хотя и у самого в груди все клокотало: понимал, что гнев бойцов справедлив. — Никто не требует гладить врага по головке. И никто от своих слов отступать не собирается. Все мы поклялись Родине и партии жестоко отомстить фашистским разбойникам за все их злодеяния. С каждым годом, с каждым месяцем и днем росла наша ненависть к врагу. Это справедливое чувство вело нас вперед. Удваивало силы. Недаром у нас говорят: нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его. Все мы, прямо скажу, стали злее и беспощаднее. И мы должны эту святую ненависть донести до конца, до полной победы над врагом.

Майор говорил ровно, не горячась. И это возымело свое действие. Бойцы примолкли и внимательно слушали полкового агитатора. Чапичев тем временем думал о том, как бы ему понятнее высказать главную мысль, ради которой он и начал весь разговор. Но ему казалось, что пока он не нашел доходчивых и ясных слов.

— Жажда мести — великое и грозное оружие нашей борьбы. Никогда мы не забудем горя, которое принесли фашисты на нашу землю. Не забудем тех мук, слез и страданий, которые вынес в этой войне советский человек. Никогда не простим врагу те злодеяния, которые он творил в оккупированных им городах и селах.

Чапичев говорил о замученных и расстрелянных гитлеровцами раненых красноармейцах, о колодцах, заваленных трупами советских детишек, о гигантских могилах в Киеве, Минске, Могилеве и других городах, где земля, принявшая заживо погребенных наших людей —

женщин, стариков и детей,— шевелилась, словно содрогалась от ужаса. Чапичев достал блокнот и, листая его, стал приводить конкретные примеры фашистских зверств, ссылаясь на многочисленные акты советских государственных комиссий по расследованию злодеяний врага, называл цифры и даты.

— Теперь вы понятно все объясняете, товарищ майор. А то...

— Вот и пусть пеняют помцы на себя,— вставил Шерстняков.— Любишь кататься, люби и саночки возить.

Бойцы одобрительно зашумели: «Молодец, Дмитрич, правильно толкуешь...»

— Минутку,— остановил их Чапичев.— Я еще не кончил. И о главном не сказал.

Бойцы смолкли. Они знали, что их агитатор умеет незаметно поворачивать разговор в нужном ему направлении. Порой бывает трудно заранее угадать, какой он сделает вывод.

— Надо помпнуть, друзья, что наша месть не слепа, не безрассудна,— твердо произнес Чапичев.— Во всяком случае, месть — не самоцель. Это очень острое оружие, и пользоваться им надо умеючи. Наша цель одна — скорее добить фашистского зверя, скорее покончить с войной. Но мы не можем уподобляться фашистским двуногим зверям, которые позволяли себе насиловать наших женщин или заниматься мародерством. Этого никогда не бывало и быть не может. И наш боец в таком случае должен руководствоваться отнюдь не жалостью, а только чувством собственного достоинства.

— Это ясно,— согласился Шерстняков.— Русские — не звери.

— Все правильно,— отозвался младший сержант Иванов.— Марку держать надо. Честь страны нашей советской.

— Вот именно,— подхватил эту мысль Чапичев.— Пусть все видят, что пришли к ним люди благородные, умеющие постоять не только за себя, но и помочь другим.

Ему казалось, что теперь он полностью завладел вниманием солдат.

— Мы с вами ведем сейчас бой за Бреславль,— продолжал он.— Это богатый город. Много здесь крупных предприятий, материальных ценностей. Встречаем мы немало добра, вывезенного гитлеровцами из нашей страны.

И у кого не вскипает от негодования сердце, когда видишь это. Однако мы не будем в припадке слепой мести разрушать заводские сооружения, приводить в негодность станки на уже отбитом у противника предприятии. От такого рода мести выиграл бы только враг. Все материальные ценности должны стать государственным достоянием. Наша месть — это беспощадное уничтожение фашистских войск, когда они сопротивляются, мешают нашему победоносному наступлению.

— Ваша правда, товарищ майор, — загудели бойцы.

Старший сержант Шерстняков поднялся, подхватил за ремень автомат.

— Крепкий орешек вы нам подложили, товарищ майор, — раздумчиво вымолвил оп. — Хотя понять можно: для немецкого народа мы тоже освободители. И вести себя обязаны, как подобает при таком высоком звании. Народ попал в беду. Я эту мысль давно при себе держу. Помочь ему надо, чтоб напечню оторвался от фашистов. Кто ж это сделает, кроме нас, советских людей?

* * *

Немецкую девочку отправили в санчасть полка. Видно, долго она голодала и поэтому ослабла. А Чаничев в тот день потерял покой. Вспомнилась семья, родная дочурка так и стояла перед глазами. Как же тяжело было ей жить в оккупации, среди врагов, которые безжалостны даже к своим детям!

Он решил написать письмо родным, удивляясь долгому затишью на передовой. Теперь уже можно было мечтать — скоро домой. Гитлеровцы, даже если будут сопротивляться так, как сейчас, больше месяца не продержатся. А там...

Прежде всего Якову хотелось насладиться тишиной. Приехать домой, пойти с дочуркой к морю и уплыть далеко-далеко. В простой весельной лодке, чтоб никаких моторов, никакого шума. Только плеск воды да крики чаек. А может, лучше забраться куда-нибудь в горы или в лесную глушь...

Чаничев размечтался. И словно уловив его настроение, из развалин дома, где располагались пулеметчики, как звон весеннего дождя, донеслись звуки баяна:

Славное море, священный Байкал...

«На Байкал! Вот куда увезу я семью отдыхать!» — подумал Чапичев. Вспомнились любимые места, счастливые часы, проведенные на этом удивительном озере.

Рука потянулась к планшету. Достал блокнот. С трудом отыскал страничку, где можно было еще на полях мелким почерком написать несколько строк.

Рождались новые стихи. А может быть, победная песня? Был уже ритм. Были образы. Не было только начала.

Поставил в углу дату: «3 марта 1945 года». Написал строчку и тут же зачеркнул. Начал по-другому:

Я, как прежде, родная, в строю,
Принимаю грохочущий бой,
За страну, за Отчизну свою
И за новую встречу с тобой...

Потом написал еще одну строфу:

Ни о чем я тебя не молю,
Знаю верность твою и любовь.
И сильнее тебя я люблю,
Уходи в наступление вновь...

Опять перечеркнул — не совсем удачные строки получились.

Слева ударили немецкие пулеметы. Завыла и рядом, за стеной дома, взорвалась мина. С грохотом разорвался снаряд. Гитлеровцы пачали очередную атаку — новую попытку вырваться из окружения.

Спрятав блокнот, Чапичев перебежал к притаившимся за обломками стены бойцам. «Надо ближе к людям быть, — подумал он. — На войне одинокого пуля находит и под землей».

Камешный дом, из которого стреляли фашисты, был похож на крепость. Окна забаррикадованы мешками с песком, оставлены только бойницы. Подступиться немисливо. Его нужно или разбомбить, или взорвать. Весь, целиком! Но ни того, ни другого сделать нельзя. И зарядов таких нет, да и свои бойцы, полукольцом охватившие здание, страдают.

— Ну, а что если прорваться в этот дом и взять его изнутри? — обратился Чапичев к сидевшим вокруг него солдатам.

— А как туда прорваться, товарищ майор? — засомневался Шерстляков.

— Этого пока и сам не знаю, — ответил Чапичев, — но прорваться надо. Пойдешь со мной?

— Так если вы не боитесь, товарищ майор, то я и подавно,— заправляя под ремень пропотевшую гимнастерку, ответил тот.

— Начнем так,— уже быстро, скороговоркой пояснил Чапичев.— Бросим перед домом несколько гранат и, пока дым рассеивается, подбежим вон к тому парадному. А вы здесь не зевайте,— обратился он к бойцам.— Как в окне, возле двери, пулемет накроем, вы сразу же вперед, за нами!

И, не оставляя времени на раздумья, Чапичев метнул одну за другой две гранаты. Вслед за взрывом он вместе с Шерстняковым подбежал к дому. Бросили по гранате в комнату, откуда стреляли пулеметчики. Вслед за взрывом через окно ворвались в дом. Им некогда было оглядываться. Но Чапичев и так знал: бойцы взвода следом за ними уже прыгают в окна первого этажа. Ему же надо скорее, пока враг не опомнился, захватить хотя бы одну комнату на втором этаже. Именно оттуда велся наиболее губительный огонь.

Чапичев так ударил в дверь ногой, что, не удержавшись, вместе с выскочившими досками, вылетел в комнату. Упал. Это выручило его. Автоматная очередь прошла мимо. А в следующий момент он вместе с Шерстняковым уже стрелял вслед удиравшим гитлеровцам.

Они слишком увлеклись погоней. Распахнулась дверь соседней комнаты, и Чапичев не успел повернуться навстречу опасности. Вражеская пуля пасмерть сразила его...

Читатель уже знает, что помешало мне увидаться с Яковом Чапичевым под Бреславлем. Но я встретился с ним чуть позже. Вернее, не с ним, а с его бессмертным подвигом.

Передо мною потемневший от времени наградной лист на Якова Чапичева. Вспоминая прошлое, медленно перечитываю штабную прозу. Волнуют и берут за сердце скупые строки о моем друге:

«В боях с помещиками захватчиками показал героизм и служил примером для всего личного состава полка. Тов. Чапичев неоднократно водил бойцов в атаку и побеждал.

Тяжелый бой разгорелся за железнодорожную станцию Гольшмилеп. Противник превосходящими силами стал теснить наши подразделения. Когда появился в передовых рядах тов. Чапичев, у бойцов поднялся дух и настроение. Тов. Чапичев увидел, как в сорока метрах встал немецкий офицер и кричал на солдат, увлекаая их вперед. На десяток бойцов 4-й стрелковой роты двинулось до ста немцев. Тов. Чапичев с призывом «За Родину, вперед!» подпаял своих бойцов в атаку... В этом бою он был ранен, но не покинул поле сражения».

Читаю дальше: «...Шел уличный бой за Шмидельфельд. Снова тов. Чапичев увлек бойцов в атаку...»

Конечно, по-другому он и не мог действовать. Еще накануне войны Яков писал:

Как море рокошет в минуту прибой,
Как песня в победном бою,
Быть честным и храбрым советским героем
Я Родине клятву даю!

Именно эти простые строки хотелось бы высечь на его памятнике. Автор оправдал их всей своей жизнью — суровой, страстной, огневой. Жизнью, которая от начала и до конца была подвигом. Она останется в народе прекрасной, недопетой песней.

«Девятого марта 1945 года шел бой за завод в городе Бреслау. Тов. Чапичев с одним бойцом вырвался вперед и, уничтожив восемь фашистов, загнал немцев на исходные позиции. Он лично захватил двух солдат в плен... С разведчиком быстро под огнем противника бросился к

дому. Они забросали гранатами сидящих у огневой точки гитлеровцев и освободили угол дома...

За храбрость и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками, достоин награждения правительственной наградой — присвоения звания Героя Советского Союза»..

Это звание было ему присвоено посмертно.

В письме, посланном в адрес Крымского отделения Союза писателей, начальник политотдела дивизии гвардии майор Лебедев сообщал в те дни:

«...Вражеская пуля оборвала жизнь пламенного большевика агитатора Якова Чапичева.

Бойцы, сержанты и офицеры, страстно любившие своего агитатора, со слезами на глазах поклялись жестоко отомстить немецко-фашистским захватчикам. И свою клятву они сдержали — много фашистских гадов было убито, ранено и пленено.

И сейчас, когда мы завершаем уничтожение окруженной вражеской группировки, на устах у всех бойцов и командиров светлое имя большевика Якова Чапичева.

Недалек тот день, когда салюты Москвы возвестят о нашей полной победе. Распластанная фашистская Германия будет лежать у ног воинов-победителей: мы никогда не забудем тех, кто отдал жизнь за счастье и независимость нашей Родины...

Пусть правда о большевике Чапичеве, о его героизме дойдет до нашей Родины».

С тех пор как отгремела война, минуло много лет. Людям моего поколения уже не двадцать и даже не сорок...

Но всякий раз при встрече с фронтовыми товарищами — в обычный будничный день или в праздничный вечер, расцвеченный огнями салюта, — мы с гордостью и грустью вспоминаем тех, кто отдал свою жизнь за спасение Родины. Николай Потанов, Яков Чапичев, Николай Ксенофонов — настоящие солдаты, у каждого из них суровая судьба. За свою короткую жизнь они успели сделать многое. Такие люди не подвластны смерти.

Ради
нескольких
строчек

Шел тысяча девятсот сорок третий год. Третий год войны. Одержав блистательную победу на Курской дуге, дивизии Советской Армии неудержимо продвигались к Днепру, освобождали города и села Украины.

Темной сентябрьской ночью в лужах звонко пляшут капли дождя. По обе стороны дороги шумят на ветру стройные гибкие тополя. Обочина дороги угадывается с трудом, а деревьев совсем по видно. Только слышно, как шумит справа и слева образованная ими темная стена. Лязг гусениц танков, сердитое урчание тягачей, выволакивающих из грязи тяжелые пушки, выдавало скопление больших масс войск. То и дело можно было услышать:

— Левее, левее бери! Куда тебя черт занес?!

Ветер, полетая, свистел в кронах деревьев, заряды дождя хлестали взмокшую дорогу, и, казалось, силы природы потому так разбушевались, что хотят скрыть, заглушить рокот моторов и лязг гусениц, звуки комапд и стук металла о металл и тем самым дать возможность войскам скрытно сосредоточиться для нового броска вперед, за Днепр, на Киев!

По-разному относились люди к осеннему буйству природы. Водители кляли непогоду. Командиры ей радовались. Не все, конечно, а те, которые в этот момент двигались к новому месту сосредоточения, занимали новые позиции. Для них важно, чтобы враг не узнал ни того, что они движутся, ни того, куда движутся. Им, понятно, тоже было неприятно: дождь, сырость, слякоть. Но они терпели все неудобства ради общего дела и успеха наступления.

Из полка, наступавшего на левом крыле Воронежского фронта, я возвращался настолько усталым, что думал, не дотяну до землянки, в которой жил вместе с друзьями-корреспондентами. Но только переступил порог и сбросил с плеч офицерскую сумку, вызвали к редактору. Хватаю блокпот и бегу в старенькую, словно присевшую, украинскую хату. Усталости как не бывало: вызывает редактор, видно, что-то важное. Может, не понравился переданный из полка материал — ведь все писалось на колене, в походе или под бомбежкой... Последний очерк, как блин с горячей сковородки, был выхвачен из самого пекла боя. Строчка за строчкой вспоминаю самое важное...

На огневые позиции батареи я прибыл в тот момент, когда она готовилась к открытию огня.

— Ждем сигнала от корректировщика, — сказал командир первого взвода.

— А кого послали?

— Сержанта Тимошкина.

Тимошкина я знал, встречался с ним совсем недавно.

— Надежный парень.

— Куда там... Себя не пожалеет.

Тем временем сержант Тимошкин дал знать о себе. Сержант сообщил, что ему удалось выдвинуться далеко вперед и занять удобную позицию: с высоты отлично просматривалось расположение противника. Было видно, как двигались автомашины с боеприпасами, тягачи тащили орудия, тесно сгрудившись, сидели в грузовиках гитлеровцы, перебрасываемые на этот участок. Судя по тому, как поспешно накапливалась живая сила и военная техника в небольшом лесу, стремительно неслись мотоциклисты и штабные машины, сержант заключил, что гитлеровцы готовятся к атаке на наши еще не укрепленные, только вчера занятые позиции.

От Тимошкина теперь зависело многое. Его наблюдательный пункт стал зорким глазом наших батарей. Сержант сейчас один на один с противником: он взвешивал каждое слово, прежде чем доложить командиру о результатах наблюдений.

...Пока пушки молчат, припоминаю первую встречу с Тимошкиным. Уставший, промокший до костей, ввалился я в землянку к артиллеристам. Они накормили меня, предложили отдохнуть. Сержант Тимошкин уступил свое место.

— А как же вы? — забеспокоился я.

— Ничего. Мне сегодня дежурить всю ночь.

Я прилег. Задремал. Проснулся от громкого смеха. Стал прислушиваться к разговору.

— Вот вы говорите — родословная, — различаю голос сержанта Тимошкина. — Мол, это только для дворян да бояр. А у нас в доме, скажу я вам, вся стена фотографиями увешана. От угла до угла. До поры до времени я, понятно, не обращал на них внимания. А потом стал интерес проявлять. Отец мне все растолковал. В центре нашего семейного икопостаса солдат с бородкой, в шинели и с виптовкой, длиннущей, какие лет сто назад носили. Пра-

прадед мой. С него наша родословная начинается. В Крымской кампании участвовал. Севастополь оборонял. И из этой своей винтовки скорострельностью один выстрел в минуту бил врага без промаха. Сам Нахимов его заметил и отличил за сноровку. Вы о традициях говорите. Вот они, традиции-то, и есть.

Солдаты зашумели, заговорили паперебой:

— Что ж, возможно. Никто не сомневается.

Сержант взял с пола железяку, служившую кочергой, разровнял угли, подбросил в печурку еще несколько поленьев.

— Не томи, сержант,— обратился к нему один из бойцов.— Не может быть, чтоб на том нахимовском солдате и кончилась ваша военная липня. Иначе ты б этого разговора не заводил. Рассказывай дальше.

— Можно и дальше,— с достоинством ответил Тимошкин.— Прадед мой восстал против турок за свободу Болгарии. С бою брал Шипку. Был ранен. Всю жизнь потом гордился, что выручил своих братьев-славяп.

— Болгары молодцы оказались,— зашумели опять артиллеристы.— Кукиш с маслом Гитлеру показали: ни одного солдата не дали.

— С этой стороны у нашего сержанта в родословной все в ажуре. Послушаем, что у него еще осталось.

— Что осталось? — переспросил Тимошкин.— Остался дед. Его судьба забросила в Порт-Артур. Там получил он за храбрость Георгиевский крест. Отец у меня с осени четырнадцатого года на войну ушел. Участвовал в Брусиловском прорыве. Это уже шестнадцатый год. А тут революция. Он всем сердцем с большевиками сросся. И с винтовкой не расстался. Прошел всю гражданскую. Гнал германских оккупантов с Украины. Потом в Первой Конной служил.

Сержант открыл дверцу печурки. Огонь осветил сосредоточенные лица бойцов.

— Родословная у тебя ничего,— заговорил боец, что любопытствовал про деда.— Только скажу напрямик: плохо твой отец вразумил германцев, коль они опять на нашу землю полезли и тебе приходится снова их тем же путем гнать.

— Это ж зависело не только от учителя, но и от учеников,— отшутился сержант.

— А я так скажу,— вступил в разговор молчавший до

того боец.— Из всех твоих родных оди́н отец правильно поступил, когда винтовку против буржуев повернул. Остальные, что ж: за царя дрались.

— Может, оно и так,— задумчиво сказал сержант.— Только мужики наши не дюже в грамоте разбирались. Но знали, что землю родную и братьев своих кровных врагу на поругание отдавать нельзя...

Глаза мои слипались от усталости. Я опять задремал. А утром, проснувшись, не пошел в землянке Тимошкина. Он уже сидел где-то в боевом охранении и корректировал огонь артиллеристов.

Теперь, когда батарея снова ждала команды на открытие огня,— а поступить она могла лишь после того, как сержант Тимошкин передаст координаты противника,— я думал о том, что не случайно завели тогда в землянке бойцы разговор о родословных. Они не хотели уронить чести своих отцов. В героическом прошлом Родины они черпали вдохновение. Когда Родина его стала первой в мире страдой социализма, разве мог Тимошкин восвать хуже, чем его прадед, дед и отец? Нет, не мог!

Я не видел Тимошкина в тот момент, когда он весь был сосредоточен на выполнении боевой задачи. Но представлял его себе совершенно реально. Насупленный взгляд карих глаз. Сведенные к переносице густые брови. Целей было слишком много, и он выбирал главные. Батарея открыла огонь. Сначала стреляло одно орудие. Недолет. Перелет. И вот уже долгожданная команда:

— Батарея! Картечью, взрыватель... Прицел...

Снаряды ложились кучно. Батарея накрыла колонну автомашин противника, и сержант Тимошкин с радостью передал результаты стрельбы. Теперь он нацелил артиллеристов на мост через небольшую реку, по которому гитлеровцы перебрасывали подкрепления. Вот один за другим два снаряда врезались в его середину. Еще и еще! Переплеты моста рухнули, увлекая за собой автомашину с солдатами. И вновь поворачиваются жерла орудий. Теперь артиллеристы бьют по лесу, где укрылись машины с пехотой, вражеские танки и самоходные пушки. Наша батарея тоже засечена противником. Снаряды рвутся на огневых позициях. Однако артиллеристы не сбавляют темпа огня. Гитлеровцы пошли в атаку. Они устремились к высоте, на которой замаскировался сержант Ти-

мошкин. Командир дивизиона взволнован. Он то и дело справляется у сержанта:

— Как там? В случае опасности — отходи.

Но разве может Тимошкин думать о перемене позиции в такой напряженный момент. Пока переползашь на другое место, налаживаешь связь, противник успеет сосредоточиться и нанести удар. Нет, нет! У него все в порядке. И он продолжал передавать данные.

— ...Левее полз двадцать — скопление пехоты противника.

Теперь огонь ведут уже несколько батарей. Сорвать вражескую атаку! Смять, разбросать врага! И тут новая цель. Артиллеристы недоуменно переглянулись. Разве Тимошкин сменил позицию? Судя по его данным, пужно бить близко к тому месту, где находился он сам...

Но голос сержанта звучит твердо:

— Все правильно! Прибавьте огня!

В лощине, ведущей к высоте, становится тесно от вражеской техники, от скопления пехоты противника. Густые цепи вражеских солдат движутся уже по склонам высоты, танки обходят ее справа и слева. Тимошкин оглядывается. Можно еще выскользнуть, скатиться с высоты, пробраться к своим. Но вдруг фашисты изменяют направление атаки. И потом: никто, кроме него, Тимошкина, не видит сейчас так хорошо противника. Если он уйдет, батареи потеряют глаза. Нет, он должен, он обязан сделать все от него зависящее, чтобы сорвать атаку противника. И сержант продолжал кричать в телефонную трубку:

— ...Правее полз восемь! Скопление пехоты противника!

Наши артиллеристы били наверняка. Но гитлеровцы продолжали осатапело лезть вперед. Словно почувствовав, что взять высоту — значит спастись, они уже карабкаются на ее вершину... Частые разрывы снарядов сдерживали врагов, сбрасывали их. Фашисты снова устремлялись к вершине. Их много. Они все ближе, ближе... И тогда с высоты по проводам до командира дивизиона долетел взволнованный голос сержанта Тимошкина:

— Фашисты на высоте. Огонь на меня! Больше огня!

Прогредел залп, другой, и голос Тимошкина умолк. Навсегда...

Артиллеристы, находившиеся на наблюдательном пункте командира дивизиона и державшие связь с бес-

страшным корректировщиком, сняв каски, ~~молча~~ ~~смотрели~~ на окутанную дымом высоту. Батареи усиливали темп огня...

Прямо с порога докладываю уткнувшемуся в бумаги редактору: привез такие-то материалы, собираюсь написать в первую очередь то-то и то-то...

— Об этом потом, — полковник наконец поднял голову, доброжелательно глянул на меня усталыми от бессонницы глазами: — Есть не менее важное дело... — Он молча осмотрел меня с головы до ног, твердо сказал: — Отправляйтесь в Третью танковую армию генерала Рыбалко. Его подразделения вырвались далеко вперед, в районе Переяслава достигли берегов Днепра и вот-вот начнут переправу. Их задача — с ходу захватить плацдарм на правом берегу, а затем удерживать его до подхода основных сил...

— Форсировать Днепр? — не удержался я от радостного восклицания.

— А что? — постукивая карандашом по столу, переспросил редактор.

— Отлично! Тем более что германские стратеги считают Днепр неприступным рубежом. Только об одном беспокоюсь: готовы ли мы к тому, чтобы перескочить его с ходу?

— Как ты думаешь, что бы сказал на это твой сержант Тимошкин? — прищурившись, спросил редактор.

Мне приятно было, что полковник заговорил о герое моего очерка. Я ответил, что Тимошкин был человеком особого склада.

— Таких больше разве не осталось? — вполне серьезно спросил редактор и, добро улыбнувшись, сказал: — Газета должна оперативно рассказать о людях, которые первыми форсируют Днепр. — Тут полковник подошел ко мне, положил руку на плечо, тепло спросил: — Устал?

Я кивнул утвердительно, однако на вопрос, готов ли ехать, ответил, как солдат, получивший боевой приказ:

— Готов, товарищ полковник!

— Посидите, — редактор показал на широкую скамью, протянувшуюся вдоль стены, почти от порога до переднего угла. — Сейчас придет машина.

Я присел и задумался о магической силе приказа. Пол-
часа назад буквально спал на ходу. А теперь сон будто
рукой спяло, и я почувствовал себя снова способным
трястись по ухабам в машине, идти по слякотной дороге
под холодным дождем, с трудом выволакивая из липкой
грязи отяжелевшие сапоги, ползти под огнем противника,
чтобы встретиться в траншее с бойцами, только что вы-
бившими с позиций противника. Достал блокнот, маши-
нально листаю его. Ведь в нем есть записи и о бойцах, ко-
торые рвутся сейчас к Днепру. Нахожу стихи Александ-
ра Твардовского, очень созвучные моему настроению.

Есть закоп — служить до срока,
Служба — труд, солдат — не гость.
Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил, как гвоздь.
Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед! — Вперед.
Есть приказ: уми!.. — Умрет.
На войне ни дня, ни часа
Не живет он без приказа...

Я переписал стихи в блокнот по укоренившейся жур-
налистской привычке собирать все значительное. Они
могли пригодиться при подготовке статьи, для подтверж-
дения авторских размышлений о силе приказа, а может
быть, просто для того, чтобы прочитать их бойцам в око-
пе. Ведь когда они понадобятся, их не сразу сыщешь.

Посмотрел в сторону редактора: склонившись над сто-
лом, он читал газетные полосы. Полковник Семен Иоси-
фович Жуков у нас недавно. Что я знал о Жукове? Очень
мало. Только то, что Семен Иосифович прибыл к нам с
поста редактора газеты «Сын Отечества» 51-й армии Юж-
ного фронта. В войну вступил с самого ее начала: был на
Юго-Западном и Сталинградском фронтах. С 1926 года
состоял в рядах Коммунистической партии. Долгое вре-
мя работал на ответственных должностях. Окончил Ака-
демию коммунистического воспитания имени Н. К. Круп-
ской. В 1932 году начал свою службу в рядах Советской
Армии. Опытный газетный работник, еще до войны был
начальником отдела пропаганды окружной газеты...

Вот те скупые биографические данные, которые я
успел получить у сотрудников газеты о нем. Сейчас не-
волью наблюдаю за его работой, за тем, как спокойно и
внимательно выслушивал он входивших к нему подчинен-

ных — военных и гражданских, как петоропливо, по-деловому принимал решения, а потом снова возвращался к материалам, просматривал гранки, подписывал полосы... Мне правилось в нем все: чистый, не по-фронтальному отглаженный военный костюм; круглая, бритая голова; молодявое с красивыми чертами лицо. Он был подтянут и строен. Я по-доброму позавидовал ему...

А за окном по-прежнему лил дождь в сырой, знобящей сентябрьской почве. Прочь отгоняю грустные мысли, связанные с непогодой. Все это мелочи. Завтра дождь перестанет, засветит солнце, все вокруг оживет — ведь только-только закончилось бабье лето. Здесь, на Украине, будут теплые дни. Я знаю, солнце еще придет. В этих краях бывал до войны, здесь проходила моя армейская служба.

Как всегда, когда ждешь чего-то значительного, необычного, мысли стремительно переключаются с одного на другое. Останавливаюсь на том, что еще свежо в памяти, что надолго, навсегда останется в моем сознании. Думаю о горячих днях минувшего лета, заново переживая бои на Курской дуге, а потом — выходом к Днепру. Эти дни изрядно выбелили солдатские гимнастерки, пропитали их потом и солью. Сколько ж нами пройдено за третье военное лето! Позади остались сотни городов и деревень, освобожденных от гитлеровцев. Позади — огненные, густо усеянные разбитой вражеской техникой поля Курской дуги; знаменитая Прохоровка, Белгород, Яковлево и сотни других населенных пунктов, где еще вчера неумолчно гремели ожесточенные бои. Здесь врага остановили и повернули вспять. В скитаниях по фронту я приобрел тогда много друзей, но многих и потерял. А с теми, кто выжил, кто прошел сквозь смерч огня, и сейчас встречаемся как побратимы. Но те, с кем сводили меня журналистские пути-дороги, не умели хвастать. О прошедших сражениях они говорили скупо, как о чем-то далеком. Может быть, просто потому, что у них не было времени для воспоминаний. Их думы, мысли и сердца целиком поглощены новой грандиозной задачей — быстрее выйти к Днепру, форсировать его и освободить от врага многострадальный Киев, родную Советскую Украину.

Послышался шум мотора. Заскрипели тормоза автомобиля. В редакторскую хату вошел пачальник Политического управления фронта генерал-майор Сергей Савельев.

вич Шатилов, молодой смуглолицый мужчина, очень подвижный, решительный. Мне не раз приходилось видеть его в боях, получать от него задания, и я всегда относился к нему, как, впрочем, и все другие, с чувством большого уважения. Примерно год назад он подписал мое фронтовое корреспондентское удостоверение. И теперь, как я понял, судьба снова свела меня с этим незаурядным человеком; он уезжал в войска, которым предстояло форсировать Днепр.

Генерал Шатилов энергично поздоровался и, не дожидаясь рапорта, спокойным, мягким голосом спросил:

— Кто едет?

Редактор назвал мою фамилию.

Сергей Савельевич быстро повернулся, протянул руку и, широко улыбаясь, добродушно проговорил:

— Мы, кажется, знакомы!

И тут же задал несколько вопросов: хорошо ли себя чувствую, знаю ли задачу, имею ли нужную карту, приходилось ли раньше переправляться через широкие и быстроводные реки, как думаю доставлять материал в редакцию?..

Мои ответы остались довольны.

— Что же, пятнадцать минут на сборы хватит? А мы пока потолкуем с редактором.

Через пятнадцать минут «виллис» мчал нас, разрезая ночную темь, по размытой дождем дороге, через рытвины и ухабы, на запад, к Днепру.

«МЫ ПРИШЛИ...»

По неубранным, изрытым траншеями и окопами полям Украины спешили на запад танковые колонны, за которыми неотступно тянулись клубы густого дыма и пыли, насыщенных парами бензина и масел. И стоило нашему водителю только чуть «сбавить газ» или приостановиться, отчетливо слышалось, как ревели моторы и глухо стучали стальные траки мощных «тридцатьчетверок» и «КВ». На башнях машин, облепленных десанниками, белели надписи: «За радянську Україну!», «Нас кличе Київ!», «Даєшь Дніпро!», «Смерть фашизму!».

Вслед за танками и самоходными орудиями, а часто впереди их, двигались связисты, артиллеристы, саперы-мо-

стовики, поптонеры, гвардейцы-минометчики, матушка-пехота. Солдаты на танках, на лафетах пушек, броневиках и автомашинах, на конях, а чаще всего в пешем строю неудержимой лавиной двигались в одном направлении — к Днепру.

Люди шли в серых шинелях с зелеными полевыми погонами на плечах, каких на Украине еще не видели. Шли солдаты, перенесшие горе и разлуку с родными, выдавшие пожарища и смерть.

Уходили последние дни сентября. Во всем чувствовалось властное дыхание осени, виделись ее неповторимые черты, приметы, рисунки. Яркими красками пылали леса, сады и парки. Как всегда, нарядно оделись клены. Листья на них широкие, с причудливыми разрезами. Их стволы издали казались покрытыми красными крупными цветами, жарко горящими на солнце. Даже холодные осины излучали теплый красноватый цвет. Желтые пряди появились на березах. Медью отдавали листья липы и вяза.

Прошедшие дожди смыли с деревьев пыль, и теперь они стояли освеженные, помолодевшие и веселые. По утрам на траве все чаще появлялся иней — недаром на Украине сентябрь называют «вересень» (месяц первого инея). День-летопроводец вел природу к яркому увяданию. Наступал вечер года. Глядя из машины на богатые краски осени, я невольно припомнил пушкинские строки: «Люблю я пышное природы увяданье». И тут же рядом, как солдаты, вставали огненные слова:

...Страшись, о рать иноплемных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены...

В желто-бурый ковер оделись поля. Обычно в это время крестьяне подводили итог сельскохозяйственного года, справляли «дни урожая», играли свадьбы. Еще бы: позади оставалась страдная пора. Хлеба в закромах, сено в скирдах, овощи в погребах. Можно передохнуть, распрямиться... Но эта осень была военной, безрадостной. Всюду дымились сожженные дома, пылали нескошенные хлеба, поля заросли бурьяном.

Глядя сейчас на поля Украины, вспоминал родные воронежские просторы.

...Быстро меняются краски родного края. Кажется, еще недавно преобладал зеленый цвет озимей, но вот уже по-

желтели хлеба, затем глаза все чаще и чаще останавливаются на темно-серых и черных тонах свежеспаханной земли.

Последний летний и первый осенний месяцы и на моей родине особенно напряженные для земледельцев, и для тех, кто уже управился с зерновыми (пошли овощи, созревает подсолнечник, вот-вот дело дойдет и до сахарной свеклы), и для тех, кто еще только скошил первые гектары хлебов.

Одновременно с уборкой хлебов в эти последние осенние дни главная забота земледельца о будущем урожае. С какой радостью бывало следили мы, как все дальше на юг продвигался фронт сена. Уже посеяны первые сотни гектаров ржи и пшеницы. Предпочтение отдавалось тем сортам, которые хорошо себя зарекомендовали.

Обычно осень торопит земледельца, и он старается управиться со всеми заботами в срок. Но сейчас нарушен ритм жизни. Отступая, враг уничтожал на своем пути все живое, превращал некогда цветущие селения в «мертвую зону». Взрослое население угонял на запад. Стариков и детей расстреливал. Вот почему наши воины спешили: наступали днем и ночью, шли с тяжелыми боями, без сна и отдыха...

Кажется, я задремал и не заметил, когда мы въехали в зону «выжженной земли». Во многих селах от хат остались одни дымари, а на месте садов чернели обгорелые пни. Руины и пепел звали к отмицению. И этот зов преследовал каждого проходящего и проезжающего в зоне «выжженной земли».

Генерал Шатилов сидел мрачный и злой. Таким я его видел впервые.

— Смотри и запоминай, корреспондент! — повернулся он ко мне. — И записывай, записывай! Об этом надо рассказать всем! Фашисты идут на любые преступления, лишь бы остановить наступающие войска. Что им страдания наших людей, наши города и села!

Он рассказал, что в зоне двадцати — тридцати километров перед Днепром гитлеровцы разрушили, уничтожили или вывезли в Германию все, что, по их мнению, могло помочь нашим войскам в победоносном наступлении.

Словно вымерло все вокруг. Сколько мы ни ехали, не встретили ни одной живой души: все население фашисты или уничтожили — или угнали в Германию.

В одном месте, где дорога близко подходила к Днепру, нас обстреляли из миномета с высокого правого берега. Место это, видно, было заранее пристреляно, потому что мины ложились точно на дороге, и только ловкость водителя отвела от нас беду.

На командном пункте 3-й гвардейской танковой армии, который находился в лесу юго-западнее Переяслава, я пересел в броневик и вместе с офицером-направленным добрался до штаба 51-й бригады. Ее командир, черноволосый, строгий с виду украинец полковник Новохатько порекомендовал мне действовать с ротой автоматчиков гвардии лейтенанта Сипашкина. В ее расположение мы со связным пробирались лесом. Кругом стояла настороженная тишина. Воздух был чист и свеж.

...Осенний лес! Впервые, пожалуй, за фронтовые годы я так внимательно всматривался в его неповторимый наряд, в игру его красок. Если весенний лес просто был зеленым, так сказать, однотонным, то осенний — буквально пылал всеми цветами радуги. Каждое дерево было одето в свой, ему одному свойственный наряд, имело свой цвет, свои «привычки». С вершин, причудливо кружась, падали пожелтевшие листья. А когда падал ветер, он отпосыл их на опустевшие, лишь кое-где вспаханные поля.

Как сельский житель, я всегда был равнодушен к лесу и природе вообще. Но в этот вечер мои думы были целиком во власти осеннего леса. Я даже на какое-то время забыл о том главном, ради чего с таким трудом добирался в эти доселе незнакомые мне, а отныне родные места, которые мы освобождали от врага. Шел, вдыхая лесные запахи: то пряный — рябиновый, то сладковатый — березовый, то горьковатый — осиновый, то дурманящий — сосновый... Сколько деревьев — столько и запахов. До чего же богата кладовая природы, как щедро оделяет она человека своими дарами: здоровьем и радостью!

В роту мы прибыли поздним вечером. Бойцы укрепляли отведенный им участок недалеко от берега. Они были радостно взволнованы, горячо обнимали друг друга. Закончив работу, бежали к Днепру, черпали касками и пили днепровскую воду. То тут, то там слышались оживленные голоса:

— Здравствуй, Днепр!

— Мы пришли, родной!

Как замороженный, вместе с гвардейцами стою я на его

берегу и долго смотрю на помутневшие воды, на таинственный правый берег... И сами собой рождаются высокие слова, которые заносу в блокнот: «Великий Днепр! Мы дадим тебе свободу. Холодные осенние воды твои глухо плещутся вдали, у подножья высоких берегов, на которых завтра развернется жестокое сражение. Но уже сегодня в сердца солдатские, в их сознание пошел ты навсегда, на всю жизнь, навеки...

Могучий Днепр! Что сказать тебе? Что думает советский солдат в этот час, стоя на твоём священном берегу?

Много лет величаво течешь ты, определяя судьбы целых народов — русских, украинцев, белорусов, оставаясь в летописи поколений, освещая своей мощью прошлое и настоящее Родины нашей...

Ты дал жизнь этому краю, краю высокоразвитой индустрии, богатейших сельскохозяйственных районов. Ты стал для него глубоководной транспортной артерией. Твое приречье — родина многих замечательных людей, которыми гордится наша страна.

Славный Днепр! Многим, кто находится сейчас на твоём левом берегу, ты помнишься ещё довоенным — мирным, тихим и безмятежным. Не таким, как сегодня, тревожным и гневным».

Когда мы вернулись в окопы, наспех отрытые ротой, многие бойцы уже заканчивали ужин. Собирались кучками, обменивались короткими репликами:

— Велика речешка! Трудновато будет.

— Родная вода сама на тот берег вынесет.

Молодой боец отложил в сторону автомат, принял из рук товарищей потрепанную, выдавшую виды гармошку. Развернул мехи. Полилась знакомая мелодия. Солдаты дружно подхватили «Песню о Днепре»:

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы, и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли...
Из твоих стремнин враг воду пьет,
Захлебнется оп той водой!
Славный час настал — мы идём вперед
И увидимся вновь с тобой.
Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмёт!
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

Сквозь темные густые облака, проплывавшие над рекой, время от времени проглядывала беспокойная луна, всякий раз освещая одухотворенные лица солдат.

Здесь, в районе Переяслава, Днепр круто поворачивал на восток, образуя своего рода петлю. Ширина его доходила до шестисот и более метров. Левый берег был пологим, песчаным, местами покрытый кустарником и травостоем. Правый же — крутой и обрывистый. Там, на противоположном берегу, засел враг. Хорошо вооруженный, богато оснащенный техникой, он глубоко зарылся в землю, установил проволочные заграждения и минные поля. Господствуя над нашими позициями, противник затруднял передвижение и подходы советских войск к реке. Видя нас на многие километры как на ладони, гитлеровские минометные и артиллерийские батареи довольно метко обстреливали все вокруг. Поэтому каждый понимал, что надо как можно скорее выбить фашистов с правого берега.

Сырой ветер тревожно гудел в пожелтевшей листве. Холодные волны с шумом ударились о берег. Могучий Днепр, словно живой, стонал от непомерной тяжести перенесенного людьми горя и страданий.

А западный берег угрожающе молчал. Он был загадочен и таинствен.

Командир роты гвардии лейтенант Николай Синашкин, молодой, совсем еще юноша, с чуть пробившимися светлыми усиками, вместе с бойцами, присев на корточки, подпевал. Лицо одухотворенное, торжественное. Песня, видать, ему очень по душе и нравится, как поют ее бойцы.

Но вот растаяли в темпоте мелодичные звуки гармоники, замерла на песчаном берегу Днепра песня. Наступила необычная для переднего края тишина.

Первым по праву командира заговорил лейтенант:

— Что ж, братцы, давайте отдыхать. Кто как устроится. Не прекращать наблюдения за противником. Может статься, это наша последняя ночь на левом берегу. Не мы решаем. В штабах думают. Но сдается мне, что на картах нам уже наметили участок на том, правом, берегу. Надо вздремнуть. Другой возможности поспать не будет.

Тихо переговариваясь, все еще боясь спугнуть то особое настроение, которое создала песня, солдаты устраивались на отдых, кто как мог. Один прислонившись к стенке окопа, поставив между колен автомат, другой на песке в траншее, третий в наскоро вырытой нише. А мно-

гие прямо наверху, за небольшими кустиками, в едва приметных углублениях, овражках.

Я подошел к группе бойцов, укрывшихся в ячейках за невысоким, случайно спасшимся от огня лозняком. Присел. Пожилой боец с черными, свисавшими тяжелой подковой усами подвинулся, освобождая мне место.

— По радио наше направление объявили, — услышал я. — По командирской радиции передавали. Так и сказали: «Киевское направление...»

— Хорошая примета, — отозвался его сосед. — Я так думаю, Семепов, скоро придется бежать фашистам из Киева.

— Не кажи гоп, Василий, пока не перескочишь! — строго, но беззлобно остановил его пожилой боец и, подкрутив черные усы, с лукавинкой, исподлобья посмотрел на сидящих вокруг солдат. — Все же Днепр — это тебе не Битюг, где я родился. Вот так-то... Я уже второй раз на этом направлении. Еще в сорок первом довелось... Конечно, тогда пам было памного тяжелей. Фашист нахрапом лез. А у нас — ни опыта, да и техники супротив его маловато было. Вся Украина под фашистом осталась. Мы ж видим, во что он ее превратил. Одни руины кругом. А сколько истребил и замучил людей? Русских, украинцев, белорусов... Тогда «Киевское направление» не очень весело звучало. Сердце сжималось от боли: вишь, куда хватанул. И не подавился. И вот слышим мы снова — «Киевское направление». Теперь эти слова душу радуют.

Тут я не мог удержаться: в кармане лежал текст той самой радиопередачи, которую, наверное, слышал и теперь пересказывал товарищам Иван Семенов. Воспользовавшись небольшой паузой, я достал изрядно помявшиеся листы бумаги и предложил гвардейцам послушать статью известного украинского писателя Юрия Смолича, которая так и называлась — «Киевское направление».

— Она передавалась по радио, а завтра будет напечатана в нашей фронтовой газете «За честь Родины», — пояснил я, — боюсь только, что нам ее не скоро доставят туда — на правый берег.

Солдатам, видно, понравилось, что я так уверенно сказал о завтрашнем дне, и они зашумели:

— Конечно, трудно!

— Да и не до газет будет!

— Прочтите, слушаем... О чем разговор!

— А можст, вы хотите, чтоб каждый для себя прочитал? Бывают такие любители. Чтоб с толком, с чувством, с расстановкой,— пошутил я.

— Времени у нас нет, чтоб каждому читать,— серьезно ответил гвардии рядовой Иван Семенов.— Для экономии времени и придумано, чтобы каждый взвод имел своего чтеца. А если мы по очереди каждый про себя начнем читать, до утра не управимся. Опять же, одному фонариком подсветить можно. На каждого разве насветишься.

— А куда наш чтец задевался? — спросил Василий.— Что-то сегодня не слышать.

— Рапило его, — отозвался Иван Семенов.

— Тогда разрешите мне. За чтеца, — сказал я.

— Давайте, — за всех ответил Семенов.

— Ну, что ж, слушайте. — Намеренно сделал ударение на названии статьи: — «Киевское направление»!

«Не будем сдерживать чувств, пусть наши сердца бьются полной радостью. Пусть волнующие предчувствия теснят нам грудь, — мы так ждем этой минуты, так страстно мечтали услышать именно эти благословенные слова!

Ведь «Киевское направление» — это не просто засеченные на географической карте координаты. Киевское направление — это устремленность чаяний и деятельности украинского народа, и не только сейчас, — после Белгорода и Орла, после Харькова, Донбасса, Нежина и Мариуполя, — в «Киевском направлении» подлинный смысл жизни каждого украинца, начиная с сентября 1941 года.

Освобожден Харьков? Отвоёван Донбасс? Свободны украинские берега Азовского моря? Это — Киевское направление.

В огне патриотической народной партизанской войны пылает украинская земля от Пинских болот до Черного моря. Это — Киевское направление.

Дважды Герой Советского Союза гвардии майор Молодчий летал бомбить Берлин и Кенигсберг. Это — Киевское направление.

И беззаветная храбрость юных героев Краснодона, бойцов комсомола Украины — это тоже Киевское направление.

Зимой сорок первого года в дикой казахской степи возводились гигантские цехи ушедших от врага украинских заводов. При тридцатиградусном морозе, при нестихающем восьмибалльном степном вихре стекольщики украинцы и казахи остекляли перекрытия цехов. Они спустились

на землю, оставив кожу своих ладоней примерзшей к железным рамам. Это тоже было Киевское направление.

Осенью сорок первого года тысячи эшелонов увозили с Украины на восток не только демонтированные украинские заводы, чтобы воздвигнуть их на Урале, в Сибири или Казахстане и питать оружием и боеприпасами освободительную Отечественную войну. Эшелоны увозили украинских врачей, колхозников, ученых, шахтеров, архитекторов, электросварщиков, артистов, учителей, адвокатов. Эшелоны шли на восток, но это был путь на запад. Это было тоже Киевское направление...

Великая партия Ленина, мудрое Советское правительство спасли от врага огромную часть богатств украинской земли, чтобы вернуть его Украине, когда ударит час, — в Киевском направлении...

Все это прочитал я на одном дыхании. Вижу, бойцы притихли и внимательно слушают.

— Продолжайте, продолжайте, товарищ капитан!

Не меньше, чем солдаты, я был взволнован прочитанным, хотя статья и была уже мне знакома. И вполне уместным оказался тот пафос, с которым я закончил чтение:

«...Седая старина Руси, трепетно оберегаемая поколениями украинского народа, взлелеянная и обогащенная 25-летними заботами народной Советской власти, попранная и оскверненная гитлеровскими мерзавцами, оживает и расцветает в новом взлете народной советской культуры на освобожденных украинских землях.

Мы движемся в Киевском направлении — это путь к долгожданной победе и к возвращению Украины».

Я замолчал, а бойцы так и сидели, не шелохнувшись. Они еще не пришли в себя от пережитого. Ведь статья касалась каждого из них. Она рассказала о пути, пройденном каждым. И не только каждым лично, но и их родными, знакомыми, всем нашим народом. А впереди — Киев, как определенный итог этого пути.

— Нет, что ни говорите, а на сердце радость, — заговорил молодой безусый украинец Петро Новохатько. — Мы так ждали этой минуты, так мечтали услышать эти слова! И вот теперь лежим под самым Киевом... Возьмем его обязательно! А там — и моя родная Житомирщина...

У каждого человека есть самый дорогой уголок на земле, его место рождения. От командира я уже знал, что одиэ из моих собеседников — москвич, другой родился в

Новосибирске, в семье геолога, и мечтает о времени, когда вместо винтовки и военной выкладки взвалит на свои плечи не менее тяжелый, но такой романтичный рюкзак вечного бродяги — искателя даров земли. Третий, с лицом джигита, Наверное, родом из высокогорного селенья. Рядом с ним — сероглазый паренек. Когда я читал, а он подсвечивал мне фонариком, заметил, что руки у него загорелые, мозолистые с потрёскавшимися ладонями. Оп, видно, жил в селе, может быть, даже недалеко от Києва. Вот сорвал какую-то травинку, поднял с земли горсть супесчанника. Не вспоминает ли он о бескрайних пивах, о тучных полях пшепицы?..

Каждый из нас волен думать о своем, затаенном. Но одна мысль и одна цель объединяла в ту ночь всех — от солдата до полководца. Люди, собранные войной у великой украинской реки, с болью всматривались в ее правый берег, где родная земля стонала под вражеским сапогом.

Наверное, каждому казалось сейчас, что переплыть Днепр — это еще не все, это полдела, а то и меньше того. Но как забраться на недоступную, темпо-рыжую, промытую дождями днепровскую кручу? Ведь противник будет поливать оттуда горячим свинцом. Поди возьми его, недоступного, там, паверху, откуда он всех видит. К тому же у него падежно подготовлены оборопительные позиции, пристрелены цели, расставлены наблюдатели, обеспечена связь, установлены соответствующие сигналы. Все заранее предусмотрено и организовано. А мы только с марша. У нас многого еще нет. И надо взять эту кручу, выкурить врага, как выкуривают из берлоги рассвиренного медведя.

На одежду солдат, на каски, на оружие тихо падали осенние листья — желтые, ярко-красные. И становилось теплее на душе, хотелось говорить о самом сокровенном. Поэтому для меня не было неожиданностью, когда я услышал голос своего соседа:

— Вы, товарищ корреспондент, вижу, бодрствуете. Бойтесь, Наверное, главное пропустить.

— Угадали, — улыбнулся я и спросил: — А ваша мирная профессия какая?

— До войны учительствовал, — ответил он. — Детшек учил русскому языку и литературе. Я часто читал им стихи, особенно много Лермонтова:

Люблю отчизну я, но страшною любовью!
Не победит ее рассудок мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтания...

Учитель умолк. И тут все услышали голос командира отделения:

— Продолжайте, Григорий Петрович.

Оказывается, бойцы слушали стихи!

— Читайте, читайте, — полстело с разных сторон.

Учитель чуть приподнялся и продолжал с еще большим вдохновением:

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

Милая Отчизна! Страна Пушкина и Толстого, Горького и Маяковского, Шевченко и Леси Украинки. Страна великого Ленина, страна Октября и многих героических свершений нашего народа! Нет на свете ближе, роднее и дороже тебя!

Родина! Ты дала нам все: жизнь, молодость, силу, красоту, солнечный свет, белую кипень цветущих садов и золотой разлив зреющих хлебов, радость творческого труда и счастье первой любви.

Мне хотелось еще послушать стихи, но профессиональное чутье взяло верх. Я не имел права отдыхать. Завтра эти солдаты пойдут в бой, будут форсировать Днепр. Скорее всего я их больше не увижу, а только услышу об их подвиге. А что смогу написать? Что знаю о них? Две-три фамилии и почти ничего об их интересах, склонностях, о пройденном боевом пути.

Более всего меня заинтересовал Иван Семенов, и я подсел к нему.

— Не спите?

— Тревожно.

— Что беспокоит?

— Я ведь волгарь, — как признание вымолвил Иван. — Родился в станице Ляпичево. Кому ж, как не мне, первому идти через Днепр? В лодке не доберусь — вплавь до берега дотяну. И вот все думаю, вдруг кого другого, а не меня первым пошлют. В родных местах, когда скажешь об

этом, засмеют. Первым до левого берега дотопал, а на правый, как барышня, по поптонному мосту шел!

— Что тут поделаешь, — ответил я. — Как кому повезет.

— Нет, — возразил Иван. — В нашем деле надо уметь настойчивость проявлять. Надо к командиру батальона обратиться.

Помолчали. Я подумал: «Иван, пожалуй, по-своему прав. Парепь с Волги имеет гордость».

— Давно воюете? — спросил я.

— С сорок второго. Мне было семнадцать, когда началась война. Все рвались на фронт. Меня не взяли. Пошел в осоавиахимовский кружок, чтоб научиться стрелять, овладеть другими премудростями военного дела. Первым из пашей семьи ушел на фронт отец. С жадностью читал его письма, мечтал быть рядом с ним. Через год, когда враг прорвался в приполжские степи, дошла очередь и до меня. Комплекцией и силой, сами видите, бог не обидел. Зачислили в роту автоматчиков. С тех пор и воюю. Вот дошел от Волги до Днепра. В обратном направлении не шагнул, того пути не знаю. А сюда дошел, силу почувствовал. И свою и всей страны, что нас, бойцов, подпирает. Просто скажу: дурак Гитлер. Вот и все. Я, простой солдат, ни в жизнь не поверю, если кто скажет, что Россию одолеть можно. А он чего полез?

Семенов приподнял автомат, словно взвешивая.

— Прибыл я в роту в тревожное время, — продолжал он. — Помпите, наверное. Сначала вроде везло нам. Феодосию, Керчь взяли. А потом опять отступили. Не знаю, кто в том виновен, не берусь судить, только видим — фашисты прорываются к Сталинграду. Положение создалось — хуже некуда. Так и было сказано в приказе Верховного Главнокомандующего. Двести двадцать семь, кажется. Как сейчас, помню: «Ни шагу назад! Отступать дальше — значит погубить себя и всю нашу Советскую Родину». И народ, мол, проклинает того, кто отходит. Жесткие слова. Суровые. Ничего не скажешь. Но и справедливые. Задумался я: за что же меня народ проклинает? Или я не честный солдат? Как уперся ногами в Волгу, не отступил. Жали фашисты страшно. И танками давили, и артиллерией долбили. Устоял. Понял тогда, что фашиста можно не только сдерживать, но и вспять повернуть. В тех боях, правда, мне не повезло. На самом интересном месте, когда

пришло время гнать врага в хвост и в гриву, задела меня вражья пуля. Ясное дело — госпиталь.

Семепов, пряча самокрутку в кулаке, затащился, обжег пальцы и, бросив ее в песок, затоптал.

— Про госпитальное житье не буду рассказывать, — продолжал он. — Нудная вещь. Никому не пожелаю. Завидовал тем, кто гнал фашиста от Сталинграда. По волжским и донским степям. А если разобраться, то и моя заслуга в той победе была: мы, сталинградцы, его остановили, обескровили. Я рвался на фронт. Сестричек, врачей просил: скорее да покрепче латайте. А как выздоровел, попал под Орел. Тут другой коленкор пошел. Вижу, силы у нас изрядно прибавилось. Да и восвать стали увереннее, напористее, я бы сказал. То есть враг на нас в атаку, а автоматчики в обход, в тыл ему. Как шуганем, летит до следующего своего рубежа без оглядки. Мы всегда впереди, непосредственный контакт держим с противником. Не из-за этого конечно, только меня вторично ранило. Считаю, промашку дал. Не упредил врага. В общем, опять госпиталь. Но не долго там пробыл. И вот — сюда. В Пятьдесят первую танковую бригаду. В мотострелковый батальон. С ним и дошел до Днепра. Считаю, что повезло. Многие мои товарищи не дошли...

Иван замолчал, задумался. Темная тень легла на его лицо. Он прислушался: правый берег начал оживать. Семенов встал, пошел проверить посты.

До его возвращения я успел кое с кем поговорить. Узнал от них, что Иван командует отделением автоматчиков недавно. В боях смел и отважен, но не безрассуден. Гвардейцы любят его за это, за доброту, за умение дружить по-настоящему, по-фронтовому. Что значит по-фронтовому? А так: первым в атаку идет, товарища в беде не бросит — всегда на выручку успеет.

Перед Днепром батальон автоматчиков выдержал тяжелый бой за деревню Ташань. Неся потери, гитлеровцы все же стремились удержать этот населенный пункт, как выгодный рубеж обороны. Именно поэтому они неоднократно контратаковали наши подразделения. И когда наступил критический момент, Семенов первым поднялся в атаку, за ним — все автоматчики. Гитлеровцы не выдержали дружного натиска и бежали. Их гнали, пока не сбросили в реку.

ОНИ ПОЙДУТ ПЕРВЫМИ

Я не слышал, когда Семенов, обойдя посты, вернулся. Задремал. Проснувшись, увидел учителя. Он читал стихи. Неужели так и не спал?

Тихо подошел командир батальона Пищулин. Остановился, послушал, потеплевшим голосом сказал:

— Здорово у вас, Григорий Петрович, получается. Почитайте еще и это. — Пищулин протянул отпечатанную типографским способом листовку. — Да погромче, чтобы все слышали.

Учитель пробежал глазами первые строки Обращения Военного совета Воропеевского фронта к воинам Киевского направления и, встав на одно колено, еще торжественнее, чем только что декламировал стихи, стал читать:

«Славные бойцы, сержанты и офицеры! Перед вами родной Днепр. Вы слышите плеск его седых волн. Там, на его западном берегу, древний Киев — столица Украины. Там дети и жены, наши отцы и матери, братья и сестры. Они ждут нас, зовут вперед... Наступил решительный час борьбы. К нам обращены взоры всей страны, всего народа... Вы пришли сюда, на берег Днепра, через жаркие бои, под грохот орудий, сквозь пороховой дым. Вы прошли с боями сотни километров... Тяжел, но славен был ваш путь. Поднимем же свои славные знамена на том берегу Днепра, над родным Киевом!» — торжественно произнес учитель заключительные строки Обращения.

Лица слушателей светились. Каждый понимал, что наступила долгожданная минута...

Сейчас, когда я думаю и пишу о тех тревожных, полных героики днях, мне вспоминается совсем недавний случай, похожий по своей ситуации на фронтовой. Произошло это в дни войсковых учений «Днепр». По дорогам Украины, по тем самым, где в годы войны проходил боевой маршрут воинов-танкистов прославленной армии генерала Рыбалко, двигались танки. Запыленные и промасленные, танкисты сделали остановку в одном из украинских селений, чтобы переночевать и двинуться дальше, к Днепру, на запад. Только смежили веки, как вбежал врач.

— Случилось несчастье, — запыхавшись, сказал он дежурному. — Для спасения человека требуется кровь. Может, пайдутся желающие...

Дежурный немедленно доложил командиру, а через минуту разнеслась команда:

— Рота, подъем!

В напряженном ожидании застыли солдатские шеренги.

— Товарищи сержанты и солдаты, — обратился к личному составу командир роты. — В роддоме умирает женщина. Для ее спасения срочно нужна кровь. Кто готов дать свою, два шага вперед!

В наступившей тишине четко отпечатали шаги вся рота. После определения группы крови отобрали необходимое число солдат.

Жизнь жепщины-украинки была спасена. У нее родилась девочка...

Это случилось после войны.

А в грозном сорок третьем было так:

— Дорогие товарищи! Друзья! Перед нами — Днепр, — изволнованно начал командир батальона. — Кто хочет первым переплыть его, отвлечь на себя огонь гитлеровцев, чтобы обеспечить переправу батальона?..

Рота гвардейцев сделала шаг вперед. Но других на мгновение опередили четверо комсомольцев — гвардии рядовые Иван Семенов, Николай Петухов, Василий Сысолятин и Василий Иванов.

— Разрешите нам.

Как на сыновей, посмотрел командир на смельчаков-добровольцев и предупредил:

— Прошу еще раз подумать: дело ответственное, рискованное. Там смерть, — он указал рукой на темную кручу над Днепром. — Но там и победа. Другого пути у нас нет.

Солдаты слушали его и еще больше утверждались в своем решении: они хотят идти первыми и готовы к этому.

— Во имя Родины, во имя нашей победы мы даем слово, что не пожалеем своей жизни... Мы с честью выполним приказ командования — за всех твердо ответил Иван Семенов.

— Тогда идите! — одобрил командир. — Пусть хранит вас в бою ваша решимость и отвага. Как говорится, смело-го пуля боится... В добрый путь!

Начиналась будничная, подготовительная тяжелая работа, без которой не обходится ни одно сражение, ни один

бой. И чем тщательнее и надежнее она проделана, тем вернее успех и меньше потери.

Гвардейцам подробно разъяснили задачу. Вместе с командиром батальона они продумали меры маскировки, уточнили, как добиться скрытности и внезапности переправы.

Старшим группы командир батальона назначил рядового Ивана Семейова. Накануне мы проговорили с ним почти всю ночь. Теперь я в какой-то мере представлял себе характер командира десанта, солдата, прошедшего путь от Волги до Днестра, и мог предугадать его действия, его решения. Подумал в эту минуту, что мне чертовски повезло видеть, как снаряжается первый десант через Днестр. Лично наблюдать его подготовку. Говорить с его участниками. Что же еще надо журналисту?

Собственно, я знал и о том, что опасность, подстерегавшая смелую четверку, была действительно велика. И хотя каждый старался о ней не думать, пытался сосредоточиться на подготовке к переправе, мысли невольно возвращались к одному и тому же: как оно там получится? Насколько сильным будет вражеский огонь? Сразу заметит их фашист или нет? А если заметит сразу, что тогда? Не возвращаться же назад? Нет! Надо решительнее грести к берегу, сильнее нажимать на весла... Но если противник быстро обнаружит их, если будет выведена из строя лодка, если... И сколько еще этих «если» возникало в сознании солдат, пока они готовили лодку, проверяли оружие, запасались патронами, гранатами, бутылками с горючей жидкостью.

Готовился к переправе через реку и батальон. Бойцы тащили бревна и доски, поторопливо сколачивали плоты, увязывали в плащ-палатки сено. Группа гвардейцев, засучив рукава, чинила заброшенные рыбацкие лодки, вязала из бревен, досок и камыша плоты.

— Молодцы, ребята, — похвалил их Пищулин. — Где ж вы лодки-то раздобыли?

— Секрет фирмы, — ответил командир отделения, шустрый, моложавый сержант. — А если серьезно, то одну из воды выловили. Другую недалеко от берега нашли. Затоплена была.

Тем временем, прикрываясь лесным массивом, прибывали к Днепру специальные подразделения. Они подвозили понтонно-мостовое оборудование для переправы мино-

метов, орудий и танков. Но это на будущее, на случай успеха сначала небольшой группы разведчиков, которые сейчас готовились к броску на правый берег, потом — всей мотострелковой роты, батальона, бригады и более крупных соединений.

Пока гвардейцы занимались подготовкой к переправе, я подошел к командиру батальона и попросил разрешения отправиться вместе с передовой группой. Старший лейтенант улыбнулся и полусуто тихо сказал:

— Там еще не о чем писать да и не с кем будет переслать статью в газету... Потерпите малость, вместе пойдем! — пообещал он.

На западном берегу ни огонька, ни звука...

ПОСЛАНЕЦ С ТОЙ СТОРОНЫ

Пойма реки затянута густым молочным туманом. Самое удобное время для переправы. Понимают это и гвардейцы-автоматчики и потому торопятся: латают старенькую лодку-плоскодопку, мастерят весла и шесты. Мы со старшим лейтенантом Пищулиным вышли на самый берег Днепра. Тишина. Будто и нет войны, не сидит на том, противоположном берегу коварный враг. С легким шелестом набегает на песчаный берег темная волна.

Вместе с нами шагает снайпер-якут. Еще ночью, увидев его, я подумал: «Но расстанется с винтовкой, на которой оптический прицел. И здесь «белку бьет в глаз». Он временами останавливается, прислушивается, прищмыкивает губами, с сомнением качает головой. Наконец останавливает комбата.

— Товарищ старший лейтенант, пеладно на реке.

— Ты что думаешь, фашисты назад через Днепр полезут? Рано очень, только ноги увесли. Теперь они тихо сидят, нас ждут.

Только изощренный слух охотника смог уловить какие-то подозрительные всплески. Снайпер снова подозвал командира батальона, молча приложил ладонь к уху: мол, послушайте, непорядок на реке.

Мы прислушались. Ничего другого, кроме плеска волн, гонимых студеным ветром, не слышно. Якут не выдержал:

— Товарищ старший лейтенант, прямо сюда плывет. Один. Голый.

Комбат насторожился. По выражению его лица я понял, что теперь и он что-то слышит.

— То, что один, еще можно определить, — сердито пробурчал Пищулин. — А голый, в такую стужу... Что ему, жизнь надоела?!

Комбат подозвал двух бойцов и велел им подойти поближе к берегу и встретить неизвестного. Якут первым ступил в воду, забрел, паверное, по колено. Туман прикрывал бойцов. Их фигуры были едва различимы. Но явственно слышался взволнованный, тревожный говор. Они кого-то подзывали. Можно было угадать, что якут еще дальше зашел в воду.

— Давай, давай сюда! Еще немножко, — говорил он.

Комбат не выдержал, сам зашагал к воде, где бойцы вытаскивали кого-то на берег.

— Боже ж мой! Лышечко! — басил босц-украинец. — Несчастная! Ты ж загибешь! Откуда?

— Из Киева, — ответил дрожащий девичий голос. — Там всех угоняют в немечину. Так я решила: или утоплюсь, или доплыву до своих.

Комбат, услышав эти слова, на ходу спял с себя шпатель и, подойдя, набросил на плечи девушки.

— Скорее в палатку! — распорядился он. — Старшина, врача! Растереть спиртом, согреть!

До начала переправы оставалось еще минут тридцать. Комбат остался на месте, отдавая необходимые распоряжения, а начальнику штаба батальона Пищулин поручил подробнее разузнать, как девушке удалось пробраться через боевые порядки гитлеровцев, расспросить об обстановке на том берегу — в общем, выяснить все, что может помочь нашим бойцам, готовящимся к переправе.

Несколько минут спустя девушка, одетая в теплую солдатскую форму, пила чай в палатке санчасти и скороговоркой, свойственной киевлянкам, рассказывала о том, что творилось в эти дни в столице Украины. Страшную картину нарисовала она. Гитлеровцы полностью разрушили Крепцатик. Лишь груды железного лома да горы камня напоминали о том, что это была когда-то чудесная улица. Город горит днем и ночью. Но все разрушения, которые фашистские валдалы нанесли городу-красавцу, бледнели перед страшными бедами. Виселицами, расстре-

лами и грабежами озаменовали враги свой приход в Киев. Людей вешали на каждом углу, расстреливали на каждом шагу, грабили в каждой квартире.

Долгое время Марийке Остафийчук удавалось укрываться от фашистов. Но жить в неволе девушка не могла. Она вместе с подругой решила убежать из города. Не только для того, чтобы самим спастись, но и рассказать о зверствах оккупантов, позвать на помощь советских бойцов. Несмотря на осеннюю стужу, они пустились через Днепр вплавь. Подруге однако не повезло: она потонула...

Впервые за всю войну я слушал, что мне рассказывают, и не записывал. Не корреспондентом, не литератором, а воином, бесшадным мстителем хотелось теперь попасть на правый берег Днепра.

В те дни в печати и по радио приводилось много ледящих душу фактов того, как фашисты пытались угнать в рабство все оставшееся население Киева, особенно молодежь. Они разыскивали жителей, используя для этих целей специально дрессированных собак. Киевляне придумывали всякие способы, чтобы уклониться от облав: прятались в канализационных и водосточных колодцах, в стогах сена, «замуровывали» друг друга в подвалах домов.

Гитлеровцы проводили массовые расстрелы людей, укрывающихся от угона. Но то, что творилось до начала сентября, когда фашистам пришлось оставить весь левый берег Днепра, было только началом ада. Теперь совершалась самая настоящая кровавая расправа с мирным населением. День и ночь людей гнали в Бабий Яр и зверски истребляли их. Круглые сутки не переставали строчить пулеметы. Детей бросали в ямы живыми и тут же засыпали землей. Немогим удалось уйти в леса, глухие деревни или спрятаться в подвалах. Гитлеровцы и здесь прибегали к испытанному способу — обману. В один из дней они сообщили, что открыт набор в медицинский институт. Некоторые поверили и пришли. Когда «набор» был закончен, оккупанты при закрытых дверях объявили, что все студенты должны «добровольно» поехать в Германию.

Для тех, кого не успели расстрелять или вывезти в певолу, организовали биржу труда. Всем жителям города старше 14 лет было приказано явиться на эту биржу якобы для регистрации. Пришедших оцепляли со всех сто-

роп и, не дав попрощаться с родными, отправляли на каторжные работы.

Позже в наши руки попали многие документы, свидетельствующие о преднамеренном уничтожении советских людей в оккупированных гитлеровцами районах.

Немецкие захватчики, вступив на территорию Украины, прежде всего стали беспощадно грабить мирных жителей.

Фашистский ставленник на Украине — рейхскомиссар Эрих Кох писал: «Речь идет прежде всего о том, чтобы поддержать и обеспечить для немецкого военного хозяйства и немецкого командования чрезвычайно большие источники сырья и пищевых продуктов этой страны для того, чтобы Германия и Европа могли вести войну любой продолжительности».

Для проведения этих грабительских планов в жизнь гитлеровцы пытались установить рабско-крепостнический режим на Украине. В секретном циркуляре командующего германскими тыловыми войсками на Украину генерала авиации Китцингера от 18 июля 1942 года за № 1571 (564) 42 подчеркивалось: «Украинец был и остается для нас чуждым. Каждое простое, доверчивое проявление интереса к украинцам и их культурному существованию идет во вред и ослабляет те существенные черты, которым Германия обязана своей мощью и величием».

В городе фашисты наряду с грабежами, разрушениями и систематическим истреблением киевлян проводили насильственную политику онемечивания населения. Украинская культура всячески подавлялась и уничтожалась, советские люди обрекались на голод и смерть. На стенах многочисленных магазинов, ресторанов появлялись вывески: «Только для немцев». Украинский оперный театр имени Шевченко, стадионы и другие общественные учреждения были объявлены только для немцев. Приказом за № 184 от 6 августа 1942 года комендант города запретил немцам приглашать «туземцев» (украинцев) на стадионы и в рестораны.

Фашистские оккупанты в городе разграбили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий, а здания взорвали и сожгли. Гитлеровцы разрушили машиностроительные и металлообрабатывающие заводы «Большевик», «Красный экскаватор», которые снабжали промышленность, транспорт и сельское хозяйство машина-

ми, инвентарем и запасными частями. Они сожгли и разрушили все путевое хозяйство крупнейшего железнодорожного узла Киева — Дарницы, все станционные здания, депо на станции Киев-1, паровозоремонтный завод и другие строения. Взорвали железнодорожные мосты через Днепр и железнодорожные виадуки в городе. Сожгли построенные за годы Советской власти крупные фабрики — прядильно-трикотажную, швейную им. Горького, Четвертую, Восьмую обувные и другие.

Фашисты взорвали, сожгли и разрушили электростанции и электросеть, трамвайный и троллейбусный парки, водопровод и канализацию, а также хлебозаводы и другие предприятия, лишив население крупнейшего города воды, хлеба, отопления, освещения и средств передвижения.

Для устрашения населения вывешивались объявления коменданта города: «В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева». Или: «В Киеве участились случаи поджогов и саботажа. Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей».

В таком напряжении жила столица Украины.

ПЕРЕПРАВА-ПЕРЕПРАВА...

Старшего лейтенанта Пищулина я нашел там же, где мы расстались, — неподалеку от песчаного берега реки. Ветер разогнал туман. Средства переправы уже спущены на воду, комбат отдавал бойцам последние распоряжения. Я молча подошел и встал в строй. Как раз в это время Пищулин скомандовал:

— Кто не умеет плавать, два шага вперед.

Но я не двинулся с места, хотя плавать не умел совершенно.

— Неумеющие плавать останутся здесь, — повторил капитан, — потому что в случае, если лодку фашисты затопят, придется добираться вплавь да еще с оружием.

В те минуты я не думал о себе и продолжал стоять в строю, чтобы не остаться на левом берегу. Лодку, кажется, перегрузили. Иван Семенов настоял, чтобы дали им ручной пулемет, ящик гранат.

— Ведь артподготовки не будет, — толковал он. — Гранаты заменят нам артиллерию.

Наконец-то все готово. Командир батальона лично уточняет обязанности каждого солдата, идущего в первой лодке, предупреждает о трудностях и опасностях, которые могут встретиться на пути, дает советы, как действовать в случае непредвиденных обстоятельств.

Семенов, Петухов, Сысолятин, Иванов с автоматами в руках один за другим ступают в холодную днепровскую воду и перебираются в лодку. Там их встречает широкоплечий, крупного сложения парень с красной лентой на фуражке — партизан. За сеткой дождя трудно рассмотреть его лицо. Да и имело ли это какое-нибудь значение! Никто из нас не поинтересовался и его именем: раз сам вызвался сопровождать автоматчиков, значит, человек смелый, а главное — пути-дороги знает. Иван Семенов оттолкнул от берега лодку и прыгнул в нее сам. Бойцы дружно налегли на весла. Парень с красной лентой на фуражке отталкивался от берега шестом. Лодка растаяла в темноте.

Люди, оставшиеся на берегу, чутко вслушивались в тревожный говор днепровских волн, в порывы злого осеннего ветра и думали о тех, кто первым ушел на ответственное и рискованное задание. Удастся ли смельчакам-гвардейцам благополучно переправиться на тот берег, сумеют ли они создать там панику и отвлечь на себя огонь противника, чтобы облегчить переправу роте автоматчиков, за которой пойдут на запад батальоны, полки, дивизии и целые армии? Это волновало многих. И командира бригады, которому тут же доложили о начале переправы. И штаб армии, который решал, куда направить танки, где скорее будет наведен понтонный мост.

Второй снарядилась лодка, в которую Пищулин обещал посадить и меня, уступая моей настойчивой просьбе. На весла сел уса́тый украинец, место на корме возле станкового пулемета занял я. На носу в качестве «впередсмотрящего» разместился командир батальона.

Когда уже отчаливали, с берега донеслось:

— Черт возьми! Девушка переплыла, а я что, хуже! — и в воду бултыхнулся солдат. В одной руке он высоко держал над водой узел с одеждой и автомат. К нему подплыла лодка, чтобы взять его или вернуть назад, но он только бросил через борт свой груз, а сам налегке поплыл вперед.

Его примеру последовало еще несколько солдат. Видя

такое, комбат распорядился забрать одежду и личное оружие отчаянных пловцов.

Вскоре наша лодка догнала первую, которой командовал Ивац Семенов, и некоторое время шли параллельно.

Мы с тревогой смотрели на широкую, бурлящую реку, и нам казалось, что в эти минуты она наполняется огромной силой, которая вот-вот выйдет из берегов и сомнет, сломает на своем пути все укрепления врага.

Но это только так казалось, так хотелось, мечталось. Действительность же была куда суровее, труднее и опаснее.

Пока плыли под прикрытием островка, разделявшего реку, все было тихо. Но как только лодки вышли из-за островка, по реке полоснул ослепительно-голубой луч прожектора. Предутреннюю мглу прорезали голубоватые вспышки ракет. Над Днепром стало светло. И сразу картина преобразилась. Исчезла тишина. Все загудело, стало рваться. Грохотом артиллерийской канонады вздыбился правый берег. Бешено строчили пулеметы. Выли мины. Тяжело ухали взрывы, и вверх взлетали огромные столбы воды. Звонко и дробно стучали автоматы. Все смешалось — свет и звуки, огонь и вода. Все превратилось в кромешный ад. Казалось, ничто живое не сможет преодолеть бурлящую огненную реку.

Но солдаты отчаянно гребли, и обе наши лодки шли вперед, подтверждая, что переправа через Днепр началась...

О, как я завидовал тому, кто умел плавать. И не потому, что боялся за свою жизнь, боялся, что поврежденная лодка пойдет ко дну. Конечно, такая опасность была весьма реальной, и, не скрою, мысль о том, как мне поступить, когда такая трагическая минута наступит, настойчиво преследовала меня. Но главное было не в этой опасности. На моих глазах за годы войны погибло много людей, более ценных, чем я. Людей, убеленных сединами, людей, имеющих колоссальный жизненный опыт, знания, энергию и многое-многое другое. По сравнению с ними, на фоне этих людей, моя персона и моя жизнь казались мизерными. Я еще не успел ничего сделать не только для Родины, но и для себя лично. И именно поэтому мне хотелось еще повоевать, чтобы как-то оправдать свое существование, свое право ходить по земле в это грозное для Отечества время. Мне, как и моим друзьям, спешащим на тот берег, очень хотелось выполнить приказ Родины. Очень хотелось жи-

вым перебраться через Днепр, захватить хотя бы небольшой плацдарм, любой ценой удержать его и дать возможность перебраться на него другим, плывущим вслед за нами. Вот что было главным.

В небе повисла на парашютах осветительная ракета, «фонарь», как мы ее называли, и пад рекой стало светло, будто днем. Мимо нашей лодки проплыла вниз по течению бочка с выщербленным и посеченным боком. За нею, также осиротело, тянулась изрешеченная осколками лодка, полузалитая водой. Дальше виднелась другая, перевернутая, потом — доски, бревна, какие-то непонятные предметы.

«Тоже чья-то попытка форсировать Днепр», — с горечью подумал я и мысленно попрощался с отважными ребятами, которые, как и мы, первыми хотели перебраться на правый берег. Хотели... Но что делать — война...

К счастью, я ошибся. Только позднее, когда награждали героев, первыми прорвавшихся на правый берег Днепра, выяснилось, что разбитые и затопленные лодки, которые мы видели, принадлежали гитлеровцам. А разгромили их минометчики под командованием гвардии старшего сержанта Василия Мелякова.

Я попытался тогда же встретиться с героем. Не удалось. Из всей группы разыскал только гвардии рядового Алексея Зацепина. И то потому, что задержался он в госпитале из-за ранения. От него узнал кое-что о Мелякове.

Первый мой вопрос: где Меляков жил до войны, откуда родом?

— Вот не могу сказать, — смущенно ответил Алексей. — Не заходил как-то разговор об этом. Но чуть ли не киевский он. Если не из самого города, то поблизости. Уж больно он рвался через Днепр. Аж багровел весь, едва речь о переправе заводили. Я ведь недолго с ним вместе воевал. Впервые встретились на Северном Донце. Вышли из тех боев чистенькие, ни одной царапины. Василий тогда говорил:

— Не хочу рану получать. Или сразу наповал, или чтоб не тронуло.

Это он потому, что тяжело задело его еще в сорок первом под Харьковом. Больше года провалялся в госпиталях. Понимаю: осточертело. Ну, а когда подошли к Днепру,

он уже минометным расчетом командовал. На его стороне и боевой опыт, и сноровка. Но и то скажу: славный вышел из него командир. Действует смело, без оглядки. Такого враги боятся, а солдаты любят. И начальство не забывает. Недавно еще под Воропежем имел он орден Красной Звезды и две медали «За отвагу».

Так по рассказам его фронтовых друзей и составил я представление о Василии Мелякове и о том бое, что вел он с товарищами на реке. Мне казалось даже, что вижу Василия Игнатьевича стоящим на берегу Днестра. А на той стороне — родной Киев. И в воздухе над рекой несмолкающий гул. И будто река, разделяющая их, совсем небольшая, а он — Василий — великан, который легко перешагнет ее. И нет сил ждать, пока подтянутся переправочные средства. Внезапность — половина успеха.

Поздним вечером Мелякова вызвал командир:

— Готовьтесь к переправе на правый берег.

— Где саперы? — спрашивает Василий.

— Не подошли еще. И переправочных средств нет никаких.

Фигуры бойцов в ночи сливаются с берегом. Василий Меляков бежит во главе своего расчета. На пути встречаются два местных рыбака. Они сообщают солдатам: только что отплыла от левого берега последняя группа вражеских солдат. Их лодки еще видны на реке.

Меляков до боли в глазах всматривается в синеющую даль. Замечает качающиеся на волпах лодки. Гитлеровцы что есть силы пажимают на весла. Спешат уйти.

— Миномет к бою! — оборачивается к бойцам Меляков. — Живее, живее! — поторапливает он.

Через минуту расчет открыл по фашистам беглый огонь. Снопы воды взметнулись вверх. А затем полетели и щепы, и доски. Перевернулась одна лодка, другая... Минометчики долбили врага до тех пор, пока не убедились, что уничтожена вся группа гитлеровцев, прикрывавшая отход своих подразделений. Фашисты пошли ко дну, а их транспортные средства уплыли вниз по течению Днестра. Их-то и видели во время переправы гвардейцы-автоматчики старшего лейтенанта Пищулина.

А тем временем гвардии старший сержант Меляков расспрашивал повстречавшихся ему местных рыбаков.

— Неужели у вас лодок не осталось? — сетовал он.

— Были лодки, были, — говорили рыбаки. — Хотели

мы их до вашего прихода сохранить. А фашисты тоже пылком шиты. Перехитрили они нас. Перед тем как отступить, собрали местных жителей и приказали все лодки затопить. «Или лодки буль-буль, или вам капут», — кричали они, грозя автоматами.

— И вы затопили? — возмущался Меляков.

— А что было делать? Да вы не беспокойтесь, — уверяли они. — Беду можно отвести.

Оказалось, что часть лодок затопили в пеглубоких местах, на отмелях. В любой момент их можно поднять из воды и пустить в дело.

Меляков с бойцами не стал терять ни минуты. Забравшись по пояс в реку, веревками тащили лодки на берег. Здесь из них выливали воду, осматривали, переворачивали и готовили к действиям.

Вскоре первая лодка бесшумно вошла в реку и осела под тяжестью миномета и боеприпасов. Оттолкнули ее от берега сильные солдатские руки. Пошла! Следом на самодельном плоту, на плащ-палатках, набитых сеном, на бочках, на бревнах, будто тени, скользили по реке бойцы-минометчики.

Долго плыли в тишине. Уже падеялись проскочить реку без приключений. Но вот в небо взвилась осветительная ракета. И тотчас же гитлеровцы ударили из пулеметов. Затем начали рваться мины, снаряды.

Осколки дырявили борта лодки, решетили бочки, держась за которые, плыли бойцы; перерезали веревки, соединявшие бревна плота. Пули поднимали фонтанчики воды, и казалось, что река кипит. Вот они — фонтаны смерти. Миг — и тебя не станет. Но раздается властный голос Василия Мелякова:

— Дружней грести, влево, влево!.. Теперь вправо! Ниже голову! Не грести!

Фашисты усилили минометный огонь. С правого берега им виделось, что десант русских гибнет. Еще залп! И казалось, потеряв управление, поплыли по течению и лодка, и бревна, и тонущая бочка, и плащ-палатка с сеном...

Днепр поднял волну и заслонил своих освободителей.

Погасла осветительная ракета, смолкла бешеная дробь гитлеровских пулеметов.

— Теперь вперед, ребята! Дружней к берегу! — допосился голос Василия Мелякова.

Услышали эту команду и гитлеровцы. И снова осветительная ракета распоролa ночь. Хлынули пулеметные ливни. Враг был уверен, что простреливается каждый сантиметр водного пространства, что перед ним обреченные мишени.

Но сквозь пулеметную стрельбу до гитлеровцев доносился хриплый голос Василия Мелякова:

— Правей, правей!..

Фашистские мины ложились правей. Василий тем временем шепотом и знаками, как договорились еще на левом берегу, указывал своим бойцам, что брать надо левей. И смерть, свистя, проносилась мимо.

Фашисты в упор расстреливали медленно тапчившиеся вниз по течению бревна, бочки. А десант тем временем уже приближался к берегу. Вокруг еще рвались снаряды и мины. Они буравили гладкую поверхность реки. Оглушительный взрыв раздался совсем рядом, к счастью, когда бойцы, готовые к бою, были уже у самого берега. Вода столбом поднялась вверх, накрыв с головы до ног весь десант...

Все это я узнал потом. А в ту ночь с грустью смотрел на уплывающие вниз по Днепру, перевернутые, разбитые лодки. И сам думал только о том, чтобы скорее преодолеть реку.

РОЖДЕНИЕ БУКРИНСКОГО ПЛАЦДАРМА

В небе висели десятки осветительных ракет. Трассирующие пули прорезали воздух. Теперь я понял, почему командир батальона начал переправу на рассвете — драться лучше на берегу. А на воде, когда засекли, и так ночью светло, как в яркий солнечный день.

Но замечаю, что пули летят высоко над нами. Снаряды рвутся где-то позади. Мы вошли в «мертвое» пространство. Гитлеровцы не простреливают его. Бойцы нашли в себе силы, чтобы подпалечь на весла. Минута, другая — и лодка с ходу ударилась носом в берег. Вмиг она опустела. Бойцы вскарабкались на кручу и завязали ожесточенную схватку с гитлеровцами. Прежде чем побежать за Пищулиным, я с тревогой посмотрел на лодку, перевозившую одежду и оружие тех, кто перебирался вплавь. В ней сиде-

ло теперь пятеро. Наверно, подобрали тех, у кого не хватило сил плыть. Один за другим быстро выскакивали они на берег. В эту ночь я завидовал им больше всего: ведь они преодолели Днепр вилавь!

...Пулеметный шквал и крики «ура» увлекли и меня вслед за командиром батальона, который уже повел подразделения в бой. У самого берега на круче стояла деревня. Ею и спешили овладеть автоматчики. Подбегая к крайнему дому, мы увидели раненого красноармейца.

— Сысолятин! — воскликнул кто-то из бойцов и бросился к нему.

— Скорее туда, ребята! — с трудом проговорил Василий Сысолятин. — Петухов спял пулеметчика. Мы прорвались в деревню... Там меня и царапуло в колено.

То, что Сысолятин пренебрежительно назвал царапиной, оказалось глубокой раной. Его подхватили и унесли к лодке.

Рота дралась уже в деревне Григоровке.

Послышался тревожный крик одного из четырех десантников — Василия Иванова:

— Коля! Петухов! Коля! — и тут же грозно, призывно: — Братцы, бей фашистов! За Петухова! Отомстим за Петухова!

«Погиб! — мелькнуло в моем сознании. — Тот, который первым ворвался на правый берег Днепра, тот, кого я больше всех сейчас хотел видеть, пал! А я ничего не знаю о нем, о его подвиге. Что я напишу в газету?» И, обгоняя бегущих рядом бойцов, тороплюсь туда, где сражаются еще двое из отважной четверки — Иванов и Семенов. Но в водовороте боя трудно кого-нибудь найти. Бежавшие вместе со мной автоматчики заметили гитлеровцев и открыли огонь. Кидаюсь на землю рядом с бойцами и даю очередь из автомата.

От старшего лейтенанта Пищулина узнаю, что батальон уже весь на этом берегу.

— Теперь главпос отвоевать побольше плацдарм! — кричит Пищулин. — Девиз один — вперед и вперед! Сзади начнут подпирать другие подразделения.

К утру ветер разогнал тучи. Небо на востоке заалело. Выстрелы раздаются где-то далеко на западе. Это рота лейтенанта Синашкина обошла фашистов с тыла. С новой силой гвардейцы устремлялись в атаку. Гитлеровцы засели в продолговатом здании. Путь бойцам прегра-

дила отвесная стена. Обойти не удалось. А как взобраться на нее? Не за что зацепиться. Каждый понимал: оставаться внизу нельзя. Успех решали минуты, даже секунды.

— Становись мне на плечи! — подбежав к стене, крикнул высокий, крепкий боец. Я узнал Сергея Орлова, ординарца командира батальона.

Не раздумывая, один из солдат прыгнул на плечи богатыря, а затем и на стену, легко преодолев неожиданно вставшее перед нами препятствие. Бойцы, действовавшие рядом, тут же повторили прием смекалистого воина. Гитлеровцам пришлось оставить здание, уступить еще одну пядь нашей земли. А в этом и заключалось главное: хоть на шаг, но вперед.

Жаркая борьба шла за каждую улицу, за каждый дом. На восточной окраине села старший лейтенант Пищулин разместил свой командный пункт. По рации связался с командиром бригады. Доложил, что Григоровка взята, разгромлен штаб фашистского батальона, захвачены склады с боеприпасами и несколько исправных грузовых автомашин.

Взошло солнце, осветив пеяркими лучами поле сражения. И тут я спохватился, что занялся не своим делом, ввязался в бой и еще ни строчки не занес в свой блокнот. Забежав во двор отвесавной у гитлеровцев хаты, сел на колоду под вишенкой и стал быстро писать о том, что видел. Когда наскоро набросал корреспонденцию о тех, кто первыми форсировали Днепр, передо мной встал вопрос: как передать это в редакцию? Паром, конечно, еще не работает, радиосвязи нет. Значит, снова переправляться через реку самому под почти непрерывной бомбежкой «юнкерсов», под огнем артиллерии и пулеметов. Да, только так! Иного пути нет. А если не доставить корреспонденцию в редакцию, тогда ни к чему окажутся и все мои старания, и риск. Тогда напрасно занимал я место в лодке. Оно пригодилось бы для более активного бойца.

Эти горестные мысли подстегнули меня, и я, доложив командиру батальона (он пока на правом берегу был самым большим начальником), отправился искать возможность переправиться через Днепр на левый берег.

Первую попытку мы предприняли с Сергеем Орловым.

— Ну как, переберемся? — спросил я его, садясь в лодку.

— Это запросто, — ответил Сергей не задумываясь.

Вначале действительно все шло гладко. Мы бесшумно и быстро удалялись от берега. Справа и слева от нас падали снаряды. Но пока это нас мало беспокоило. По всему было видно, что противник ведет огонь просто по реке, или, как говорят артиллеристы, «бьет по площадям». Однако стоило нам выплыть на середину, как гулко заработал пулемет. Пули со свистом проносились совсем близко от нас, несколько впереди, пунктиром очерчивая линию своего соприкосновения с водой. Мы не успели придержать лодку, как оказались в зоне огня. Гитлеровцы дали новую длинную очередь. В то же мгновение раздался слабый стон, весла выпали из рук Орлова. Голова его как-то неестественно склонилась на плечо, и он тихо повалился на правый борт лодки. Она резко развернулась и поплыла вниз по течению. Общими руками с силой пажимал я на правое весло, пытаюсь скорее уйти из-под огня. К счастью, в этот момент с нами поравнялась другая лодка. Она шла с левого берега навстречу нам. Сидевшие в ней бойцы перетащили Орлова к себе, а нашу, пробитую пулями посудину, взяли на буксир. Поневоле пришлось возвращаться обратно на правый берег и пачипать все сначала.

Вторая и третья мои попытки переправиться через Днепр также не увенчались успехом.

С наступлением темноты я снова отправился в путь. На этот раз в мое распоряжение дали лодку с четырьмя гребцами, рослыми, дюжими солдатами. Наш маршрут к тому же проходил несколько севернее. Фланговый пулемет врага уже не беспокоил: его уничтожили. Но дожимали гитлеровские минометчики. Освещая реку ракетами, они довольно точно бросали мины. Мы продолжали плыть: другого выхода не было. Сидевшие на веслах бойцы, которых я видел впервые и которых никогда не встречал позже, старались изо всех сил. Они знали, что переправляют корреспондента, и рисковали жизнью. Знали, мне во что бы то ни стало нужно было добраться до левого берега и передать материал в газету.

И вот мы наконец у цели. Оставался какой-нибудь пять-шесть метров до берега, когда вблизи от нас разорвалась вражеская мина. Ее осколки изрешетили лодку. Тонкие струйки воды быстро наполняли продырявленную посудину. Но опасность уже миновала. Еще одно усилие, и мы на берегу. Попрощавшись с бойцами, быстро выска-

киваю из лодки, несколько метров бегу по воде, а затем скрываюсь в кустарнике...

Придерживая рукой корреспондентскую сумку, поспешил в редакцию. Готового материала у меня было мало, но я полагал, что за вечер напишу еще.

Редактор выслушал доклад, мимо ушей пропустил просьбу отвести целую газетную полосу для моих героев и, протянув руку, попросил только корреспонденцию, о которой я сказал, что это будет лишь вступление ко всей полосе. Он взял статью, молча прочел ее, что-то поправил и отдал на машинку.

— Отдыхайте, завтра снова за Днепр,— кивнул он мне.

— Товарищ полковник, а как же с остальным материалом?— несмело спросил я.

Редактор посмотрел на меня и сочувственно улыбнулся:

— Я понимаю, у вас материала на несколько номеров. Но и другие привозят столько же. Вон Орехов передал два очерка и подборку на полосу. И знаешь, откуда передал? Из госпиталей.

— Что с ним?

Редактор будто не расслышал моего вопроса.

— Из всего этого,— продолжал он,— удалось поместить только несколько строк: подтекстовку под фотографией героев.— Помолчал, затем сказал с горечью:— А корреспондент остался без ноги...

Я стоял ошарашенный, сбитый с толку этими словами.

— Как? И это... Ради нескольких строчек?!

— Да. Именно ради нескольких строчек. Одни идут на смерть, чтобы освободить еще несколько пядей родной земли, принести свободу людям, спасти жизнь на земле. А вот мы, журналисты,— ради нескольких строчек... Но эти строчки вдохновляют на победу...

На другой день в газете «За честь Родины» под заголовком «Герои-комсомольцы переправились первыми» была напечатана моя корреспонденция с Правобережья. Весь фронт в тот же день облетела весть о подвиге вояков-комсомольцев Василия Иванова, Николая Петухова, Ивана Семёнова, Василия Сысолятина и других бойцов, которые первыми форсировали Днепр и самоотверженными действиями помогли создать Букринский плацдарм.

Указом Президиума Верховного Совета СССР четы-

рем гвардейцам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. О них узнала вся армия, весь народ. Поэт Александр Безыменский, работавший в то время в нашей газете, написал даже песню:

Поправив бинты перевязки кровавой,
Спросил командир боевой:
— Кто первым рванется на берег па правый
Сквозь толщу стены огневой? —
И сталь автомата воинственно тропув,
Шагнул Сысолити вперед,
И с ним Ивапов, Петухов и Семенов —
Лихой комсомольский народ...
Четыре героя на берегу правом
Врага отвлекали стрельбой,
А наши полки навели переправу
И ринулись в яростный бой.
На лютых врагов, не жалея патронов,
Летел Сысолити вперед,
И с ним Ивапов, Петухов и Семепов —
Лихой комсомольский народ.

Я слышал эту песню в разных подразделениях нашего фронта и всякий раз невольно вспоминал слова редактора о судьбе журналиста на войне, о цене газетных строчек...

БРОНЯ КРЕПКА...

В редакции я не задержался. Вечером получил задание присоединиться к танкистам, которым в ночь предстояло форсировать Днепр еще на одном участке реки.

...В березняке стояли танки. Так замаскированы, что не сразу и заметишь. Высокий, угрюмого вида старшина тяжелой походкой вышел мне навстречу.

— Трайнин! — воскликнул я с радостью. — Петр Афанасьевич! Живой?! Вот не ожидал здесь встретить земляка-воронежца! Все такой же неслгораемый, непотопляемый! — раскинув в восторге руки, говорю ему.

— Неслгораемый, оно, может, и верно, но насчет воды... — И он шепнул мне доверительно: — Плавать-то не умею, а тут речича такая...

Этому откровению я искренне обрадовался и признался, что страдаю тем же пороком. Но с гордостью добавил: несмотря на это, на правом берегу Днепра уже побывал.

А обратно чуть было не пустился вплавь. Уже очень ждали меня в редакции.

Трайнин махнул рукой и улыбнулся озорно, по-мальчишески:

— Ну, если так, тогда обязательно переплывем!

— Понтонов нет? — спросил я.

— Сами смастерим. — И повел меня знакомить с друзьями, членами экипажа. — Орлы, настоящие, как говорят украинцы, лыцари.

Имя механика-водителя Петра Афанасьевича Трайнина, бывшего тракториста, широко известно на нашем фронте. Он участвовал в битве под Москвой, освобождал родной Воронеж, совершал дерзкие вылазки против фашистских танков на Курской дуге и теперь привел свою машину вот сюда, на братскую украинскую землю. За отвагу неоднократно отмечен правительственными наградами.

О подвиге, за который Петр Афанасьевич получил первую награду, подробно рассказывалось в одном из номеров нашей газеты. Это случилось на воропежском направлении. Танковая часть, в которой служил Петр Афанасьевич Трайнин, вела ожесточенные бои против фашистской механизированной дивизии. На стороне врага многократное превосходство в силе и технике. К тому же гитлеровцы имели большой опыт ведения танковых боев. И все же советские танкисты не дрогнули, не отступили ни на шаг.

Бой начался ранним утром и не умолкал до вечера. Уже пылали десятки вражеских машин, пытавшихся пробиться сквозь нашу оборону, сотни фашистских трупов устилали землю. Большие потери были и у нас. Вскоре огонь наших танков стал слабеть: подошли к концу боеприпасы.

Гитлеровцы это сразу почувствовали и решили вплотную приблизиться к уцелевшим танкам, чтобы в упор, безнаказанно их расстрелять.

В критический момент боя Трайнин, оставшись к тому же один в танке, смело, на виду у всех, первым повел свою машину навстречу врагу.

Прошли считанные минуты, и пад полем боя раздался необычный, рвущий перепонки звон металла. Ударом огромной силы Трайнин остановил, а затем перевернул вражескую машину. Продолжая двигаться вперед, он на-

стиг второй фашистский танк и таким же методом разделался с ним.

Его примеру последовали другие танкисты.

Гитлеровцы вынуждены были отступить.

Этот подвиг Петра Афанасьевича Трайнина командование отметило орденом Отечественной войны 2-й степени.

В другой раз на поле боя сложилась еще более трудная обстановка: вражеским снарядам был подожжен танк Трайнина, самого Петра ранило в обе руки. Серьезное увечье получил заряжающий — ему оторвало ступню.

— Командир! — крикнул Трайнин. — Постараемся сбить пламя!

Но командир не отвечал.

— Убит! — простонал заряжающий.

— Э, черт! — выругался Петр. Грубым словом хотел заглушить охвативший его гнев.

Я потом расспрашивал Трайнина об этом бое: «О чем ты думал тогда?» А он сердито: «Ни о чем не думал. Непонятно было. Злость брала, что позволили врагу поджечь машину. И хотелось последний свой путь пройти передаром».

Трайнин направил пылающий танк на огневые позиции врага. Ошеломленные гитлеровцы побросали свои орудия, разбежались. Трайнин раздавил несколько фашистских пушек. К счастью, ему удалось сбить с танка пламя и спасти от гибели экипаж...

И вот наступил долгожданный день: старшина Трайнин вывел свой танк к Днепру. Хотелось сразу, не медля, устремиться на правый берег. Но... танк — не человек. Он не держится на воде, не может быть переправлен на подручных средствах, на лодке и даже на небольшой барже. Нужен паром или мост. Пока их наведут, придется загорать на левом берегу. А время не ждет. Там, на правом берегу, ведут неравный бой наши пехотинцы, которые первыми на этом участке форсировали Днепр, захватили небольшой плацдарм и героически удерживают его. Надо спешить. Дорог каждый день, каждый час, каждая минута.

Загнав танк в укрытие и замаскировав его, Трайнин подошел к Днепру. Зачерпнул ладонями холодную, мутноватую воду. Напился.

— Что, танкист, загораешь?

Петр приподнялся с колена, посмотрел исподлобья на плотного генерала, остановившегося рядом.

— На приколе, товарищ генерал,— ответил невесело.— Родная вода, а не пускает,— показал он на реку.— Так что приказано укрыть танки. Пока не наведут понтоны.

— Твой танк там позарез нужен,— кивнул генерал на правый берег реки.— Слышишь?

— Как не слышать.— Трайнин горько усмехнулся.

— Они уже по нашим меньше бьют,— сказал генерал.— Все по плацдарму колотит, по нашему золотому пятачку.

Желваки заходили на скулах Петра.

— Не растревляйте, товарищ генерал,— попросил он.— И так сердце кровью обливается. Мне бы сейчас десяток бревен...

— Я дам тебе двадцать,— горячо подхватил генерал.— А перемахнешь? Не утопнешь?

— Как можно, товарищ генерал!— обиделся Петр.— И свою машину берегу. Без нее — я никто!

— Тогда пошли!— пригласил генерал.

Я появился у танкистов как раз в тот момент, когда сооружение плотов шло полным ходом. Петр познакомил меня со своим экипажем. На берегу солдаты стучали топорами. Небольшие бревна, у нас их называют подтоварником, они поднесли к реке на плечах. К Петру подошел стрелок.

— Посолиднее бревнышки нужны,— заметил Трайнин.— На этих далеко не уедешь.

— Есть и посолиднее,— ответил боец.— Только нам их не ухватить. Ребята говорят: может быть, танком...

Петр улыбнулся:

— А что? Это мысли! Вдвое быстрее двинется дело. Где командир батальона? Пойду к нему.

Едва стемнело, Петр вывел свой танк из укрытия. Тросом подцеплял он тяжелые бревна и волочил к Днепру. Справа и слева тоже урчали танковые моторы.

— И в других расчетах нашей рационализацией воспользовались,— пояснил Трайнин.— Поживей, поживей, ребята,— подгонял он бойцов.— Не гоже, если кто вперед нас паром на воду спустит. Все-таки наш почин.

А с правого берега торопили. Гитлеровцы успели подтянуть танковые подразделения. С рассветом надо ждать их атаки. Командир десанта просил лишь об одном: побольше противотанковых гранат. А еще лучше — пушек!

Трайнин спешил. Он понимал, как нужен его танк там, на правом берегу. Хотя, может быть, десантники и не ждут его еще. Знают: для понтонной переправы пужно время. Но ведь и враги не ждут...

Со всей силой, со злостью вгонял Трайнин в бревна скрепляющие скобы. На связки пошли пеньковые веревки, тросы.

— Все! — наконец крикнул Петр, отбрасывая в сторону топор. — Спускай, ребята, этот дреднот на воду. — И первым ухватился за канат.

Наблюдать за погрузкой танка на плот пришел командир батальона. Вскоре ему пришлось взять руководство на себя. Плот закрепили канатами, сделали попрочнее настил. Петр осторожно двинул танк вперед. Под тяжестью машины бревна ушли под воду.

Когда я прыгнул на плот вслед за бойцами, вода доходила уже до щиколотки. Со стороны, наверное, казалось, что это неуклюжее пагромождение пойдет ко дну от малейшей волны. Но вот «каравелла», как окрестили свое сооружение танкисты, благополучно отчалила от берега.

— Выше паруса, братцы! — подбадривал товарищей Трайнин.

Я уже заметил, что он неразговорчив лишь в спокойное время, а в трудные минуты первым начинает шутить. И, видно, в этом была тайна его человеческого обаяния.

— Давай, пожалуй, перейдем на нос «каравеллы»: будешь лодманом, раз уже побывал на той стороне, — сказал он мне. — Мы перешли на передний правый угол паррома. Тут он опять мне шепнул: — Только ты моим орлам ни-ни, что плавать не умею. Засмеют...

Плот наш медленно продвигался вперед по темной, как чернила, реке. Его сильно спосило течением. Я сказал об этом старшине.

— Ничего, — успокоил он. — У нас уже руль есть.

И прошел к рулевому:

— Дружище, загребай правее.

Потом склонился к весельным:

— Налегай, ребята, чтоб к нужному месту причалить.

Кажется, мы немного выправили свой курс. И тут я невольно отвлекся. Что-то темное и громоздкое плыло нам наперерез.

— Петр Афанасьевич! Смотри, что там?!— я невольно присел, стараясь разглядеть диковинное сооружение.

Трайнин тоже присел и вдруг прыснул в кулак:

— Повара идут на таран!

И в самом деле через Днепр переправлялась солдатская походная кухня со своими атрибутами. Она держалась на бревнах, наскоро связанных, видимо, самими поварями. Кухня проплыла так близко, что нас обдало горячим, неповторимым запахом гречневой каши.

— А что, котелок горячей каши ребятам на том берегу сейчас нужен не меньше, чем ящик снарядов,— заметил Трайнин.

Выше по реке плыл тоже плот с танком, а дальше темнели еще и еще.

— Лиха беда начало,— улыбнулся Трайнин.— По нашему следу пошли. Теперь в компании веселей будет.

Плот с кухней обогнал нас и скрылся в темноте. Мы были, наверное, на середине Днепра. По-прежнему тишина висела над рекой. Только скрипели весла да вздыхали от натуги бойцы.

— Может, пронесет,— произнес Трайнин.— Хорошо бы!

Зачем он это сказал?! Ведь до берега оставалось всего несколько десятков метров. Неужели нельзя потерпеть! Но возмутиться я не успел: на правом берегу прозвучал выстрел. В небо взвилась ракета, и над рекой повис «фонарь». Теперь отчетливо стали видны и плывущие справа и слева от нас самодельные плоты с танками, и обрывистый берег Днепра, к которому мы стремились. Но наблюдать за всем этим было некогда. Гитлеровцы открыли артиллерийский и минометный огонь по реке. В воздухе появились фашистские самолеты.

От густо падавших снарядов, мин и бомб Днепр закипел. Поднявшаяся волна сильно раскачивала наш ненадежный корабль. Бойцы из всех сил работали шестами и веслами. Оставив меня на посту впередсмотрящего, Трайнин прошел на середину, взял весло из рук раненого бойца и начал грести во всю свою богатырскую мощь. Он словно и не замечал взрывов бомб и снарядов, что совсем рядом вздымали в небо огромные смерчи воды, не слышал ляз-

га металла о металл, свиста мин, наполнившего воздух. Знал он лишь одно: быстрее гнать плот к правому берегу, туда, где на «пяточке» сражаются наши, где нас ждут.

Яростно стучат весла о воду. Тяжелый, глубоко осевший плот и не чувствует этих ударов. Двигается медленно, покачиваясь на волнах.

И вот вздох облегчения. Бойцы на секунду подняли из воды весла: теперь можно и передохнуть. Трайнин подходит ко мне мокрый с ног до головы, но счастливый.

Плот выпел из зоны огня.

Мы у правого обрывистого берега Днепра.

Плот ткнулся в прибрежный песок и остановился. Одного беглого взгляда на берег достаточно, чтобы прийти в ужас. Обрыв такой высокий, что нечего и думать вести танк на него. Выходит, мы сами, добровольно, забрались в ловушку. Об этом следовало подумать еще там, на левом берегу.

Но Трайнин, кажется, не разделяет моего пессимизма.

— Эй, писатели! — крикнул он, даже не почувствовав, какая колкость звучит в его обращении. — Где попримечнее подъем наверх? Ты ж тут бывал, должен знать.

И, не дождавшись моего ответа, сам побежал по сырому песку, отыскивая дорогу.

Через минуту вернулся обрадованный:

— Нашел! Есть подъемчик, выберемся. Подкопать только малость надо.

Вскочил на плот, энергично стал отталкиваться шестом.

— Давай, ребятки, подналяжем. Ворота для нашей машины чуть правее.

Передал шест солдату, а сам уже открывал крышку люка.

— Петр Афанасьевич! — бросился я к нему. — Меня-то захвати с собой.

Казалось, Трайнин не расслышал моей просьбы. Он быстро спустился вниз, завел двигатель. Танк вздрогнул и медленно пополз с неустойчивого, вихляющего плота на твердую землю. Почувствовав под гусеницами надежную опору, Петр остановил машину, посадил экипаж, крикнул пехотинцам:

— Давай на броню!

Я тоже подбежал.

— Погоди, — придержал меня Трайнин.

Посмотрел, как усаживаются автоматчики, сочувственно сказал:

— Тебя, друг, не могу взять. Внутри — экипаж. Самим тесно. А снаружи автоматчиков надо посадить. Они же на плоту за гребцов были. Не могу их оставить. Еще не раз выручат. А у тебя задание другое...

Наверное, очень грустный у меня был вид, потому что Трайнин сжалился и посоветовал:

— Вон цепляйся к поварам. Там теплее, а при свете уголька, глядишь, что-нибудь да и напишешь.

Улыбнулся, наверное, в темноте и тронул машину. Такую своеобразную трайнинскую заботу я испытывал уже не раз. Петр старался, где это можно, удерживать меня от непосредственного участия в бою: не твоя это задача, говорил он.

Я долго смотрел вслед железной громадине, увозившей от меня замечательного человека, верного товарища. Сказал больше уже для своего успокоения:

— Ни пуха тебе, ни пера, Афанасьич!

Проводив танкистов, я и впрямь направился разыскивать поваров. Но кухни уже нигде не было видно. Повара тоже ушли куда-то вперед, где их ждали соскучившиеся по горячей пище бойцы, несколько дней жившие на сухом пайке.

Я хотел присесть где-нибудь тут же на берегу и, что называется, по горячим следам попытаться написать репортаж о переправе танкистов. Но нигде не увидел ни огонька. Заметил только впереди частые орудийные вспышки. Убедившись, что бьет наша противотанковая пушка, направился к артиллеристам. Было еще темно. Под ногами я ничего не видел и шел наугад. Неожиданно зацепился за провод. Остановился, чтобы разобраться, чья это связь: наша или оставшаяся от немцев. Держась за шнур, прошел метров десять по направлению к батарее и почувствовал, что провод за что-то зацепился. Нагнулся и увидел лежащего человека. Присев на корточки, нащупал погоны нашего связиста. На спине его чернела рана. Наверное, шел исправлять повреждение и погиб, не дойдя до цели. Решил вытащить из-под связиста провод, который, как я считал, он придавил своим телом. Но шнур не поддавался. Я рукой проследил до того места, где он был придавлен, и вздрогнул. Концы разорванного провода были намертво зажаты зубами погибшего. Убедившись,

что повреждение связи исправлено надежно, хотя и очень дорогой ценой, я достал из кармана солдата документы, чтобы передать командиру. Встал и, сняв фуражку, мысленно поклялся не забыть героя. Все необходимые данные я записал себе в блокпот.

На позицию артиллерийского взвода прибыл, когда уже совсем рассвело. Гвардии старшина Агеев, глянув на мое удостоверение, кивком указал на окопчик: мол, залезай, там надежнее. Черные от усталости и пыли, с воспаленными глазами, бойцы напряженно смотрели на пригорок, из-за которого выползали фашистские танки.

— Один, два... пять... — считал Агеев жестким голосом, потом бросил считать и сам встал за орудие. Страх в его глазах я не заметил, не было и растерянности.

Высоко подняв голову и покусывая нижнюю губу, Агеев смотрел поверх щитка на врага. Этот совсем еще юный командир, казалось, принял очень важное для себя решение и теперь только ждал, когда можно провести его в жизнь. А танки двигались грозной смертоносной силой, и, признаться, я пожалел, что у меня нет даже гранаты. Я совершенно беспомощен перед врагом. В окопе осыпалась и содрогалась земля. Агеев стоял у пушки чуть пригнувшись, чтобы лучше видеть противника сквозь прицел.

Мне даже в окопе жутко стало. Внушаю себе мысль: это от того, что безоружен, что не участвую лично в схватке с врагом. Там, у пушки, надежнее и об опасности думать некогда. На всякий случай прижимаюсь к стенке окопа...

Земля гудит под гусеницами. «Чего же он не стреляет?» И словно в ответ прогремел выстрел. Как удар бича. Осторожно выглядываю из окна. Головной танк завертелся на месте и задымил. Остальные продолжали двигаться вперед. Агеев в упор расстрелял вторую машину. Навстречу третьему не успел развернуть пушку. Едва отскочил сам. Танк прошелся по орудию, вмял его в землю. Рядом разорвался снаряд. Наводчик соседнего орудия еще смог крикнуть: «Старшина, сюда!» — и упал смертельно раненный. Агеев наклонился над ним. И тут же бросился к пушке. Выстрела я не расслышал. Увидел лишь, как гитлеровский танк окутался чадным пламенем. На этот раз старшина реагировал молниеносно. Танк, пытавшийся зайти на пушку справа, получил пробоину. Нервы у фашистов не выдержали, они начали отходить...

Оттерев рукавом почерневшей гимнастерки мокрый лоб, Агеев прыгнул в окоп. Долго глядел вслед уходящему врагу, все так же по-мальчишески покусывая верхнюю губу.

— Товарищ капитан, — обратился он ко мне, с трудом разжимая пересохшие губы. — Водички нету?

«Как это я сам не догадался предложить!» — сетовал я, подавая тяжело дышавшему артиллеристу свою фляжку.

Взвод понес тяжелые потери. Но больше на этом направлении гитлеровцы атаковать не решились. Теперь в окопе Агеева я почувствовал себя в безопасности и решил заняться корреспондентскими делами. Предстояло написать и срочно послать в редакцию материалы о танкистах, о связисте и еще об этих отчаянных артиллеристах, свидетелем подвига которых мне довелось быть.

Петра Афанасьевича Трайнина я встретил только на третьи сутки. Правда, до этого справлялся о нем в политотделе 150-й танковой бригады. Мне рассказали, что его экипаж уничтожил восемь вражеских машин. Однако и танк Трайнина подбили. Его подкараулил стоявший в засаде «тигр» и начал расстреливать в упор. Это были критические минуты. Неприемлемая гибель грозила всему экипажу. Но старшина, как всегда, не потерял самообладания. Он продолжал вести неравный бой и тогда, когда его танк был неподвижен, а командир и наводчик получили ранения. Прежде всего Трайнин эвакуировал раненых товарищей в безопасное место, а затем вернулся в танк и вместе с заряжающим продолжал вести огонь по гитлеровцам. Он подпускал их на близкое расстояние и расстреливал наверняка. Стрелял хладнокровно, уверенно и метко. Но вот тяжело ранен и заряжающий. Пришлось и его перетаскивать из танка в глубокую воронку от бомбы, оказывать ему первую медицинскую помощь.

И снова вел бой, пока машина не вспыхнула.

Трайнина выручило глубокое знание военного дела: он умел не только искусно водить танк, но и метко стрелять из орудия и пулемета, держать радиосвязь, командовать экипажем — как это ему не раз приходилось делать в боях на Днепре.

Вспоминая тот бой, Петр Афанасьевич смущенно рассказывал:

— А что делать? Тот, кто остается жив, сражается до конца. И за себя, и за товарищей. Таков закон фронтового братства. Когда командира и наводчика тяжело ранило, я решил перенести их в безопасное место. Не оставлять же в танке, который стал мишенью для врага? А потом мы с заряжающим вернулись в машину. Гитлеровцы, полагая, что экипаж погиб, перестали стрелять по нашему танку. Ходовая часть его была повреждена, но пушка оказалась в порядке. Боезапас тоже был. Почему же не продолжать бой... Я сел к прицелу. Пригодилось приобретенные между делом навыки наводчика... Нам удалось тогда подбить еще несколько фашистских танков.

Потом Трайнину пришлось выбираться из загоревшейся машины и продолжать драться уже как пехотинцу.

И вдруг он увидел выходящую из боя задним ходом нашу «тридцатьчетверку». В чем дело? Почему танк так страшно отстывает? Такого никогда еще не бывало. Тем более и отступать-то некуда: позади Днепр. Опытный глаз механика заметил, что машина движется несколько необычно, будто в ней нет водителя. Не долго думая, Трайнин забрался внутрь танка и увидел, что все члены экипажа убиты. Освободив себе место за рычагами управления, Петр Афанасьевич остановил танк, вынес из него погибших товарищей, а потом повел грозную машину в бой. Вслед за ним поднялись пехотинцы. И наши подразделения снова продвинулись вперед.

Несколько дней спустя на имя командира танковой бригады пришла телеграмма от командующего фронтом генерала Н. Ф. Ватутина: Петру Афанасьевичу Трайнину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Следующая моя встреча с отважным земляком произошла через полмесяца, когда на груди Петра Афанасьевича, словно капля днепровской воды на солнце, лучисто светилась пятиконечная Золотая Звезда Героя.

Освобождал Трайнин правобережную Украину, Киев, сражался за Польшу, Германию. В составе отдельной Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Хмельницкого 150-й танковой бригады 18 мая 1945 года в Чехословакии он вел свою машину в последний бой.

После войны Петр Афанасьевич снял погоны и вернулся в совхоз на узбекской земле, где в 1926 году впер-

вые сел на трактор. Теперь он возглавил бригаду механизаторов. Это был тот же фронт — боевой, тяжелый. Все приходилось начинать сначала, почти с нуля. Не хватало ни механизаторов, ни тракторов. Многое пришлось пережить бывшему фронтовику. В 1948 году за получение небывалых в тех местах урожаев его снова наградили — теперь золотой медалью Героя Социалистического Труда.

Но это все было потом. А в тот день, возвратившись в редакцию и сдав материал в очередной номер, я с нетерпением начал просматривать последние номера газеты «За честь Родины», где должны были напечатать переданные мною корреспонденции. Вот первая — о переправе танков через Днепр. Вот — об артиллеристах. Даже о поварах напечатано. А о связисте нет. Но внимание мое привлёк портрет и подпись под ним, сделанная на основе моей большой корреспонденции. Здесь всего лишь несколько слов о том, что смертельно раненный связист Сергей Васильев не в силах соединить концы провода, зажал их зубами и тем самым дал командованию возможность по телефону корректировать огонь наших батарей.

С возмущением бегу к редактору. Неужели же о таком подвиге нельзя сообщить подробнее? Однако на ходу читаю небольшое стихотворение, помещенное под портретом, и останавливаюсь. Стихи написал друг погибшего, которому я передал документы связиста. Здравый смысл побеждает: ну конечно же, эти, даже несовершенные стихи предпочтительнее моей корреспонденции!

...И он сказал по телефону:

— Точка.

Я к вам дойти, наверно,

Не смогу.

Черкните письмецо

Отцу, жене, сыпочку,

Что я погиб

На правом берегу... —

Связной умолк.

Оп, может, сам не знал,

Что этот провод

С битвой за Днепрополь

Навеки имя вонна

Связал.

Прочтится время.

Будут песни лучше.

Я этот стих сложил

Взамен венка.
Его подхватит Днепр
И понесет, могучий,
И подвиг воина
Прославит на века.

Я окончательно успокоился. Редактор, как всегда, поступил правильно....

Сражение за Букринский плацдарм продолжалось днем и ночью. Вскоре я вновь переправился через Днепр. Теперь уже без всяких происшествий по хорошо налаженной понтонной переправе. Задание у меня было простое: регулярно высылать в газету из района боев заметки, корреспонденции и очерки о героях Правобережья.

ТАНКИСТЫ МЕНЯЮТ МАРШРУТ

Я еще надеялся повидаться с Трайниным и Агесвым, продолжить их боевую биографию. Но в середине октября фронтовые пути-дороги неожиданно увели меня совсем в другом направлении.

...До понтонного моста я добрался на попутной машине. Шофер взял здесь груз и уехал обратно. Мне же предстояло ждать, кто сможет перебросить меня через реку на плацдарм.

Уже стемнело, когда я подошел к переправе. Понтонный мост через Днепр действовал бесперебойно. Правда, гитлеровцы непрерывно обстреливали его, и саперам часто приходилось менять поврежденные понтоны. В основном движение шло в одну сторону — на запад. Туда двигались танки, самоходные орудия, машины с боеприпасами и продовольствием.

Я немало удивился, когда увидел шедший мне навстречу танк. За ним лязгала гусеницами вторая машина. Регулировщик заученным движением отмахнул им флажком направление. Я насчитал десять машин. Рота!

— Куда они? — поинтересовался у регулировщика. — В ремонт, что ли?

— Да нет, — ответил тот. — Вроде здоровые. В ПАРМ их брата тягачи волокут, вправо. А эти своим ходом идут и влево забирают. Но наше дело солдатское: отмахну дать в нужном направлении, и все. А кто и куда спешит, разве учтешь. Вот вы, товарищ капитан, который раз

па правый берег перебираетесь. А потом обратно. Машину я вам останавливаю, а с какой целью вы туда-сюда, словно челнок, снуете, этого я не знаю. Спроси кто, не скажу.

Регулировщик остановил подходящую на его взгляд машину, я уселся в кузов и минут через пятнадцать был уже на плацдарме.

Своих знакомых — танкистов — я застал на месте, но за странным занятием. В укрытиях они паскоро сбивали фанерные танки. Накидывали на них маскировочные сети.

— Что случилось, ребята?

— Удваиваем свою огневую мощь, — шутили бойцы. — Видите: стоял тут один танк, а теперь два. Второй деревянный, по с воздуха разве разберешь. А Гитлер шибко нами интересуется: с утра до вечера его самолеты-разведчики над плацдармом висят. Правда, гоняют их наши. Но те стараются светлое время для фотосъемки предельно использовать.

Неподалеку стояли артиллеристы. И они удваивали, утраивали число пушек, затаскивая в капониры бревна, фанерные щитки, укрывая их маскировочными сетями. Командиры подразделений придирчиво проверяли качество маскировки.

Под утро рассредоточенно, одно за другим, танковые, артиллерийские и минометные подразделения снялись с занимаемых позиций и переправились на левый берег Днепра. На командных и наблюдательных пунктах остались лишь дежурные связисты, продолжая вести интенсивные переговоры.

На Левобережье танки укрылись в лесу и простояли, не шелохнувшись, весь день. Я считал, что мне повезло. Люди были более или менее свободны, охотно вступали в беседу, рассказывали о форсировании Днепра и боях за Букринский плацдарм. Одно беспокоило: не ясно, куда пойдет армия. Пытаюсь выяснить это у командиров. То же не знают: маршрут им объявляется только до промежуточного пункта.

Зашел на командный пункт армии. Но и там, даже знакомые офицеры, те, у кого я постоянно получал информацию, ничего сказать не смогли. Начальник оперативного отдела сам допытывался у авиаторов:

— Как там, на плацдарме?

— Все в порядке, — отвечали ему. — Наши разведчики летали. Никаких перемен.

Все более или менее прояснилось, когда наступили сумерки. Соблюдая строжайшие меры маскировки, танкисты начали движение вдоль линии фронта на север.

«Значит, направление главного удара меняется, — про себя думал я. — Предстоят бои где-то севернее Киева»... Начальник политотдела пригласил меня в свою машину.

— Пока знакомься с людьми, — сказал он. — Пополняй свое досье. В скором времени танкисты себя покажут.

Всю ночь мы тряслись по ухабам и кочкам. Но я не жалел об этом. Надеялся, что события, которые последуют за этим скрытым переходом, все окупят. К утру, преодолев за ночь более ста километров, подразделения армии достигли Десны и укрыли танки в лесу. Казалось, что они проведут здесь такой же день, что и накануне, и у меня будет возможность поговорить именно с теми, кого в период наступления днем с огнем не сыщешь. Но все сложилось по-иному. Первый же командир роты, к которому я обратился, извиняясь, сказал:

— Мипуты свободной не выберу. И бойцы все в расходе. Давайте как-нибудь в другой раз. Или ночью. А сейчас день короткий, светлого времени в обрез. Нам срочно машины готовить надо, а пакли подвезли мало, где-то добывать придется.

Слова эти удивили меня. Если готовить машины к ночному походу, то при чем тут пакля. Однако когда я вместе с командиром роты прошелся по расположению танкистов, то заметил, что они имели дело именно с паклей. Старательно заделывали паклей и ветошью, пропитанной солидолом, все отверстия и щели в танках. Выхлопные трубы удлиняли специально припасенными брезентовыми рукавами. Вскоре мне стало ясно, что танкисты готовятся к новому форсированию реки, на этот раз вброд. Танки пойдут под водой по дну реки.

Как говорят, нет худа без добра. Не удалось мне побеседовать с танкистами — героями недавних боев. Но зато я буду свидетелем первого в мире форсирования массами танков крупной водной преграды вброд, по дну реки. Можно сделать отличный репортаж. И я пошел разыскивать командующего 3-й гвардейской танковой армией генерала Рыбалко П. С.

Разговор наш начался издалека. О подвигах танкистов

на Букринском плацдарме, о новых Героях Советского Союза, появившихся в армии.

— Да,— с гордостью говорил Павел Семенович.— Героев у нас прибавилось. Но и то сказать: люди научились воевать. Теперь любая задача им по плечу. Вот готовим новинку. Думаем пустить по одной танк, а целую бригады по дну реки под водой.

Я воспользовался хорошим настроением командарма, спросил:

— А можно об этом написать?

— Ни в коем случае! — нахмурился генерал. И добавил: — Ни звука.

Как я потом узнал, генерал очень встревожился не столько появлением корреспондента (журналистов в войсках любили), сколько моим настойчивым стремлением написать о новом, необычном форсировании водной преграды. Он даже обсуждал с начальником политотдела вопрос о том, как бы меня нейтрализовать. Но начальник политотдела успокоил его, сказал, что газетчики народ дисциплинированный и военную тайну хранить умеют.

Между тем экипажи усиленно колдовали у своих машин. Когда командиры подразделений доложили о готовности, решили испытать сначала один танк. Машина медленно вошла в реку, скрылась под водой. Потянулись минуты томительного ожидания и тревоги. Вскоре пушка, а затем и вся башня оказалась над водой. Сердито урча, танк, сбрасывая с себя ил и воду, вышел на противоположный берег. Началось массовое форсирование реки. Им успешно руководили офицеры, передавая команды экипажам с помощью переговорных устройств.

Командарм Рыбалко молча выслушал доклады офицеров о ходе переправы. Он не отошел от реки до тех пор, пока не убедился, что все машины на том берегу. Тогда легко вскочил на бронею своего танка, спустился в люк и сказал механику-водителю:

— Все, брат! Трогай!

И опять всю ночь механики-водители в кромешной тьме вели машины, пока не достигли Днепра. Небольшая передышка, и новое, четвертое по счету, форсирование...

Так за двое суток подразделения, бригады и механизированные корпуса армии генерала П. С. Рыбалко оказались на Лютежском плацдарме, который находился

севернее Киева, в районе населенных пунктов Старые и Новые Петровцы.

После того как наши передовые части, стремительно вырвавшись к Днепру, смело, не дожидаясь тяжелых понтонных средств, форсировали реку в районе Лютежа, началась, как и несколько дней раньше на Букрине, жестокая, упорная борьба за удержание и расширение плацдарма.

Гитлеровцы сосредоточили здесь довольно сильную группировку войск. Их оборона имела глубину до 14 километров и состояла из нескольких позиций, оборудованных густой сетью траншей, ходов сообщения, блиндажей и дотов. Все это дополнялось плотной системой огня, которая опиралась на заранее подготовленные огневые позиции артиллерии, минометов и пулеметов. И местность, изобилующую оврагами и высотками, противник искусно применил для целей обороны.

Основная тяжесть борьбы на Лютежском плацдарме легла на войска 38-й армии, которой к тому времени командовал генерал К. С. Москаленко.

Двенадцатого октября редактор газеты вызвал меня и приказал отправиться в части этой армии. Перед отъездом он советовал, как лучше организовать работу на новом месте.

— Нас прежде всего интересуют те подразделения и отдельные бойцы, — говорил он, — которые проявляют смелость, воинское мастерство, высокий наступательный порыв. И обрати внимание на связь с редакцией. Самый гвоздевой материал ничего не будет стоить, если он опоздает.

В тот же день я прибыл на командный пункт 38-й армии. Меня принял член Военного совета генерал-майор Алексей Алексеевич Епишев, долго и обстоятельно беседовал со мной. Генерал, только что вернувшийся с Лютежского плацдарма, рассказал о сложившейся там обстановке, об особенностях боев на правом берегу, о наиболее отличившихся частях и подразделениях.

— А как думаете добраться на правый берег? — спросил он. И тут же распорядился, чтобы меня подключили к офицерам штаба, направляющимся на плацдарм в район села Старые Петровцы.

— В случае необходимости, — сказал он, — пользуйтесь нашими линиями связи. Присылайте корреспонден-

цию вместе с политдонесениями. А мы уж пойдем возможность быстро переадресовать ее в редакцию.

Обстаповка в районе Лютежского плацдарма во многом напоминала Букрин. Фашистская авиация ни на минуту не покидала воздушное пространство над Днепром, сбрасывая в реку и на ее окрестности сотни тонн смертоносного груза. Переправа подвергалась интенсивному артиллерийскому и минометному обстрелу. Однако, имея уже некоторый опыт боев на Правобережье, я чувствовал себя здесь увереннее и смелее.

Офицер оперативного отдела штаба армии, с которым мы добирались на правый берег, рассказал мне, что боевые действия войск 38-й армии за расширение Лютежского плацдарма с каждым днем носят все более ожесточенный характер. Противник предпринимает отчаянные попытки сбросить советские подразделения в реку или хотя бы задержать их продвижение вперед.

Тяжелые, многодневные бои развернулись на подступах к населенному пункту Старые Петровцы. Гитлеровцы заранее подготовили этот рубеж к обороне. Они соорудили здесь своего рода двухъярусный эскарп. За ним в лесу тянулись блиндажи и пулеметные площадки, густая сеть траншей и ходов сообщения. Отсюда враг имел возможность просматривать и держать под огнем все пространство, вплоть до реки.

— Брать Старые Петровцы в лоб невыгодно, — объяснил мне офицер штаба. — Это — лишние потери. Решили опробовать иной вариант. Против деревни осталось одно подразделение, остальные, прикрываясь ночной темнотой, пошли в обход.

Маневр принес успех. Советские воины бесшумно приблизились к позициям врага, затем с криком «ура» ворвались в его оборону, выбили фашистов из первой линии окопов и закрепились в них.

Подразделение офицера Поцыкайло, куда мы, переправившись через Днепр, добрались ночью, в жесточайшем бою овладело важной высотой и окраиной Старых Петровцев.

— Сейчас организуем круговую оборону, — докладывал Поцыкайло офицеру штаба. — Закрепляемся на занятых позициях. Вперед высланы наблюдатели. В кустах

и складках местности организованы засады пулеметчиков и автоматчиков.

Вскоре под прикрытием артиллерийского и минометного огня гитлеровцы пошли в контратаку. Подразделение Поцыкайло не только успешно ее отразило, но даже само продвинулось вперед, оседлав шоссе к Киеву, ведущую к Киеву. Опасаясь окружения, гитлеровцы поспешно отступили. Наши воины захватили пять исправных фашистских орудий со снарядами и тут же повернули их против врага.

Мне казалось, что теперь бой за Старые Петровцы выигран. Но на следующий день обстановка осложнилась. За ночь гитлеровцы подтянули свежие подразделения и ввели в действие танки, самоходные пушки, шестиствольные минометы.

До вечера не прекращалось ожесточенное сражение. Восемь контратак предпринял враг. Около ста вылетов совершили его самолеты, бомбя наши позиции. Но и этот бешеный напор советские воины выдержали.

Тут же поступил приказ атаковать вражеские позиции, полностью овладеть селом. Первыми ворвались в Старые Петровцы с юга и заняли центральную часть бойцы офицера Стратейчука. С севера гитлеровские позиции атаковали подразделения офицеров Ванина и Тихолова. Удар советских воинов был настолько решительным и неожиданным, что фашисты не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Свыше трехсот гитлеровцев было уничтожено, многие пленены. Мы захватили склады с боеприпасами и другим военным имуществом.

Взятие села Старые Петровцы во многом улучшило положение наших частей, находившихся на правом берегу Днепра. Теперь появилась возможность более или менее свободно маневрировать. И, как результат, вслед за взятием Старых Петровцев танкисты генерала Кравченко, воспользовавшись замешательством врага, перешли в решительную атаку и заняли другой его опорный пункт — Новые Петровцы.

Так, шаг за шагом, ломая сопротивление противника, советские воины неуклонно шли вперед к Киеву.

...Подразделение старшего лейтенанта Околенова, в которое я попал от Поцыкайло, удерживало только что отбитую у врага высоту. Она господствовала над всей ок-

ружающей местностью, и гитлеровцы не могли примириться с ее потерей: пошли в контратаку. Пьяные, во весь рост бежали они к высоте. Подпустив их поближе, бойцы открыли огонь. Контратака врага захлебнулась.

Вскоре гитлеровцы повторили контратаку. Вместе с пехотой они бросили в бой несколько танков. Фашистское командование рассчитывало бронированными машинами сломить сопротивление горстки советских бойцов. Но и на этот раз их попытки вернуть высоту не увенчались успехом.

Слова на несколько часов стало тихо.

Вместе со старшим лейтенантом Околеловым, высоким, стройным и с виду медлительным человеком, мы осматривали окопы, проверяли, все ли люди на местах, подбадривали, советовали, как дальше действовать. Мы пристально всматривались в лица бойцов.

Вот Иван Вдовытченко. Скромный, тихий паренек. Никогда не повысит голоса. Худощавый и внешне слабосильный. Его окоп находился на западном скате высоты. Когда мы проходили мимо, Вдовытченко, отложив саперную лопату, деловито пересчитывал гранаты.

— Как жизнь, Иван? — спросил старший лейтенант.

— А что жизнь? Живу, как и все, жду лучшего, — опустив руки, ответил Вдовытченко.

Меня поразили его глаза — ясные, светлые, улыбающиеся. В них словно отразились и голубизна Днепра, и синь неба. Но в них и гнев, в них ярость, с которой не раз смотрел Иван на черные кресты гитлеровских танков, уничтожая их всюду, где бы они ни появлялись.

— Недавно его принимали в комсомол, — заметил Околелов, когда мы отошли. — Тоже отвечал вот так: живу, как все. А только я чувствую, что он не такой уж спокойный. Много силы скрыто в этом паренке.

Услышав этот весьма лестный отзыв командира, я остался на огневой позиции. Захотелось посмотреть, как Иван Вдовытченко будет действовать в бою.

Вскоре началась очередная контратака гитлеровцев. На высоту выползали фашистские танки. Наши броней бойщики открыли по ним огонь. Стрелки начали бросать гранаты. И только Иван Вдовытченко почему-то медлил.

«Маловато наших, — невольно подумалось мне. — И как подарляюще велики угловатые бронированные грома-

дины врага. И, на беду, поблизости у нас нет артиллеристов».

А танки приближались.

Иван оглянулся на товарищей, как бы говоря им, что не подведет. Вот головной вражеский танк, вырвавшийся вперед, уже устремился к его неглубокому окопу. Наверное, сейчас взоры гитлеровских тапкистов сосредоточились на своей ведущей машине. Они даже поотстали немного, словно для того, чтобы лучше видеть, как тяжелые гусеницы переднего танка начнут впRESSовывать в песок русского солдата.

Заткнув за пояс несколько грапат, каким-то неуловимым движением дотронувшись до левого кармана гимнастерки, где хранился совсем недавно полученный комсомольский билет, Иван прыжком выскочил из окопа и рванулся навстречу вражеской машине.

Подумать только: человек и тапк. Какие несравнимые величины! Танк — грозная, огнедышащая, движущаяся крепость. Пули ему ниномем и штык не страшен. Да и гранатой его не всегда возьмешь: с дальней дистанции не попадешь, а подпускать близко — опасно. Если даже и попадешь, то нет гарантии, что он будет подбит — не всякое место у него уязвимо. А какая в нем сила! Разве может сравниться с ним обыкновенный человек?

Но Вдовытченко, видно, думал о том, что обязательно надо одолеть это бронированное чудовище.

Они уже почти рядом: человек и танк!

Сейчас, сейчас он бросит гранату!

Почему же не бросает!

Почему медлит?!

Вот-вот стальная громадина обрушится на человека и раздавит его.

И вдруг все — и даже наши враги — замерли: человек со связкой грапат бросается под танк. Раздался оглушительный взрыв.

Когда черный дым начал рассеиваться, бойцы увидели, как уцелевшие вражеские танки стали поворачивать, спускаться со склона, уходить, гонимые предчувствием своей неминуемой гибели.

Если один смог такое, то сумеют и остальные!..

Я посмотрел на подошедшего ко мне старшего лейтенанта: он стоял во весь рост, бледный, суровый. Стоял, как у могилы друга, в крепкой руке мял свою пилотку.

Вскоре Ивану Вдовытченко было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Мстя за смерть своего однополчанина, бойцы, уцепившиеся за песчаный край отмели, мужественно отбивали яростные атаки гитлеровцев. Враг не смог их ни выжечь огнем, ни уничтожить минами и снарядами, ни бомбами «юнкерсов».

Борьба шла за маленький клочок земли на Правобережье, борьба напряженная, кровавая, борьба не на жизнь, а на смерть. И хотя гитлеровское командование подтягивало сюда новые части, хотя было видно простым глазом, как «тигры» и «фердинанды» ползут по лысым прибрежным высотам, готовясь к контрудару, никто не сомневался в том, что этот маленький клочок земли на правом берегу уже не будет отдан врагу.

В попытках вернуть утраченные рубежи гитлеровцы по-прежнему возлагали большие надежды на свои танки. Поэтому особая ответственность ложилась на наших артиллеристов, бронебойщиков, минеров-охотников (так их называли на Правобережье), на истребителей танков.

Значительная роль в борьбе с танками врага принадлежала пехоте. Гранаты, бутылки с горючей жидкостью в руках отважного пехотинца — грозное оружие. Нужны только отвага и умение. И надо правильно выбрать позицию, глубже зарыться в землю, поуже рыть щели, поближе подпускать вражеские танки и наверняка разить их. Поначалу не все это, к сожалению, понимали. Поэтому из редакции постоянно напоминали: побольше материала об отважных бронебойщиках, об истребителях танков, о пехотинцах, основное оружие которых в борьбе с танками — гранаты и бутылки с горючей смесью.

Несмотря на сложные условия, наши части успешно отбивали контратаки противника, день за днем решительно и планомерно продвигались вперед. Совинформбюро коротко сообщало о боях на этом участке. Но за каждой скупой фразой оперативной сводки скрывалась титаническая борьба героев Днепровской переправы. Местность здесь как бы специально была создана для испытания воинского искусства, стойкости, силы, ловкости и мужества советских воинов. Пески, озера и речки, болота и леса, высоты и овраги — все это приходилось с тяжелыми боями преодолевать воинам.

ВАЖНО, ЧТОБЫ В НОМЕР...

В те годы среди военных журналистов было популярным стихотворение о военном корреспонденте, особенно такие строки:

Жив ты или помер,
Важно, чтобы в номер
Материал успел ты передать...

Но даже в самые напряженные дни боев на Днепре газета получала материал не только от своих штатных корреспондентов. Редакция стремилась сама вызвать поток писем, печатала анкеты, вопросы. Это позволяло на конкретном материале широко показывать героiku фронтовых будней, повседневно разъяснять основные требования, предъявляемые к защитникам Родины.

«Как ты выполняешь присягу?» — с таким вопросом в самый разгар Днепровской битвы обратилась газета к воинам в специальном письме, разосланном во все подразделения фронта.

«Как ты выполняешь присягу?» — необычный вопрос из редакции. Его задавала своим сыновьям сама Родина-мать. Отвечая на него, воин как бы вновь становился перед присягой, перед совестью своей и проверял себя: все ли он сделал для защиты Родины, все ли средства и возможности борьбы с лютым врагом использованы, что еще нужно сделать, чтобы скорее очистить родную землю от гитлеровской нечисти.

Прошло несколько дней, и в ответ на обращение газеты стали поступать солдатские письма преимущественно с правого берега, где, не утихая, шло великое сражение, где дрались отважные герои Днепра. В те дни все жили одной мыслью: скорее вперед — освободить Киев, Украину, всю советскую землю. И вчерашние тихие, несмелые парни становились бесстрашными воинами, совершали в бою чудеса героизма. О них из номера в номер рассказывала газета.

Мы, разъездные корреспонденты, возвращаясь с передовых позиций, привозили с собой статьи и заметки, сделанные по горячим следам событий, очевидцами и участниками которых были сами. В редакции требовали одного: чтобы в номер, чтобы быстрее.

Но не только о героях приходилось писать. В семье, говорят, не без уroda. Встречались и в наших рядах по-

рой жалкие трусы, клятвоотступники. Имя одного из них Андрей Смирнов. Он сам прострелил себе кисть руки, чтобы уклониться от боя.

...Идет суд. Смирнов стоит перед строем своих вчерашних товарищей. Серое лицо его неподвижно, безжизненно, видимо, трусость и предательство отбирают право на жизнь, на ее радость. Не верилось, что эти остановившиеся, тусклые глаза были когда-то наполнены светом и улыбкой. Шинель, уже без погон, точно вдавлена в плечи: будто страх перед возмездием сплюснул дрожащее тело. Казалось, что Андрея Смирнова и бойцов разделяет не обычное пространство земли, а пропасть презрения. И хотя, слушая суровый приговор, никто не шелохнулся, пропасть эта углублялась, становилась непреодолимой.

Андрей... Какое гордое имя!.. Сколько героев в истории России прославили его подвигами!

А сколько Смирновых носит на груди ордена и медали Родины!

Статья о клятвоотступнике Смирнове, напечатанная тогда во фронтовой газете, читалась и перечитывалась. Бойцы клеймили труса позором, рассказывали о своих товарищах, об их подвигах, о младших братьях, готовящихся пополнить ряды защитников Родины, о старших братьях — народных мстителях, о своих отцах и дедах, с честью носивших звание воина. Письма разворачивались в панораму всенародного мужества, в картину стойкости, ставшей традицией, в величественную эпопею всеобщей борьбы за славу родного Отечества.

«Мне думалось, — писал молодой солдат Пазмисп, — что пуля или снаряд для всех одинаковы. Тут уж ничто не поможет — ни храбрость, ни ловкость, ни опыт, ни мастерство. Но стоило побывать в одном лишь бою, как я увидел, что дело обстоит далеко не так... Вечером нас известили, что к утру будем наступать на деревню. Не скрою, чувствовал я себя неважно. Нет-нет да и пробежит дрожь по телу. И так всю ночь... Вот и рассвет. Вдруг меня вызывает комбат и говорит: «Связным будешь у меня. Главное в этом деле — быстрота и смелость. Тебе подойдет».

В одной из рот порвалась связь. Получил я первое боевое задание. Бегу. Всюду валяются убитые гитлеровцы. Некоторые еще стонут. Карабин у меня наготове. Гляжу, из-за кустика поднялся на колено фриц и наводит автомат. Как жаром дохнуло вдруг. Какое-то странное чувст-

во обладало мною в этот миг. Я прыжком к кусту. «Стой! — кричу. — Бросай оружие!» Фашист от неожиданности так оторопел, что выронил из рук автомат. Привожу пленного в штаб. Командир говорит: «Молодец, «язык» мне очень нужен».

Это было первое крещение молодого солдата. В тот же день Назмиев совершил новый подвиг. Когда гитлеровцы сильным огнем преградили путь нашей роте, он отправился в очередной «рейс» для выяснения обстановки. Плотнo прижавшись к земле, полз вперед.

«Вижу, что-то чернеет и вокруг слегка пыль вздымается, — рассказывал далее в письме Назмиев. — Подползаю ближе — окоп. Немцы строчат из пулемета и автоматов. Расстояние до них небольшое, метров двадцать. Подымаюсь на колено и бросаю гранату. Как только раздался взрыв, я — к окопу. Граната попала удачно. Из четырех гитлеровцев в живых ни одного не осталось. Поворачиваю пулемет и кричу своим: «Вперед! Путь свободен!» В этом бою я понял: смелый и умелый всегда победит, потому что храброго боец бьется и со страху бьет не целясь».

Так на обыденных примерах, простым языком газета доводила до сознания воинов ту мысль, что отвага и храбрость рождаются в бою, в повседневном, упорном воинском труде.

Мои соратники — журналисты — писали о героях боев. Без волнения невозможно было читать о танкисте Кулагине, подорвавшем гранатой себя и набросившихся на него вражеских автоматчиков; о летчике Слабкове, направившем свой горящий самолет на груженный боеприпасами эшелон гитлеровцев; о славных делах капитана Мудрова, сбившего в воздушных боях лично двадцать четыре самолета противника и восемь — в группе с другими летчиками... Свои материалы корреспонденты посылали с нарочными, передавали их по телеграфу, торопились, чтобы они непременно попали в помер: ведь о том, что произошло сегодня, завтра солдаты прочитают в газете.

ПЕРЕД РЕШАЮЩИМ БРОСКОМ

История не знала битвы, по масштабам, смелости и стремительности равной сражению за Днепр. Чаще всего такие водные преграды преодолевались путем захвата мо-

стов и переправ. Даже в первую мировую войну Днепр был форсирован немецкими войсками лишь на небольшом участке и в условиях отсутствия противодействия со стороны русских. В начале Великой Отечественной войны фашистская армия, используя временные преимущества своего вероломного нападения и перевес в технике, не столько форсировала, сколько обошла с северо-запада наиболее широкое среднее и нижнее течение Днепра.

Совершенно в иных и в несравненно больших масштабах приходилось преодолевать Днепр нашим воинам в сентябре и октябре 1943 года. Советская Армия форсировала эту реку на фронте протяженностью свыше 600 километров, и в ее наиболее широких многоводных местах — в районе Киева, Кременчуга, Днепропетровска. В руках врага к тому же находился возвышенный западный берег, который гитлеровское командование заранее и прочно укрепило.

Днепр был крупнейшим естественным оборонительным рубежом на всем театре советско-германского фронта от Балтийского до Черного моря. Недаром оборону на Днепре немцы пазывали «великим восточным валом» и были уверены, что здесь их отступление закончится, что больше они не сделают ни шагу назад: немецко-фашистским войскам был дан приказ любой ценой удержать правый берег Днепра.

Советские воины сорвали эти намерения врага. С неслыханным героизмом и мастерством они успешно форсировали Днепр, создали плацдармы на его западном берегу, расширили их и развили затем широкие наступательные операции на сотни километров в глубь Украины.

Впереди лежал Киев. К нему были обращены все помыслы советских воинов. К этому сводились все разговоры и дела солдат и офицеров.

Я в те дни исколесил вдоль и поперек Лютежский плацдарм, повидался и поговорил со многими героями битвы за Правобережье, многих видел в бою. Но одного сержанта-бронбойщика, о котором ходили легенды, встретить не удавалось. И в тот день, как это часто случается, опоздал я самую малость.

— Вчера ранен, — сказали мне в роте. — Отправили в госпиталь.

Встреча эта была мне очень нужна, и, спросив разрешение редактора, я отправился во фронтовой госпиталь.

Бронбойщика удалось найти и выяснить интересовавшие меня моменты его биографии, а также восстановить некоторые детали недавнего боя.

Особенность сражения на плацдарме в первый период состояла в том, что фашисты успели подвести танковые части. В наших же войсках танков почти не было. И вся тяжесть борьбы с бронированными полчищами врага падала на пехотинцев, на немногочисленную противотанковую артиллерию и бронебойщиков.

Отослав в редакцию очерк о сержанте-бронебойщике, я не устоял перед просьбой командования госпиталя остаться посмотреть концерт художественной самодеятельности.

Концерт давался силами постоянного состава госпиталя. Участвовали в нем и те из раненых, кто уже выздоравливал. Совсем еще молоденькая девушка-санитарка, волнуясь, читала стихи. Солидная женщина-врач приятным баритоном сыграла «Синий платочек». Им аплодировали, на глазах у многих солдат я заметил слезы.

Затем, опираясь на костыли, вышел сержант из выздоравливающих.

— Я прочту вам, — сказал он, — новое стихотворение Демьяна Бедного «Седой паш Днепр».

Читал он ровно, спокойно даже, как мне показалось, несколько буднично. Но именно от этого выразительность стиха непонятным образом усилилась. Может быть, способствовала этому злободневность его, прямая связь с тем, о чем думали, к чему стремились сейчас солдаты.

Седой наш Днепр нам не преграда
И не ограда для врага.
Для победителей отрада —
Отчистить от гнилого смрада
Его святые берега!
Днепр — в новой силе, в новой славе —
В места, где вражеской ораве
Грозы смертельной не отвесь,
О богатырской переправе
Несет ликующую весть!
Отважно овладев стремниной
Родной прославленной реки,
Исполнены отваги львиной,
Правобережной Украиной
Идут советские полки!
То, взяв в охват простор раздольный,
Через леса и пустыри

Идут победно в город столичный
Былинные богатыри!

Когда сержант закончил чтение и прошел с импровизированной сцены в «зал», то есть попросту сел на свою койку, к нему обратился мой недавний собеседник — броневойщик:

— Слушай, браток, где ты раздобыл эти стихи? Прямо за душу берут.

— Где? — удивился сержант. — Да ты, я вижу, отстаый. Газеты читать надо! Они в нашей фронтовой опубликованы.

— Браток, — попросил броневойщик. — Будь другом, дай мне эти стихи. Я видел, они на бумажке у тебя переписаны. А меня на плацдарме фашист так прижимал к земле, не до газет было.

Броневойщик спрятал бумажку со стихотворением под подушку, наклонился к сержанту:

— Всю жизнь удивляюсь, как поэты наши мысли угадывают. Вот ведь Демьян Бедный и на плацдарме не был и в атаку с нами не ходил, а сказал все по-нашему, по-солдатски. Нет, я эти стихи сохраняю. Я их еще бойцам на том берегу почитаю.

А концерт продолжался. Звучали песни русские и украинские. И пели их не первоклассные артисты, а девчонки в белоснежных халатах. Еще не привыкшая к необычной роли солистки, смущаясь под благодарными взглядами бойцов, девушка-санитарка пела:

По-за Днепром
Весенний гром,
Широкие раскаты...
Цветет земля,
Лежат поля,
Холмы да перекаты.
Здесь ветер пел,
Огонь летел,
Металось в поле пламя.
И за рекой
Суровый бой
Гредел над берегами.

В песне этой чувствовалось дыхание Родины, виделись ее просторы. Она звала в бой, напоминала о пройденном пути. Об этой минуте мы мечтали давно. Еще в Прикаспии, в мертвых песках, засасывавших орудия по самый замок, виделась хлопцу-паводчику нарядная зелень милого при-

дпопровского кургана, и, как живую, видел он ветку вербы, заботливо склонившуюся над орудийным стволом. Даже под огненным ливнем, почти стиснутый объятиями смерти, сапер, державший волжскую переправу, думал о том, что придется еще наводить мост на Днепре.

— Когда погоним фашистов с Украины...

— Если доведется быть в Киеве...

— Вот придем к Днепру...

Разве не с этого начинались тысячи сокровенных солдатских разговоров за годы огромного напряжения и ожидания.

И вот пришло солдатское счастье — идти с боями по желанной земле Украины, гнать врага с родной земли. Уже освобождены Харьков, Сумы, Конотоп, Полтава. Уже преодолен Днепр — рубеж, казавшийся действительно неприступным.

Но нет препятствий для тех, кто видел сожженный Сталинград и Воронеж, Переяслав и Борисполь, сотни уничтоженных гитлеровцами городов и сел. Нет препятствий для тех, кто глядел в глаза осиротевшим ребятишкам, чуял сердцем тоску обездоленных матерей и овдовевших жеп. Нет препятствий для тех, кто отстоял Москву и Ленинград, кто победил на Дону и Курской дуге. В огне боев были рождены сотни тысяч героев...

Только за подвиги на Днепре, в районе Киева, несколько сот бесстрашных воинов были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В центральных газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. С лихорадочной поспешностью пробегаю его строчки, надеясь найти знакомые фамилии. Так и есть, предчувствие не обмануло меня. Конечно же, наши славные ребята, те, о которых я писал с плацдарма, получили звание Героя. Как хочется разыскать сейчас Петра Трайнина, Ивана Семелова, Василия Сысолятина, сердечно поздравить их с высокой наградой Родины.

Столбики Указа для меня не простой перечень имен. Со многими из названных людей я встречался, многих видел в бою. Всего же за успешное форсирование Днепра высшей награды были удостоены около двух тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов. Десятки тысяч были награждены орденами и медалями Советского Союза. Эти цифры указывали на огромные масштабы боев.

Награды Родины вдохновили воинов фронта. Перед решающим броском на столицу Украины — Киев боевой дух солдат был высок, как пикогда.

ДАЕШЬ КИЕВ!

Весь октябрь и первые дни ноября части и соединения 1-го Украинского фронта продолжали успешные бои. Удерживая и расширяя правобережные плацдармы, советские воины все дальше теснили врага от Днестра, метр за метром приближались к Киеву.

Надвигались решающие события. Это чувствовалось и по настроению бойцов. На башнях танков экипажи писали белой краской: «Даешь Киев!»

Накануне, отправляя меня в войска, редактор показывал:

— Не отставайте от движения частей, от узлов связи. Ждем оперативных сообщений о героях дня. Если удастся побывать в Киеве, передайте первое впечатление о встречах с киевлянами.

Я удивился:

— Товарищ полковник, как же мне в Киев попасть! Разве на самолете.

— На войне всякое бывает, — успокоил меня редактор. — Я на всякий случай и говорю. Чтобы знал, как поступить, если изменится обстановка.

Редактор, конечно, был информирован лучше меня. Но я тоже кое о чем догадывался и поспешил на правый берег Днестра. В такие моменты лучше всего быть поближе к передовым частям: наверняка первым узнаешь о всех важнейших переменах на фронте.

На рассвете 3 ноября меня разбудил начальник политотдела дивизии, в штабе которой я остановился.

— Вставай, корреспондент, — тормошил он. — А то наши части в Киев войдут, а ты все спать будешь.

Я вскочил.

— Киев взяли? Когда? — А в голове пронеслась мысль: такой промашки редактор, конечно, мне не простит.

— Киев — точно. Не взяли еще, — улыбнулся полковник, — но скоро возьмем. Это уж наверняка.

Когда я немного успокоился, он рассказал, что получен приказ командующего фронтом о переходе в решительное

наступление на Киев. В приказе подчеркивалась историческая миссия войск фронта, которым выпала великая честь освободить столицу Украины и спасти ее жителей от гнета фашистских оккупантов.

Собрался я быстро. Выпил кружку горячего чая. И вот с майором, заместителем командира батальона по политической части, шагаю по глубокой траншее. Пробираемся мы в одну из правофланговых рот, только вчера выбившую фашистов со склона высоты и теперь закрепившуюся на отвоеванной позиции. Последние сто метров ползем, плотно прижимаясь к земле. Светлая дорожка трассирующих пуль почти приблизилась к нам, когда мы свалились в траншею.

— Здравствуйте, товарищи! — весело сказал майор сбившимся в кучку бойцам. — С праздником вас!

— До праздника еще четыре дня, — ответил один из бойцов. Он имел, конечно, в виду 7 ноября — 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

— Значит, об Обращении Военного совета фронта еще не слышали, — заключил майор. — Сейчас я все вам расскажу. Сержант! — распорядился он. — Проверь, чтоб не ослабляли наблюдения за противником. И собери людей.

Майор рассказал об Обращении Военного совета, в котором говорилось, что борьба за Киев является борьбой за Украину, борьбой за полный разгром фашистских захватчиков и изгнание их из пределов советской земли. Командование призывало солдат и офицеров к тому, чтобы в бою не щадить ни сил, ни крови своей, ни самой жизни, смело окружать и уничтожать врага.

«Боевые друзья! — читал майор строки Обращения. — В боях с врагами вы показали величайшие примеры отваги, мужества и героизма. Грудь многих из вас украшена орденами и медалями. Около тысячи бойцов, сержантов, офицеров и генералов нашего фронта удостоены высшего звания — Героя Советского Союза. Вы разгромили врага на Дону. Вы разбили фашистские дивизии под Белгородом. От Дона до Днепра вы победно прошли сквозь пламя и лишения войны. Вы героически форсировали Днепр и подошли к стенам великого Киева».

Военный совет призывал воинов «окружить вражеские войска, громить и брать их в плен. Тех, которые не сдаются, беспощадно уничтожать, всех до одного».

— Правильно! — отзывались бойцы.

— Верно! Хватит им топтать нашу землю!

— Выполним!

Искренне, от души сказано. Я и раньше не раз слышал такое перед боем и видел, как люди, сказавшие эти слова, становились в бою героями.

Решительный штурм вражеских укреплений, расположенных непосредственно у Киева, предстояло начать на рассвете 5 ноября при активном содействии авиации, танков, артиллерии и минометов.

Тревожно-радостной была та последняя ночь перед наступлением. Советские воины, не смыкая глаз, с болью в сердце, с надеждой и верой в победу обращали свой взор в сторону Киева.

Город горел. Все небо над ним было багровым от пожара. Гитлеровцы, чувствуя, что им не удержать Киева, решили превратить его в развалины, сжечь. Пламя над столицей Украины высоко поднималось в небо. В ночных сумерках виднелись очертания Софийского собора, силуэт Дома Украинского Советского правительства, прямые улицы столицы...

Части и соединения получили приказ ускорить подготовку к наступлению. Военный совет фронта в специальном Обращении к войскам призывал поспешить на выручку киевлянам.

«Дорогие товарищи красноармейцы, сержанты и офицеры! — говорилось в Обращении. — Большая честь выпала вам! Родина, советский народ требуют нанести сокрушительный удар по врагу, сломить оборону противника, разгромить гитлеровских разбойников и освободить от фашистских захватчиков родной Киев.

Товарищи! Перед нами Киев — мать городов русских, колыбель нашей Родины. Здесь много веков тому назад зародилась наша могучая Русь. Здесь с оружием в руках отстаивали от врага свободу и независимость русского и украинского народов наши отцы и матери, наши деды и прадеды.

Веками рос, развивался и креп прекрасный Киев — центр политической и культурной жизни украинского народа — народа Богдана Хмельницкого и Тараса Шевченко. Фабриками и заводами, театрами и институтами, школами и садами украсился Киев за годы Советской власти.

И вот наш родной исторический город — столица Советской Украины более двух лет находится в кровавых ла-

пах... Уже 25 месяцев фашистские разбойники издеваются, грабят и убивают мирных советских граждан, сжигают и уничтожают киевские фабрики и заводы, прекрасные здания и зеленые улицы, глумятся над памятниками и могилами борцов нашей священной земли.

Дрожь пробегает по телу, кровью обливается сердце, неугасимая ненависть горит в груди от этих злодеяний гитлеровцев. К героическим подвигам, к самоотверженности в бою призывает нас великий Киев.

К мужеству, к отваге и храбрости призывает нас многомиллионный советский народ.

Могучей, неодолимой лавиной идет наступление Советской Армии по всему фронту, от Балтийского до Черного моря. Уже освобождены города Мелитополь, Днепропетровск, Днепродзержинск, Смоленск, Невель. Ведутся успешные бои за Витебск, за Советскую Белоруссию, за Кривой Рог, за Каховку, за Перекоп, за Крым, за Одессу.

Освободим же и мы наш родной исторический город Киев от фашистских варваров и людоедов!»

К бою готовились обстоятельно. Командиры и политработники, коммунисты-агитаторы разъясняли бойцам поставленную задачу, рассказывали о противнике. Я был свидетелем многих таких бесед. Собрав в землянке бойцов взвода, агитатор — бывалый воин, коммунист — рассказывает об особенностях предстоящих боев. При наступлении на Киев придется прорывать глубоко эшелонированную оборону противника и ломать сопротивление отборных гитлеровских войск. Тут главное действовать смело, решительно. В городе же помнить о гранате — малой артиллерии.

День и ночь артиллерийские разведчики изучали вражеские укрепления, вскрывали систему огня и вели прицельную стрельбу орудий по выявленным целям. В их действиях было немало поучительного, и естественно, командование рекомендовало мне побывать у артиллеристов. Я принял это предложение и впоследствии не раскаялся в своем решении. Пребывание у артиллеристов позволило мне познакомиться с очень интересным человеком, бесстрашным офицером — лейтенантом Афанасием Шилиным. Частично от него, а больше от его товарищей узнал я тогда о необычайном его подвиге, совершенном при форсировании Днепра.

...Темной ночью офицер Шилин, будучи начальником

разведки артиллерийского подразделения, с несколькими наблюдателями и радистами поплыл на лодке вслед за пехотинцами через Днепр. Противник обнаружил подход десанта и открыл огонь. Разбитая снарядам лодка начала тонуть. Шилин приказал бойцам покинуть лодку и добираться до берега вплавь. Он плыл вместе со всеми. Прежде чем приступить к выполнению задач артиллериста-корректировщика, он в рядах пехотинцев штурмовал вражеские укрепления, отвоевывая плацдарм на Правобережье Днепра.

Весь день шел ожесточенный бой. Советские стрелки вместе с переправившимися артиллеристами мужественно отбивали все наскоки гитлеровцев и удержали занятый рубеж. Вечером фашисты предприняли очередную контратаку. К этому времени Афанасий Шилин установил радиосвязь со своей батареей и передал первые сведения о противнике. Артиллеристы метким огнем накрыли группу гитлеровцев, накапливавшихся в лощине для новой контратаки. Но обнаружить удалось не все. Шилин напряженно всматривался в вечерние сумерки, выискивая вражеские цели. Вот новое скопление гитлеровцев. Тут же переданы по радиации координаты. Противнику был нанесен немалый урон. Однако отдельные его группы проникли так близко к нашим позициям, что стрелять по ним стало опасно: можно поразить своих. Что делать? Оставить их в покое? Нет, этого допустить нельзя! Раздумывать долго не приходилось. Гитлеровцы вот-вот поднимутся в очередную контратаку и забросают наши окопы гранатами. «Нет, нет и нет! — стучало в сознании Шилина. — Врага надо уничтожить во что бы то ни стало!» В этот критический момент Афанасий Шилин решительно вызывает огонь батареи на себя...

Несколько минут раздавались артиллерийские выстрелы, взрывы снарядов да бушевало пламя. Опасность нового гитлеровского штурма наших позиций, на которых находилась горстка солдат, была ликвидирована. Сам Шилин уцелел лишь чудом.

За этот подвиг Афанасию Петровичу Шилину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В горячие дни подготовки к переходу в наступление Шилин пропадал на переднем крае, в траншеях боевого охранения, выискивал и наносил на карту огневые точки врага.

Пока артиллеристы делали свое дело, саперы в буквальном смысле прощупывали каждый метр местности перед передним краем, где могли быть минные заграждения, готовили проходы для пехоты и танков.

Связисты еще раз проверяли радиостанции и проводные телефонные линии.

Танкисты дежурили у машин, ожидая сигнала к наступлению.

Поздним вечером связной привел меня в землянку к саперам. Солдаты пригласили поужинать вместе с ними.

Саперы — народ интересный, и мы проговорили далеко за полночь, не заметили, как время пролетело. А вскоре начали возвращаться бойцы, уходившие за передний край на разминирование.

— Ну, как? — спросил сержант у бойца, черного то ли от загара, то ли от пыли, покрывшей лицо. — Тихо?

— Все в порядке, — ответил тот. — Не ждут они нас тут. Смирно сидят.

— Вот корреспондент интересуется, — кивнул сержант на меня, — как ты работаешь? Как тебе удается пережить «черную смерть»?

Боец строго взглянул на меня. Он снял шинель, и я заметил на гимнастерке орден Ленина и Золотую Звезду Героя.

— Как работаю? — переспросил он. — Обыкновенно. Сапер, говорят, ошибается один раз. Выходит, я пока не ошибался.

В землянку ввалился командир роты из соседней стрелковой части.

— Привет, братья-саперы! — улыбался он. — Пришел узнать, дорожки вы для нас сделали?

— Не пыли, пехота, — ответил сержант. — Проходы обозначены, как надо. К тому же проводников дадим. Одну группу сам поведу, другую — Володя. — И он кивнул на бойца, который пришел вместе с ним. — Вот закусим немного, и в путь. Хочу вашим на месте все показать.

Лейтенант поблагодарил саперов. От чашки горячего чая отказался.

— Так я вас ждать буду, — сказал он. — Не заплутае-те?

— Нет. У сапера глаза, как у кошки. По почам чаще работаем.

Меня устраивал новый попутчик, и я решил вместе с

лейтенантом перейти к стрелкам. Сначала шел за ним следом, ничего не разбирая в ночи. Потом глаза привыкли к темноте. Прыгнув в траншею, лейтенант шагал по ней, тихонько окликая бойцов.

— Прохоров? Ты? Все готово?

— Все, товарищ лейтенант.

Я заметил, что в траншее и в ямках бойцы подготовили ступеньки, чтобы удобнее выскакивать наверх, когда дадут сигнал атаки.

— Товарищ лейтенант, — обратился к командиру роты пожилой скуластый боец с глубоко запавшими глазами на изрезанном морщинами лице, — как там, какие новости? Скоро ли фашиста из Киева вышибать будем?

— Теперь уже скоро, — ответил лейтенант. — На рассвете начнем.

— Я этого часа три года жду, — продолжал боец. — Семья там у меня под ворогом. Жинка и дочка малая. Олечка. Не знаю, живы ли? А если живы, то не побьет ли их вражина, пока мы тут собираемся? Слухи идут, что вешает, расстреливает гадюка киевлян, рушит город.

— Что ж слухи, — сказал лейтенант. — Слухи, конечно, всякие бывают. А нам и так видать — горит Киев.

— Вот и я говорю, — отозвался боец, — поспешать надо.

Подошел молодой высокий сфрейтор. Лица его не разглядеть. Только глаза сверкают в полутьме. Голос басовитый, простуженный.

— Никогда я не был в Киеве, — вступил он в разговор. — А сейчас смотрю, сердце кровью обливается. Невинных людей вражина губит. Так и полетел бы на выручку.

— Скоро, скоро уже, — успокоил бойцов лейтенант. — Гранаты все получили?

— Это есть, — сказал пожилой боец. — С запалом.

Приближался рассвет. Вот-вот река возвестит о начале атаки. И тогда наши траншеи вмиг опустеют. Бойцы уйдут вперед. Пора и мне подумать о средстве передвижения. А то застряну в тылу и ничего не увижу, а значит, и ничего не напишу.

Командир роты, отлучившийся на минуту, вернулся с танкистом. Им оказался механик-водитель. Он пришел познакомиться с местностью, договориться о взаимодействии с пехотой. Танк его стоял в ложине неподалеку. Я отправился с танкистом. Вскоре связной привел меня в зем-

ляпку к командиру 5-го гвардейского танкового корпуса генералу Кравченко.

С Андреем Григорьевичем Кравченко мы встречались еще в боях за Косторное зимой 1943 года, потом воевали на Курской дуге. Было приятно вновь увидеть старого знакомого. Он слыл командиром смелым и решительным. В корпусе, кажется, не было ни одного танкиста, который не знал бы Андрея Григорьевича в лицо. Не раз генерал вместе с ними лично принимал участие в прорыве вражеских укреплений, ходил в атаки, совершал дерзкие рейды по тылам противника.

Кравченко узнал меня сразу.

— А, корреспондент, — повернулся он ко мне всей своей мощной фигурой. — В самое время прибыл. Я думаю, основной разговор у нас будет после боя. А сейчас обеспечу тебя транспортом, чтобы ты не остался в обозе, когда наши двинут.

Генерал поручил офицеру штаба найти для меня место в одной из боевых машин. А сам, извинившись, вернулся к прерванному моим появлением разговору с начальником штаба. Всякий раз при встрече с Кравченко меня удивляла его огромная сила воли и убежденность в победе. В любой, даже самой сложной обстановке, он не терялся, спокойно оценивал положение, принимал обоснованные решения и стремился провести их в жизнь. Его суждения и советы всегда выглядели убедительными. Так было на Курской дуге, при форсировании Днепра. Таким он выглядел и сейчас — перед решающим сражением за Киев!

Я спросил комкора, как он оценивает боевой дух солдат, их готовность к решительным действиям.

— Танкисты рвутся в бой, — сказал генерал. — Пепел сожженных гитлеровцами городов жжет им сердце. И как бы ни сопротивлялись фашисты, но и на этот раз им не устоять перед нашим напором.

Комкор и начальник штаба долго еще уточняли детали предстоящего сражения. Беспокоились о связи, об устойчивом взаимодействии с пехотинцами и артиллеристами.

Мы с офицером штаба стояли возле командирского танка. Едва брезжил рассвет. После гула артиллерийской канонады наступила минутная тишина. В небо взвилась ракета. Взревели моторы танков. Из-за леска донеслось дружное «ура».

— Пошли! — сказал офицер. — Скоро и нам в путь,

Последние его слова потонули в грохоте взрывов. Стреляла наша артиллерия, били танки, дробно стучали автоматы. Наступление наших войск началось. Уже к восьми часам утра войны 167-й дважды Краснознаменной Сумской стрелковой дивизии при поддержке танкистов 5-го гвардейского корпуса выбили противника из его опорных пунктов и овладели шоссеиной магистралью. Успешно продвигались 180-я и 240-я стрелковые дивизии, которыми командовали генерал-майор Ф. П. Шмелев и полковник Т. Ф. Уманский. Их передовые подразделения все ближе подходили к столице Украины.

Старший лейтенант Ищев с наблюдательного артиллерийского пункта осматривал поле боя, выбирая наиболее важные цели. Его внимание привлекло облако пыли, клубившееся у самого Днепра. Вскоре он различил и угловатые коробки танков. Контратака! Во фланг!

Десятки вражеских танков атаковали наши боевые порядки. Старший лейтенант Ищев приказал выкатить орудия на открытую позицию. Ударили по врагу батареи старшего лейтенанта Новопашина и лейтенанта Стародубцева.

У орудия сержант Чуриков. Он волнуется только до первого выстрела. Ждать всегда томительно. Но вот выстрел, и фашистский танк задымил. Вторым снарядом Чуриков подбил еще одну машину. Гитлеровцы попятились в лес и, разделившись на две группы, снова пошли в контратаку. Несколько танков двигались на огневые позиции, занятые батареями лейтенанта Стародубцева. Лейтенант сам стал у орудия и первым выстрелом поджег неприятельский танк. Две машины уничтожили командир орудия сержант Бреев и наводчик рядовой Залевдинов. Четыре танка подбил сержант Сальников. В этом бою только на участке наших двух батарей противник потерял шестнадцать машин и вынужден был откатиться назад.

В полдень в окопчик к артиллеристам свалился запыхавшийся боец.

— Свежие газеты принес, — отдышавшись, объявил он.

Сальников развернул газету. Это был еще пахнущий типографской краской номер «За честь Родины». На первой полосе газета призывала: «В бой, товарищи! В бой, богатыри Днепра! Освободим Киев от фашистских захватчиков». В передовой статье «За Киев!» говорилось о бессмертных подвигах героев Москвы, Сталинграда, Воронежа,

Курской дуги, Днепровской переправы. Теперь разгорался бой за Киев, за сердце Украины. Через древний Киев лежала дорога победы. Через Киев пронесут советские воины священное знамя свободы, знамя великого Ленина!

Узнав о событиях, разыгравшихся на левом фланге наступающих, я поспешил к артиллеристам. Хотелось поговорить с героями, узнать подробности боя, написать о них.

Ночь прошла беспокойно. Ушли взрывы бомб и снарядов, порой совсем рядом раздавалась тревожная дробь автоматов. Всю ночь гитлеровцы предпринимали яростные контратаки, стремясь нащупать слабые места в боевых порядках наших войск. К утру натиск противника усилился, атаки его участились.

...Едва успел рассеяться утренний туман, как на горизонте показалась большая группа вражеских танков. Артиллеристы моментально привели к бою орудия и терпеливо стали поджидать врага. Батарея гвардии лейтенанта Мухина первой на этом участке открыла огонь по фашистским танкам.

Вместе с командиром орудия гвардии сержантом Ереминым я сидел в небольшом окопчике на огневой позиции.

— Лезут, дьяволы! — зло сказал Еремин. — Пощады им не будет. Не для того мы освободили родную землю, чтобы вновь отдавать ее врагу на поругание.

Он рывком выскочил из окопчика, подбежал к орудию. Заряжающий подал снаряд. Выстрел. Снаряд угодил в танк, пытавшийся зайти на батарею с фланга. Машина закрутилась на месте. Этот уже отвоевался. Ясно: подбита гусеница.

Обнаружив нашу батарею, гитлеровцы открыли по ней огонь. Снаряды рвались на огневой позиции, черный дым застилал все вокруг, разъедал глаза, мешал прицельной стрельбе. Расчет сержанта Еремина не отходил от орудия. Едва успевали разворачивать пушку навстречу врагу. Норовили ударить в боковую броню. Это не всегда удавалось. Когда бой затих и уцелевшие фашистские танки уползли по ложине в ближайший лесок, гвардии сержант Еремин насчитал пять машин, подбитых только его расчетом.

Дорого обошлась фашистам их вылазка. Еще шесть вражеских танков сожгли в этом бою артиллеристы батареи, которой командовал гвардии младший сержант Сабодоха. Другая наша батарея во главе с гвардии лейтенантом Мухиным уничтожила 15 танков и до 150 гитлеровцев.

Из редакции я получил замечание: почему пишете только о танкистах и артиллеристах? Где войны других родов войск? Что делают пехотинцы, летчики? Это, конечно, моя промашка. Сам танкист, не мог преодолеть в себе симпатий к этому роду войск. К тому же танкисты и действовали активно. А на артиллеристов в те дни пала основная тяжесть борьбы с вражескими танками. Так думал я, пытаясь как-то оправдать одностороннее освещение сражения. И, конечно, был неправ. Каждый род войск выполнял свои функции. Стоило мне ознакомиться с политдонесениями, как я увидел новых героев среди пехотинцев, летчиков, связистов. Против танков мотострелки успешно применяли «карманную артиллерию» — гранаты, бутылки с горючей смесью. Авиаторы-штурмовики успешно бомбили пехоту и танки противника.

Все, казалось, идет по плану. Уверенный в успехе, смело шагаю в батальон, который, как мне сказали в штабе дивизии, занимает господствующие над местностью высоты. И вдруг встречаю отходящие войска. «Видно, перебрасывают часть сил на другой участок фронта», — подумал я. Но выскочивший из лесочка пожилой сержант остановил меня:

— Стой! Куда? Жить надоело? Впереди немцы! Ложись!

Оказалось, что противник, подтянув моторизованные и танковые дивизии, решил попытаться контратакой с юга, во фланг, смять наши боевые порядки. Ему удалось на узком участке создать большое численное превосходство и несколько потеснить нас. В образовавшуюся брешь гитлеровцы незамедлительно бросили пехоту и танки.

Вернувшись снова в штаб дивизии, я застал там знакомого мне офицера оперативного отдела штаба фронта. Он охотно ввел меня в курс оперативной обстановки.

— Вот здесь, — пояснил он, тыча карандашом в карту, — противник вклинился в расположение наших войск. Сейчас готовится удар по флангам у основания этого клина. Думаю, что к утру положение улучшится. Инициатива перейдет к нам.

Прогноз офицера штаба оказался осторожным. Все произошло быстрее. Совместными усилиями танковые, артиллерийские и пехотные подразделения нанесли фашистам серьезное поражение и отбросили их на прежние позиции.

В последующие часы гитлеровцы еще несколько раз

пытались контратаковать. Однако все их попытки сломить на этом участке упорство и стойкость советских воинов неизменно терпели поражение.

Офицер штаба фронта пригласил меня в свою машину, и мы поехали вслед за наступающими частями. Вскоре выскочили на дорогу. Стемнело. По шоссе с зажженными фарами шли танки. Машины с автоматчиками в кузовах тоже двигались при полном свете фар. Как выяснилось, двигались подразделения стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Мельников, и танки из корпуса генерала Кравченко.

Я удивился: разве можно так демаскировать себя!

— Ничего, — ответил офицер штаба. — Пусть видят нашу силу. Скорее сдадутся.

И действительно, мощная ночная танковая атака подействовала на противника ошеломляюще. Боясь окружения, вражеский гарнизон Києва, раздробленный на части и лишенный централизованного управления, стал в панике разбегаться. Артиллерия ударила по отходящим. Дороги на Белую Церковь и Житомир оказались забитыми исковерканной вражеской техникой.

Батальон выбил противника, вышел к шоссе. Майор Филиппов приказал обойти группу вражеских автоматчиков и плеснуть или уничтожить ее. Посланные бойцы вскоре вернулись. Они принесли с собой документы гитлеровских солдат, отказавшихся сдаться. Внимание командира батальона привлекли карточка-амулет и дневник, пайдепные в мундире одного из солдат. «Фриц Бах», — прочитал он в солдатской книжке и спрятал ее в планшет. Вспомнил о ней, когда мы вечером встретились на командном пункте батальона.

— Вот посмотри, — сказал комбат, — что тут фашист записывал.

Я взял карточку-амулет. Прочел: «Счастье будет вам всегда сопутствовать и поможет подняться вверх. Вам суждена счастливая жизнь. Но сначала вы совершите большое путешествие, которое приведет вас в чужие страны. Там вы встретите вражду, но все преодолеете и благополучно вернетесь домой. Вы сохраните бодрость до глубокой старости и будете качать на коленях своих внуков».

Фриц Бах слепо поверил, что амулет принесет ему счастье, и отправился в разбойничий поход на Россию. В январе 1943 года он оказался под Воронежем и как разбой-

ник прошел сотни километров по нашей земле. И всюду насиловал, грабил, убивал. Он считал, что предсказания амулета оправдываются. Ведь там говорилось: «Вам суждена счастливая жизнь. Но сначала вы совершите большое путешествие, которое приведет вас в чужие страны...»

Вскоре однако для фашиста начались черные дни. Советская Армия разгромила под Воронежем несколько гитлеровских отборных дивизий. В дневнике Фрица Баха появляются краткие записи:

«21.1.43. Отступление от позиций северо-западнее Воронежа.

25. 1. 43. Тяжелые бои при отступлении.

28. 1. 43. Обморожение северо-западнее Воронежа».

Незадачливый гитлеровский вояка попал в лазарет, потом снова на «страшный» Восточный фронт:

«2.9.43. Отступление в Тутино.

7. 9. 43. Жестокий бой за деревню. Отступление.

12. 9. 43. Хоронили обер-лейтенанта Фукса. Ночью спаслись бегством с позиций. Сидим в дыре. Встать! Идем назад».

А дальше записи стали еще более лаконичными:

«13.9.43. Отступление.

14.9.43. Отступление.

16. 9. 43. Бежим.

18.9.43. Отступление.

22. 9. 43. Прибыли в Киев...

Битый «путешественник» мечтал отдышаться и прийти в себя. Однако это фашисту не удалось. Советская Армия, к его ужасу, форсировала Днепр.

Четвертого октября Фриц Бах сделал свою последнюю запись: «Большой боевой день. Ранено и убито две трети...»

Запись оборвана на полуслове. Бандит из Франкфурта-на-Майне, как и многие тысячи других гитлеровских головорезов, нашел свою смерть под Киевом.

Я посоветовал майору Филиппову отправить карточку-амулет и дневник Фрица в политотдел дивизии. Там найдут возможность его использовать.

— Так и сделаю, — сказал майор. — А пока нас ждет лесной массив. Приказано прочесать его.

Бой в лесу потребовал от каждого командира и солдата исключительной маневренности и быстроты действий. В лесу, как известно, сектор наблюдения намного уменьшается. Здесь надо продвигаться осмотрительно, но без за-

держки, не давать врагу опомниться и закрепиться. Этого и требовал майор от командиров рот. Подразделение за полтора часа с боями преодолело расстояние в восемь километров.

Дальнейшее продвижение задержала группа гитлеровцев с танками и самоходными орудиями, которая прикрывала шоссе на дорогу. Майор Филиппов решил обойти противника и достигнуть опушки леса в районе озера, оставив фашистов у себя в тылу. Совершив этот сложный маневр, бойцы тут же организовали оборону и подготовились к решительному удару по гитлеровцам, занимавшим окраину города.

В это время батальон, возглавляемый капитаном Котельниковым, тоже вел бой с противником. Стремительными действиями его солдаты потеснили гитлеровцев на восток от наших боевых порядков и тем самым обеспечили связь своего подразделения с тылом полка.

Майор Филиппов по радио доносил, что выставил на открытые фланги автоматчиков и готов атаковать западную окраину Киева. Командир полка поставил батальону конкретную задачу — совместно с танками и артиллерией выйти на Житомирское шоссе и преградить гитлеровцам пути отхода.

Стремительное продвижение наших войск под Киевом заставило нас, корреспондентов газеты, двигаться быстрее, чтобы не отстать от событий.

О высоких темпах нашего продвижения я написал в очередной корреспонденции, рассказал, как в районе населенного пункта Дегтярь фашистское командование бросило против одного нашего подразделения четыре зенитные батареи, а привести в действие не успело. Они были захвачены нами без единого выстрела. Противник в бою за Киев потерял в несколько раз больше живой силы и техники, чем наши войска. Только бойцы майора Филиппова захватили 12 зенитных и 5 противотанковых пушек, несколько десятков пулеметов и много другого вооружения, не понеся при этом почти никаких потерь.

Закончив статью, я посчитал, что загладил свою вину перед редакцией: написал в основном о пехотинцах. Теперь предстояло позаботиться о том, как доставить материал в редакцию. К счастью, подвернулся связной-мотоциклист. Я разъяснил ему, в чем дело. Он охотно взялся выполнить мою просьбу, доставил статью в редакцию, и

вскоре ее напечатали на первой странице фронтовой газеты.

Наиболее тяжелые бои за Киев развернулись на последнем оборонительном рубеже гитлеровцев Приорка — Пуца Водица. Они, по существу, и определили исход Киевской операции. На правом берегу среднего течения Днепра этот бой начали подразделения генерала Мельникова. При активном содействии танкистов генерала Рыбалко они обрушились на оборонительную линию врага, стремительным напором сломили его сопротивление и стали быстро продвигаться в южном направлении. Вскоре заняли опорный пункт Святошино, перерезав таким образом шоссе — дорогу Киев — Житомир. Это лишило гитлеровцев главной артерии, по которой они подбрасывали подкрепления гарнизону города и вывозили награбленное имущество.

И вот мы едем по местам недавних боев, видим сотни вражеских орудий, раздавленные нашими танками в лесу у Пуцы Водицы. Десятки фашистских танков, как павшее воронье, торчат обгорелыми остовами у Приорки и Святошино.

В образовавшийся прорыв устремились другие наши воинские части. Основные же силы дивизии в это время повернули на восток и повели наступление по шоссе — дороге непосредственно на Киев. Фашисты панически бежали в город, надеясь впоследствии удрать по юго-западным дорогам. Наше командование быстро разгадало замысел противника и приняло все меры к тому, чтобы немедленно перерезать дорогу, идущую на Фастов — Белую Церковь. Пытаюсь уточнить, кто выполняет эту задачу.

— Танкисты под командованием гвардии полковника Якубовского, — отвечают мне.

О смелом и талантливом командире Иване Игнатьевиче Якубовском, ныне Маршале Советского Союза, я в ту пору слышал уже не раз. Хотелось повидаться с ним, написать о нем. Очень боялся, что не успею побывать у танкистов: слишком стремительно развивались события. Догнал их лишь в Фастове, где они вели ожесточенные бои против превосходящих сил противника.

Гитлеровское командование все еще пыталось спасти катастрофическое положение и удержать за собой город. Оно перебросило из тыла две свежие дивизии — танковую и моторизованную. Однако и эта попытка закончилась крахом. Наши части упредили противника и, не дав ему

возможности закрепиться на заранее подготовленных рубежах, разбили его на подступах к Киеву.

Вечером 5 ноября наши передовые подразделения ворвались в предместье Киева. Вместе с танкистами вступили в город и мы, корреспонденты фронтовой газеты.

Всю ночь шли ожесточенные бои в самом городе. Дом за домом, улицу за улицей очищали советские воины от гитлеровцев. Наступавшие с севера подразделения 38-й армии проникли в центр.

На угловом здании улиц Кирова и Крещатика один из бойцов мелом написал: «24.00. Первым вошел батальон Якушева. Да здравствует Советская Украина!»

В полночь группа автоматчиков во главе со старшиной Н. П. Андреевым пробилась к зданию, где до оккупации Киева гитлеровцами помещался Центральный Комитет Коммунистической партии Украины. Над домом взвилось красное знамя.

«Прорвавшись к центру города, на Крещатик, — вспоминал позже бывший командир взвода автоматчиков младший лейтенант Г. П. Саморуков, — мы в 24.00 вышли к угловому дому, у которого с фасада по обеим сторонам находились два льва. Бойцы стали делать надписи на стенах домов, на ограде и прямо на тротуаре. Сейчас трудно вспомнить, кто именно делал надписи, но мне запомнилось, что писал командир роты старший лейтенант Гуськов».

От танкистов узнал, что первым на Крещатик ворвался танк Никифора Шелуденко. Начинаю выснять, кто такой Шелуденко, расспрашивать его друзей-однополчан.

Оказывается, на берега Диспра он пришел бывалым, закаленным воином. Его путь лежал через Дон, Сейм и Десну. Родом Шелуденко из села Лебедевка, что недалеко от районного центра Высшая Дубечня. Это Украина. Знакомые и милые с детства места. В канун решающих боев за Киев он побывал в родном селе, встретился с матерью. Почти все село было сожжено фашистами, а имущество однопосельчан разграблено. Уничтожена школа, в которой Никифор учился. Куча пепла да головешек — все, что осталось от родительского дома. Престарелая мать ютилась в наскоро вырытой землянке. Во многих семьях от рук гитлеровцев погибли близкие.

С тяжелой думой и душевной болью покидал Шелуденко родное село: огонь священной мести жег его сердце,

звал в бой. «Скорее в танк, за рычаги! Никакой пощады фашистским извергам!» — с такими чувствами, полный решимости и отваги, вернулся Шелуденко в танковую часть которой выпала честь первой вступить в столицу Украины. И когда командир перед боем спросил, кто поведет головную машину, Шелуденко попросил:

— Разрешите мне! Я коммунист...

Сорок минут неумолчно была советская артиллерия, кромсая вражеские позиции, а потом в воздух поднялась армада красnozвездных самолетов. Вслед за ними на штурм вражеских укреплений пошли грозные танки, в головном — Шелуденко. Представляю, что чувствовал в этот миг танкист. Сколько раз мальчишкой бывал Никифор на этой многолюдной и красивой улице. Сейчас ему хотелось приветствовать каждый дом, каждый камень. Но, как пазло, дым, горький и густой, стоял перед смотровыми щелями танка. А гитлеровцы усиливают огонь. Откуда они бьют? Куда направить машину?

Шелуденко на мгновение открыл люк и высунулся наружу.

— Вправо, полный! — командовал он механику-водителю. — Левее, огонь!

Гитлеровцы заметили отважного танкиста, ударили из автоматов. Шелуденко успел бросить две гранаты, но сам был сражен вражеской пулей...

Рота автоматчиков во главе со старшим лейтенантом Храповым шла к центру города со стороны Днепра. Спешили. Почти бегом поднялись по широкой булыжной улице. Вот и Крещатик. Улица загромождена разбитой вражеской техникой. Видно, как с противоположной стороны на нее вышли танки. Автоматчики укрылись, думая, что это противник. Когда танки подошли ближе, Храпов узрел в них наши «тридцатьчетверки». Свои! Автоматчики появились из укрытий. Открылись люки машин.

— Эй, хлопцы, чьи вы будете?

— От генерала Мельникова!

— А мы от Рыбалко!

Бойцы обнялись.

Когда я добрался до центра города, там было ужелюдно.

Через Киев проходили танки, которыми командовали генералы Рыбалко и Кравченко, за ними — неутомимые и вездесущие пехотинцы, саперы, связисты. Появилась ар-

тиллерия. По Крещатику, по бульвару Шевченко и Брест-Литовскому шоссе, через весь город нескончаемой вереницей двигались советские войска.

...4 часа утра 6 ноября 1943 года. Столица советской Украины очищена от фашистов, дивизии преследуют отходящего противника. Мы, журналисты, остаемся пока в Киеве. Надо успеть побывать хотя бы в центральных районах города, поговорить с киевлянами, подготовить праздничный выпуск газеты. Кстати, на другой день я долго искал ее свежий номер. Так и не попал он мне в руки.

Над городом звенела песня:

...Ведя наступленье, мы вышли за Киев,
И новый открыт горизонт.

И движет все дальше полки боевые
Наш Первый Украинский фронт.

Я спросил у одного бойца, чья это песня.

— Народная! — ответил он.

— И слова пародные? — не унимался я.

Тогда боец сунул мне в руки газету:

— Вот возьмите. Тут все напечатано.

Это была наша «За честь Родины», та, которую я безуспешно искал с утра. И в ней — уже знакомая песня. Слова Александра Безыменского...

Пора догонять войска. Они устремились к Житомиру, Виннице, к нашей западной границе.

Наступление продолжалось!

Не
первая
атака

Солнце уже высоко поднялось над дымным горизонтом, когда Сергей Деревянкин, голодный, измученный, вернулся из полка, который с тяжелейшими боями форсировал Дон и занял плацдарм на его западном берегу. Надо бы хоть немного поспать, обсохнуть, поесть, успокоиться... Надо! Даже солдаты, участвовавшие в штурме вражеских позиций, после боя приводят себя в порядок, отдыхают. А он не может. Никак, ни при каких условиях. Журналистский долг требует, чтобы обо всем увиденном и пережитом было сегодня же напечатано в газете. Вся дивизия должна узнать о событиях, происшедших ночью, о наиболее отличившихся солдатах и командирах. О новой победе советского оружия.

Сергей сам это прекрасно понимает. А тут еще редактор стоит над душой и вопрошающе смотрит на него: газету, мол, уже давно надо запускать в печать, а полоса, оставленная для очерка Деревянкина, пустая. Никто же кроме тебя не напишет. Так давай садись, пиши...

Ждет машинистка, ждут наборщики, печатники, экспедитор, работники полевой почты... Ждут тысячи читателей. Все ждут, а ты медлишь.

Деревянкин с трудом разомкнул веки, взглянул на стоящих вокруг него товарищей и тяжело опустился на пенек, рядом с которым были замаскированы наборные кассы.

А ноги гудят, ломит руки, стучит в висках. Голова словно чугунная. И все же надо заставить себя вспомнить как это было. С начала и до конца. Со всеми подробностями. Во всех деталях. Надо, Сергей. Надо!

Деревянкин резко встряхивает головой, прижимает ладони к вискам, напрягает память, и перед его мысленным взором оживают картины вчерашнего дня...

I

— Батальон, смирно! — громко скомандовал старший лейтенант. Потом повернулся направо, стараясь не показывать, как болит раненая нога, и потому, ступая особенно четко, торжественным строевым шагом подошел к стояв-

шим поодаль командиру полка Казакевичу и его комиссару Мурадян.

Утреннее допское солнце скользнуло по истрепанным, по до блеска начищенным сапогам комбата. Правая нога ваныла, а Даниелян жестче рубил последние шаги и резко вскинул руку к выцветшей, лихо сидевшей пилотке:

— Товарищ подполковник! Батальон по вашему приказанию построен! Докладывает командир батальона старший лейтенант Даниелян.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравия желаем, товарищ подполковник! — дружно ответили солдаты.

— Вольно! — отдав честь, скомандовал подполковник.

— Вольно! — обернувшись к поредевшему в недавних боях батальону, по-мальчишески звонко и даже задорно крикнул комбат, знавший, как важно голосом, выправкой, улыбкой поддержать солдат.

Сам старший лейтенант Даниелян некоторое время оставался в положении «смирно», внимательно и строго глядя на бойцов, на командира роты лейтенанта Антопова, на взводного младшего лейтенанта Германа, на отличившихся в контратаке солдат Захарина, Бениашвили, Черновола. И они, уловив нечто настораживающее и в голосе комбата, и в его блестящих глазах, и в стойке «смирно», больше подтянулись. И хотя батальон не сдвинулся с места, он будто стал плотнее, точно и погибшие и раненые — все до одного заняли свои места в строю и приготовились слушать командира полка.

— Товарищи бойцы! Отважные воины!

Свою речь он начал тепло, задушевно, потому что ощутил такую слитность бойцов и офицеров с собой, такое единство, которое исключает всякую официальность. И снова он как-то уж очень доверительно и тихо сказал:

— Дорогие друзья!

От чрезмерного волнения перехватило дыхание у командира роты связи старшего лейтенанта Горохова, волнуются Антопов, и Герман, и многие солдаты.

Подполковник Казакевич вытянулся и замер перед батальоном, как перед знаменем. Точно произнося слова присяги, размеренно начал:

— В недавнем бою вы доказали, что ваш батальон стоит целого полка. Ни один раненый и убитый не упал лицом на восток, только — на запад. Вы смогли выдер-

жать то, что не смог вынести металл. Броня сплющивалась и плавилась, а вы стояли. И наш фланг, весь наш фланг устоял, потому что ваше мужество было беспримерным. Многие отличившиеся представлены к наградам. Но вы все как один заслуживаете самой высокой похвалы и высокого доверия. Спасибо вам от лица командования.

Подполковник Казакевич сделал паузу. Вытер платком вспотевшее лицо. Поправил рукой спадавшие на лоб волосы. Ему предстояло довести до бойцов смысл приказа Верховного Главнокомандующего от 28 июля 1942 года. Об этом документе в полку никто, кроме него, пока не знал.

— Но враг еще силен, — набрав в легкие воздух, продолжал командир полка. — Вы знаете, он проник к Северному Кавказу, богатому нефтью, рвется к Сталинграду, на Кубань... Отступать дальше некуда. Отступать дальше, значит погубить себя, а вместе с тем и Родину... Ни шагу назад... Таков призыв нашей великой Отчизны.

Тут политруку — корреспонденту газеты «Красноармейское слово» Сергею Деревянкину показалось, что подполковник одобрительно посмотрел и на него, тоже дравшегося южнее Воронежа и сумевшего ярко и подробно описать в своей газете замечательные подвиги товарищей. И будто угадав мысли Деревянкина, командир полка продолжал:

— Еще не смолкли выстрелы, а ваши подвиги уже вошли в историю: листки нашей дивизионной газеты будут в грядущем перечитываться, как страницы легенды. Еще раз сердечное вам спасибо! Я обнимаю вас всех, обнимаю взглядом и сердцем эту придонскую землю, истерзанную, измученную, окровавленную. Я знаю, что Родина и партия могут и впредь положиться на нас, как это бывало не раз. Они доверили нашему батальону первым начать форсирование Дона, начать переправу, чтобы обезглавить вражескую оборону на том берегу, чтобы стать первыми в грядущем всеобщем наступлении, которое будет, клянусь вам своей честью, будет! Оно не за горами. К этому мы должны быть готовы каждый день и каждый час...

Подполковник уступил место комиссару, и майор Мурадян, четко выговаривая каждое слово, как бы продолжал мысль командира:

— Партия бросила клич: «Ни шагу назад!» И мы

подхватили его. Как ни злобствовал враг, наши бойцы остались на своих позициях. Теперь близок день, когда прозвучит призыв: «Вперед!» И от того, как, — он особенно подчеркнул это слово, — как будут действовать передовые группы, зависит исход всей боевой операции. Форсировать Дон в районе Селявного — трудная, опасная задача. Мы это знаем и поэтому никому не приказываем. Нужна группа добровольцев, чтобы провести разведку боем. Я верю, что первыми будут коммунисты и комсомольцы. Но предупреждаю, что требуются не только отличные солдаты, но и отличные пловцы и даже альпинисты. Вон та гора Меловая, — он указал вдаль, где на том берегу реки возвышалась гора. — Меловая — первая точка, которую мы должны будем взять, закрепиться на ней и, господствуя над окружающей местностью, огнем прикрывать переправу. Добровольцы есть? Два шага вперед!

Когда командир роты связи старший лейтенант Горохов шагнул вперед, он увидел, что и слева и справа вместе с ним решительно вышли из строя Антопов, Гермап, Захарин, Черновол, Бениашвили и работник дивизионной газеты Сергей Деревянкин.

«Какой молодец! — подумал Горохов. — Вот тебе и газетчик, интеллигенция, так сказать. Знает, что дело смертельное, а шагнул, считай, раньше меня. Но мне-то это положено по долгу службы: кто же первый связь протянет, если не мои хлопцы... А он?»

Ефим Антопов — командир девятой стрелковой роты, шагнувший вместе с другими, повел глазами и мысленно прикинул: человек сорок, не меньше... А солдаты все выходили и выходили из строя.

Отобрали десять лучших, отобрали, учитывая все: характер, выносливость, умение плавать, преодолевать горные преграды. Комиссар Виктор Асланович Мурадян вдруг с радостью подумал, что в этой первой штурмовой группе и русские, и армяне, и украинцы, и грузины, и татары. Представители многих национальностей слились сегодня воедино, чтобы первыми начать штурм и освобождение донской земли... А почему не видно среди добровольцев Чолпонбая Тулебердиева? Уж не ранен ли он в недавнем бою, где отличился и показал себя молодцом? Такой славный парень. Хороший очерк о нем написал Деревянкин, корреспондент дивизионки...

И тут, когда батальону уже разрешили разойтись, Мурадян увидел киргиза Чолпонбая. Раскрасневшийся, обиженный, подбежал он к командиру отделения сержанту Захарину.

— Товарищ командир отделения, разрешите обратиться к командиру взвода,— прозвучал его твердый голос. И узкие брови сошлись на переносице.

— Разрешаю,— быстро отозвался Захарин, не сразу поняв, почему все так официально: ведь они же — друзья. Еще больше все удивились, когда услышали:

— Товарищ командир взвода! Разрешите обратиться к командиру роты!

Умные, большие, чуть печальные глаза Германа на миг недоуменно вспыхнули, и он улыбнулся:

— Разрешаю!

К командиру роты Чолпонбай подошел строевым шагом:

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться к командиру батальона!

Автопов любил Чолпонбая, выделял его из всех за храбрость. Сейчас он остановился и серьезно спросил:

— Очень пужно?

— Очены!

— Обращайтесь.

От командира батальона Тулебердиев направился к комиссару полка.

— Товарищ майор! За что так обижать? За что? — в голосе слышался упрек.

— Кого, товарищ Тулебердиев? Да опустите руку. Вольно! Кто вас обидел?

— Я же после смены спал — на посту ночью стоял. А меня не предупредили, не подняли. В строю я не был, когда вы говорили...

— О чем?

— О добровольцах, товарищ майор! Очень прошу!

— Поздно, Тулебердиев. Уже отобрано необходимое число солдат...

— Потому к вам и обращаюсь, товарищ майор. Несправедливо это. Неправильно. Я же клятву давал.

— Нужны пловцы, очень сильные, выносливые.

— Я плаваю хорошо! — не задумываясь, похвалился, Чолпонбай, усилием воли отстранив воспоминание о своих немногих коротких заплывах. И снова торопливо заго-

ворил: — А по горам ходить я в Тянь-Шане натренировался. Поверьте, очень прошу. Или если мне еще комсомольского билета не выдали, то и доверять нельзя?

Тут Чолпонбай действовал наверняка: ведь только вчера его приняли в комсомол. Сколько пришлось поволноваться! «Ход» с комсомольским билетом подсказала ему интуиция. И это решило исход дела.

— Хорошо, я поговорю с командиром полка, попрошу за тебя! — пообещал комиссар.

II

Ночью, перед самым рассветом, в районе Селявного группа под командованием старшего лейтенанта Николая Горохова бесшумно и быстро должна была начать переправу через Дон.

Дзоты и блиндажи, множество траншей и окопов, ряды колючей проволоки, противотанковые и противопехотные мины — все это было на том берегу, все оцетинилось, все ждало своих жертв...

Благодаря данным разведки, наше командование нащупало наиболее уязвимое место в самом, казалось бы, недоступном районе — у Меловой горы. Сюда, скрытно перегруппировав свои силы под самым носом противника, ночью была переброшена целая стрелковая дивизия. Штурмовые группы предполагалось послать через Дон вслед за первыми добровольцами.

Пока артиллеристы засекали и уточняли огневые точки противника, а танкисты изучали местность, группа, командиром которой назначен старший лейтенант Горохов, в глубокой тайне готовилась к переправе. Раздобыли, спустили на воду и замаскировали рыбацкие лодки. В плащ-палатки запихивали сено. Получались своеобразные плотики. Они выдерживали человека, а сверху можно было положить оружие и боеприпасы.

Горохов и вся его группа внимательно рассматривали в бинокль место высадки. Метр за метром изучали подступы к Меловой горе. Внимательно глядел за Дон и Чолпонбай. Все видели, все подмечали его острые глаза, словно бы он уже в лодке переплыл через Дон. Затаился в пойме, переждал. Затем начал подниматься по уступу. Нащупал ногой выбоину, подтянулся, ухватившись за

куст. Встал на камень... А потом — чуть в сторону, наискосок: там можно будет оглядеться. Ведь дзот справа в расщелине. Замаскирован. И в бинокль не разглядишь... Не сразу увидел его, этот холмик свежей земли, покрытый жухлой травой. Рядом никакого движения, словно берег вымер. Но не дураки же немцы, чтобы обпаруживать себя и свои дзоты...

Дзоты или дзот?

Горохов именно эту тропку, этот дзот наметил Чолпонбаю. Но вдруг там, за камнем, может оказаться еще дот или дзот? В бинокль не разглядишь. Да и свет в глазах дрожит от напряжения. Но чудится, что ли: синеватый дымок вьется там, и птицы почему-то ни разу не сели около этого камня. Что бы это значило? Не там ли замаскирован злополучный дзот, который огнем сможет отсечь дорогу? Если мы возьмем его, то наш путь будет расчищен.

В окопе рядом с Чолпонбаем наблюдает за противником и Сергей Деревянкин. Он старается держаться спокойнее, чтобы непроизвольным движением, жестом раньше времени не выдать того, что хотел бы пока оставить в тайне. С трудом подавил вздох. Чолпонбай спросил:

— Переживаете, что вас не пустили? Не в первой группе, так в третьей непременно будете. Все равно дальше вместе пойдем...

— М-да,— неопределенно протянул Сергей.

— Ничего, друг, там,— Тулебердиев махнул рукой за реку,— встретимся. Вместе будем, да?

— Да,— снова уклончиво ответил Деревянкин, не взглянув в глаза Чолпонбаю.

Сергей писал в газету о Тулебердиеве, многое тогда узнал о его жизни. Рано умер отец Чолпонбая, всю заботу о семье взял на себя Токош — старший брат. Он заменил Чолпонбаю отца. Воспитывал его, защищал, кормил, ухаживал, когда тот болел. Разница в возрасте была небольшая. Но младший брат не только любил старшего, а просто преклонялся перед ним, считая его (как и многие в ауле) человеком особенным, рожденным для большой и славной жизни. Об уме Токоша, о его честности и справедливости шла добрая молва. Даже пожилые не считали для себя зазорным посоветоваться с ним. А его доброта, сердечность... Им нет предела...

Сергей опять вздохнул. Он переписывался с Токошем.

Тот воевал на другом фронте, в письмах к Сергею интересовался жизнью брата, просил приглядывать за ним. Это он открыл тайну: Чолпонбай с детства мечтал о подвиге.

А несколько дней назад из воинской части, от командира роты пришло письмо на имя Сергея. «Товарищ политрук, обращаемся к вам, как к другу рядового Токоша Тулебердиева и его брата Чолпонбая. В бою под Ржевом рядовой Токош Тулебердиев до конца выполнил свой долг солдата. Из противотанкового ружья он уничтожил два танка противника. Раненый не оставил поля боя, вторично раненный в правую руку, левой продолжал бросать гранаты. Пал смертью храбрых. Мы нашли в его вещмешке письма и ваш адрес. Вам и пишем. Просим обо всем сообщить его брату. На родину Т. Тулебердиева мы послали письмо с указанием места захоронения. Скорбим вместе с вами. Мы отомстим врагу за нашего общего друга. Ст. л-т Кругов».

Сергей помнил наизусть это короткое письмо. Сейчас, лежа в окопе и наблюдая за Чолпонбаем, думал: показать письмо или подождать? Может, это лучше сделать после броска через Дон? А он обязательно будет. Не сегодня, так завтра. Сергей в штабе слышал... А какое, собственно, право я имею скрывать это? Право друга, оберегающего... От чего? От правды, хотя и страшной?

— У вас есть какая-то тайна? — неожиданно спросил Чолпонбай, заметив странное, во всяком случае, необычное поведение Сергея.

— С чего ты взял?

— Просто никогда вас таким не видел, — глядя прямо в глаза политруку, сказал Чолпонбай и отложил бипокль в сторону.

— Каким?

— Темным, как туча, — и Чолпонбай, по-детски протирая ладонью глаза, сдвинул брови, показывая, как темна туча.

— Тебе просто показалось.

— Вы уже несколько дней такой... Будто потеряли близкого человека, брата потеряли. Я чувствую, что у вас сердце болит. Вон даже губы пересохли. Но почему со мной не поделитесь? Мы ведь ничего не скрываем друг от друга. А беду, если ее разделить с другом, так она вдвое меньше будет. Может быть, я чем-нибудь помогу?

Сергей чувствовал, как при каждом слове друга горло его сжимает невидимая, но цепкая рука. Он силился улыбнуться, но губы искривила гримаса.

— Неужели даже мне сказать не можете? С девушкой, с Ниной, может, что случилось? Ну, скажите, скажите...

Сергей развел руками, заново переживая то, что пережил несколько дней назад, распечатав письмо, извещавшее о гибели Токоша Тулебердиева.

На противоположной стороне раздался выстрел. Дрогнула земля. Чолпонбай поднял к глазам бинокль.

III

Удивительная судьба военного журналиста! Сколько нового, значительного видишь и познаешь каждый день! Сколько хороших людей встречаешь на жестоком фронтовом пути, что собственные переживания, собственная жизнь вроде бы и не в счет. Вроде бы и не живешь ты сам, занятый чужими судьбами. Да разве чужие опи, эти жизни и судьбы? Видать, не зря говорят, что у журналиста не одна, а десять, сотни жизней и судеб. И впрямь, написать что-либо внятное о человеке можно только тогда, когда переживешь, прочувствуешь то, что пережил и прочувствовал он, другой человек. Каждый новый очерк — это чья-то жизнь, которая стала частью твоей жизни. Это чья-то судьба, чьи-то поступки и подвиги. И все это надо пропустить через собственное сознание, через свое сердце.

Правду в народе говорят: порою встреча становится судьбой. Конечно, как ее понимать, судьбу. Однажды Сергей Деревянкин зимой спешил в штаб стрелкового полка. На снежной, еще не очень разъезженной, но дважды разбомбленной проселочной дороге встретились ему молодые солдаты. Новобранцы только что прибыли из запасной кавалерийской дивизии, были все в новеньких шинелях и держались молодцами. Ничто не омрачало завтрашний день этих веселых и решительных ребят.

Сергей по своей всегдашней привычке, все прибавляя и прибавляя шаг, чуть не бегом обгонял строй. Но на обочине, споткнувшись обо что-то, едва удержался на ногах и почему-то сконфуженно оглянулся.

На него с участием, очень по-доброму смотрели черные глаза. На секунду Сергей остановил свой взгляд на этом молодом, раскосом, скуластом парне. Только это лицо и увидел Сергей, будто бы и не было вокруг больше никого.

Позже он опять увидел этого парня, но уже в штабе полка. И снова отметил, какие выразительные у него глаза, излучавшие хорошее настроение и доброе расположение духа.

У Сергея тогда было задание написать об отличившихся бойцах второго батальона, который только что выбил немцев из деревеньки. Уточнив дорогу, он заторопился к месту недавнего боя. Шел и все время вспоминал почему-то широкоскулое загорелое лицо, ясные черные глаза человека, видимо, точно знавшего, ради чего он надел солдатскую шинель, ради чего пересек огромные пространства, чтобы здесь с винтовкой в руке влиться в боевые ряды и вместе сражаться против фашистов.

Давно ли и сам Сергей таким же юным учился в военно-политическом училище в Житомире? Давно ли бережно хранил номера «Пионерской правды», где были (центральная пресса!) помещены две заметки и двенадцатистрочное стихотворение о Пушкине? Давно ли? И как потом с двумя кубарями в петлице был комиссаром разведроты в танковой дивизии, выходил на тактические учения. Как восторженно читал почью в Перемышле стихи Пушкина — в ту самую ночь, когда началась война. И как тогда, в первый же день войны, за какой-то огромный непреодолимый барьер было отброшено бедное, босое, голодное детство, работа в районной газете, куда его пригласили как способного селькора. И только ясно всплыли в памяти слова редактора районной газеты Феофана Евдокимовича Козырева: «Как ты похож на отца, Сережа». Он знал отца, человека смелого в бою, воевал вместе с ним. В первую империалистическую отца наградили Георгием. После Октябрьской революции сразу же вступил в ряды молодой Красной Армии, стал советским командиром. В боях против Деникина под Воронежем был тяжело ранен и вскоре умер, не успев получить за храбрость новой награды.

...Сергей шел по вечеряющему молчаливому лесу, удивляясь тишине и тому, что не встретил никого. Приближаясь к деревне, он все острее, просто физически

чувствовал подстерегающую его беду. Может быть, поэтому и не сразу вышел из леса, а предусмотрительно (война научила этой осторожности) остановился у околицы деревни и долго рассматривал улицу.

Очень осторожно, от дерева к дереву, начал Сергей приближаться к деревне, уже совсем успокаиваясь и поругивая себя, если не за трусоватость, то уж, во всяком случае, за то, что поддался необъяснимому чувству: «Чего это я заосторожничал?»

И тут, когда он совершенно успокоился и своим быстрым шагом приблизился к крайнему дому, в вечерних сереньких сумерках у самой большой избы, четвертой справа, увидел немецкую грузовую машину с откинутым задним бортом и гитлеровцев — живых, здоровенных. Они передавали из рук в руки какие-то ящики и весело переговаривались.

Сергей опрометью кинулся к лесу...

А тем временем командир полка отдал распоряжение отправить в эту деревеньку новобранцев, среди которых находился и Чолпонбай Тулебердиев. Тот самый молодой киргиз, на которого обратил внимание Сергей, когда спешил на задание.

Доклад Деревянкина заставил командира полка отменить свое приказание. Обидно, конечно, было сознавать, что немцам удалось потеснить второй батальон.

Вот с той поры Чолпонбай Тулебердиев и считал Сергея Деревянкина своим другом, привязался к политруку как к брату. Ему, Сергею, рассказал он, первому и единственному, о любимой девушке Гюльнар и о брате Токоше, дал его адрес...

IV

Чолпонбай и Сергей долго молча смотрели на правый берег. Вернее, внимательно в бинокль смотрел Чолпонбай, а Сергей пытался представить себе, как воспримет его друг известие о гибели брата. «Мне тяжело, а каково будет ему?» Приходила и другая мысль: «Что, если в бою случится со мной беда? Кто же тогда обо всем расскажет Чолпонбаю? Нет, это должен сделать я, и не откладывая...»

...Кажется, война сняла все заботы, кроме одной, — быть солдатом-журналистом. Но сколько тревоги может уме-

ститься в одном сердце, как рвется оно сейчас, при виде друга, который ничего не подозревает. А ведь это вроде мины, подложенной на его пути. Даже не мины, а бомбы замедленного действия. Идут секунды, минуты, но срывается механизм — и всему конец.

Сколько атак повидал, не в одной побывал вместе с Чолпонбаем, но вот эта атака, атака беззвучная, атака беды, не первая атака — она намного страшнее...

И все-таки — жизнь есть жизнь. Небо это, эти горы, лозияк, запах реки и чабреца... Запах земли в окопе... Довольно, довольно, а то и так Чолпонбай встревожился. Буду смотреть на реку, на Меловую гору.

Да, не первая схватка. А что ей противопоставить? Нельзя же так сдаться?! Чем укрепить себя и друга для новых атак, в которых мы должны взять верх? Скажем, в завтрашней... Может быть, мысли о том, как вели себя товарищи до самого конца, может, именно эти мысли, эти образы убитых, но не сдавшихся, убитых, но не побежденных, помогут и нам в нашей новой, грозной атаке...

Ну, ладно, буду смотреть на реку. И опять эти мысли не дают сосредоточиться: в голову лезет одно и то же... Токош. Гибель... Атака...

Медленно поворачиваясь, заливаемая набегавшими мелкими волнами, проплыла обугленная оконная рама. Рядом с ней, то прижимаясь, то отставая, плыл обломок наличника... Потом показалось дерево. Вот оно все ближе, ближе. Это — береза, вырванная с корнем. Верно, вырвало взрывом. В корнях еще сохранились остатки земли.

Глухо шумит камыш. Он точно машет прощально, клонится, как бы сиюсь уцепиться за ветви березы, за распластавшие по воде пряди листвы, за корни, похожие на скрюченные пальцы. Уцепиться, удержать, вернуть... Вернуть недавнее былое, покой этого Дона... Но сейчас, в августе 1942 года, недавний покой кажется неправдоподобно далеким. И даже шорох камыша наполнен жалобой, упреком, предвестником новой артиллерийской канонады...

Камыш... Когда вслушиваешься в его шум, он — как музыка, мелодичный, задумчивый. Будто что-то шепчет, на что-то жалуется, грустит.

Камыш... Еще весной, проходя мимо заросших берегов речушки, паблюдаешь, как острыми белесыми стрелочка-

ми выходит он из воды. С каждым днем становится все заметнее, все выше и зеленее. Потом раздваивается — выпускает острые, как лезвия пожниц, листья. К концу лета его тонкие и гибкие стебли достигают человеческого роста, начинают «колоситься» и цвести, чуть склоняясь к воде, будто хотят напиться. Глубокой осенью пожелтевшие, звенящие, как железо, стебли вытаскивали на берег, укладывали в тачанки и развозили по домам для разных нужд. Одни покрывали им хаты, другие утепляли коровники, третьи скармливали скоту, если зимой кончались корма. Ну а мальчишки вырезали из камыша «водяные насосы» и разного рода дудочки, на которых, словно на свирелях, исполняли незатейливые мелодии. Вечерами эти самодельные духовые инструменты присоединялись к голосистой гармонике, к гитаре, балалайке... И всем было весело.

...Береза и впрямь замерла перед окопом, чуть-чуть развернувшись, будто пытаясь выпростать листву из воды, дернулась и выронила из пальцев-корней остатки земли. Почти невидимый, почти неслышный всплеск. И круги по воде — до самого берега, до самого камыша.

— Такой цвет у березы, как у снегов на наших горах... Так и кажется, что это наши снега, наши горы вырваны войной с корнем и плывут, и плачут, и стонут... — Чолпонбай отодвинул широкой ладонью автомат, будто оружие мешало ему в этот миг увидеть далекую, родную Киргизию, знакомые с детства горы, свой аул, лица милых и родных ему людей...

Сергей Деревянкин как бы невзначай дотронулся до локтя Чолпонбая, и тот почувствовал тепло друга.

Августовская земля, серая от пепла, еще не остыла, а небо странно безмятежное, лучилось, сверкало лазурью, и с трудом верилось, что под таким благополучным небом по всему фронту бьют орудия, движутся танки, гитлеровцы рвутся к Волге, Кавказу, в Крым, к сердцу Родины — Москве...

Деревянкин как-то пеловко повернулся и зацепил Чолпонбая. Тот встрепенулся, и взгляды их встретились...

— Все-таки странные у вас сегодня глаза, товарищ политрук! Очень странные. То прямо стальные, то темные, а сейчас вроде светлые. Вы ведь ничего не боитесь, знаю. Скажите, что с нами?

— Талантливый ты, Чока, коль русский язык так хорошо освоил. Прямо — поэт! — отшутился Сергей, потом достал блокнот и что-то по давней привычке стал записывать в него.

Чолпонбай с уважением следил за Сергеем, за тем, как его карандаш выводил строчку за строчкой, точно бежал по невидимой тропинке и оставлял за собой четкий след.

Странное дело: немало рассказал Чолпонбай о себе, а вот сам ни о чем никогда не расспрашивал Сергея. Не то чтобы стеснялся, но как-то всегда хотелось самому рассказать о себе именно ему — Сергею. Чолпонбай еще тогда, на зимней снежной дороге, сразу выделил политрука Деревянкина. Этот журналист умел слушать людей. Он мог бы просто на минуту заглянуть в окоп, спросить фамилию, звание, номер роты и взвода. И все. Ведь заметки в дивизионной газете были очень короткими. Но нет, политрук ел с солдатами из одного котелка, да хоть вот с ним, с Чолпонбаем, ходил в атаки, дважды засланил его в штыковой; а после жаркого боя, когда все отдыхали, писал корреспонденции о подвигах наших, торопился передать в редакцию и снова возвращался на линию огня. Когда кто-то сказал, что трудно на войне солдату, Чолпонбай возразил: труднее политруку Деревянкину. И все во взводе с ним согласились.

Вот и сейчас Сергей что-то пишет. А Чолпонбаю очень хочется поговорить с ним, и он спрашивает:

— Скажите, а Дон большой? Длинный?

— Почти две тысячи километров.

Чолпонбай, чуть помолчав, печально говорит:

— И всюду кровь. Знаете, Сергей, на заре мне кажется, что река вся окровавленная, что не вода, а кровь клокочет в ней.

— Да, много горя видел тихий Дон, много крови... Здесь, на Дону, в гражданскую воевал мой отец и погиб где-то под Касторным... — Сергей умолк.

Взволнованный Чолпонбай не решался каким-либо вопросом потревожить друга. А Деревянкин думал о том, что даже хорошей фотографии отца не осталось. Была желтая, выгоревшая от времени карточка, на которой еле заметно просматривались черты благородного лица. Мама хранила ее бережно, временами долго смотрела молча на стершийся снимок, будто вела с любимым человеком не-

скончаемый разговор. Тяжело ей было, бедной неграмотной женщиной, одной с двумя маленькими детьми. С рассвета до позднего вечера на ногах, все бегом да бегом, все сама да сама: двоих накормить, одеть-обуть надо...

Вышла замуж второй раз. Стало в семье семь детей. А достатка по-прежнему не прибавилось. Вспомнилось Сергею, как в школу ходил: зимой — в обносках, а чуть снег стаявал — босиком. Тянулся к знаниям, как к свету, как к воздуху, как к солнцу.

Видно, жажда знаний, таившаяся в сердцах неграмотных прадедов и дедов, наполняла Сережу, бурлила в нем, вдохнула в него потребность узнать жизнь глубже. Он поразился созвучию стиха, когда попробовал сам сложить несколько слов в строку, и затих в изумлении перед каким-то волшебством преобразования обыкновенных слов в музыку... Мальчишка еще и не знал, что повторял недавно слышанные стихи, а потом не заметил, как произнес свои строчки...

Потом два года не учился: не в чем было ходить в пятый класс, а семилетка в соседнем селе в пяти километрах. Если бы не поддержка учителя... Наведался он однажды к матери и говорит:

— Анна Николаевна, надо Сереже учиться: способный мальчик, обязательно надо...

— Я и сама вижу, что надо, да только ничего поделать не могу... — горестно ответила она.

И все же мама с отчимом как-то обернулись, перебились и дали закончить ему семилетку. Мать гордилась, когда слышала о старшем сыне добрые слова:

— Башковитый парень растет. Смотри, чуть не до первых петухов над книжками сидит.

Чтобы хоть чем-то отплатить матери, учился старательно, был послушным, даже в чужие сады лазить за антоновкой перестал. А уж какое это любимое занятие деревенских мальчишек!

Деревяпкин словно очнулся. Почему-то так ощутимо вдруг запахло яблоками.

— Антоновка! — усмехнулся Сергей. — Надо же, о чем вспомнил.

— Яблоки такие! Знаю! Токош их очень любит, — откликнулся Чолпонбай, и узкие глаза его становятся похожими на щелочки. Он тоже мысленно только-только был в детстве. Ведь власть его, хотя и неосознанная, над

нами так велика, что мы постоянно возвращаемся к своим истокам, сами не постигая того, какими силами питают они нас.

Да и детство само долго не отпускает от себя...

Медлитель, почти недвижим Дон, глубока и холодна вода его. Вот он тихо и мягко бьет волной в берег. А Чолпонбай видит горную речку, себя — мальчишку — и товарищей. Они возятся, стараясь положить друг друга на лопатки. Вдруг Ашимбек неловко шагнул, оступился, сорвался в горную речку. А та словно того и ждала: подхватила, понесла к водопаду. Но Ашимбек быстро уцепился за камень, и все радостно закричали: «Спасен!» Однако радоваться было рано. Рука вдруг заскользила, и мощный поток снова подхватил растерявшегося парнишку. Все оторопели. Пришли в себя, когда увидели, как Чолпонбай ринулся в бурлящую стремнину. И хотя плавал плохо, расшибая до крови колени и локти, сумел за несколько метров до водопада подхватить уже захлебнувшегося товарища. Спасал, сам чуть не угодил в каменную бездну... Но не угодил! Уцелел! Зато потом ребята только его и выбирали командиром, когда играли в войну.

Пену бешеной горной речонки напоминала Чолпонбаю пена, срывающаяся с губ коня, когда на скачках в районном или областном центре он, еще безусый юнец, оставлял позади себя прославленных джигитов.

И казалось, что подобно пене курчавятся отары овец. Он пасет их каждое лето во время каникул вместе с братом Токошем в горах, где белеют застывшие снега, лежат прекрасные ковры альпийских лугов.

А когда отец, бывало, заводил песню, рассказывал о тяжком бремени байской власти, давившей дехкан, тогда и раздолье и богатство родного колхоза виделись особенно четко, и хотелось сделать что-то такое, чтобы всем вокруг стало хорошо от того, что есть на свете он — Чолпонбай.

Чудилось, что белизной снегов отливают глаза сокола. Чолпонбай садится на коня, берет сокола на плечо. И пружинят поля, горы; летят навстречу краски родной земли, сливаясь в радугу счастья, а он — молодой охотник — чувствует, что и сам — как сокол на плече земли, и вот-вот взлетит. А сокол срывался с его плеча, догонял птицу, подлетал под нее, подталкивал, как бы подпирал на миг, потом позади нее вышаривал вверх, и, ударяя под левое кры-

ло, всаживал отлетный коготь, и мгновенно распарывал птицу.

А охота на волков... Не думал, что так скоро придется целиться в живого врага, настоящего, но более хищного, чем волк. Вслед за старшим братом Токошем ушел на фронт и он, Чолпонбай, стал воином страшы Советов.

V

Тишина... Такая обмачивая тишина, какая может быть только на фронте, на переднем крае. И вдруг разом, будто навывлет, прошла ее, прожгла пулеметная очередь.

А помнишь, Чолпонбай, июль 1942 года? Помнишь ли ты, Сергей Деревянкин?

Тогда, превращая день в ночь, а ночь в день, целую неделю сотрясал землю и реку огненный смерч.

Винтовочные и автоматные очереди тонули в пулеметной пальбе, а непрерывный стук фашистских пулеметов захлебывался в вою артиллерийской канонады.

И так день и ночь, ночь и день.

Всю неделю.

Целую бескопечную неделю.

Реку располосовывали трассы пулеметов, кромсали мины и снаряды. На землю страшно было смотреть. Вся изъезженная воронками, запыленная, обожженная, растерзанная, она стонала, по, как родная мать, щедро давала приют бойцам стрелковой гвардейской дивизии.

И когда гитлеровцы бросались на восточный, казавшийся им мертвым берег, он оживал, чтобы смертью ответить врагу за смерть наших солдат, за муки самой земли. Потом на какое-то время все затихало.

Так было до тех пор, пока немцы не выдохлись и не решили переключиться на укрепление «своего» западного берега. Вершины и склоны Меловых гор, точно стесненных, круто обрывающихся к реке, быстро обросли огневыми точками, как деревья птичьими гнездами.

Наша сторона за это время накопила достаточно сил для броска через Дон. И на острие клинка, который должен был первым вонзиться во вражеский узел обороны, на самом острие, здесь, южнее Воропежа, в районе села Урыв и Селявное, оказался 636-й стрелковый полк, а в нем — девятая рота. Именно ей предстояло начать.

В девятой роте служил и Чолпонбай. Как-то в один из предгрозовых дней, когда начало темнеть и кто-то из бойцов, глядя на противоположный берег, вздохнул: «Сильны волки! Ох и сильны!» — Чолпонбай сказал:

— Мне политрук Деревянкин давал как-то русские народные сказки почитать. Одну я вам сейчас перескажу. Только не придирайтесь к мелочам, если я что не так передам. Дело не в форме. Мысль — вот главное.

— Ну давай, давай! — оживились бойцы.

— Вот ты сказал, что они волки, — и рука Чолпонбая коротким рывком указала на правый берег. — Правильно, волки. Так слушайте. Пришел однажды фазан к замерзшей реке напиться. Нашел прорубь. Начал пить, а крылья ко льду примерзли.

«Какой лед сильный!» — крикнул фазан. А лед отвечает: «Дождь сильнее: когда он приходит — я таю».

А дождь ему: «Земля сильнее: она меня всасывает».

Тут земля вступила в спор: «Лес сильнее: он защищает меня от зноя и помогает сохранять влагу, корнями мою силу пьет».

Лес не согласился: «Огонь сильнее: как пройдет пламенем, так от меня одни головешки останутся».

Услышал огонь эти слова и говорит: «Ветер сильнее: он меня может погасить».

Ветер вздохнул: «Я и лед могу гнать по реке, и песок тучей мести, и деревья с корнями выворачивать, и пожар погашу, а вот с маленькой травинкой мне не справиться. Травка против урагана устоит. Она сильнее!»

Трава только головкой покачала: «Вот придет баран и съест меня. Баран всех сильнее».

А баран с горя чуть рога в землю не воткнул: «Сметесь надо мной: волк покажется и — нет меня. Волк всех сильнее».

Тут вылез из своей норы серый волчище и только хвостом махнул: «Есть сила сильнее моей: она и фазана поймает, и лед растопит, и дождя не боится, и землю переиначит, и лес захочет — срубит, захочет — посадит, и огонь захочет — разожжет, захочет — погасит, и ветер себе подчиняет, и травку скосит, и шашлык из баранины сделает, и с меня, волка, шкуру сдерет. Эта сила — человек. Выходит, человек всех сильнее. Это я вам авторитетно заявляю...»

Он чуть помедлил и снова коротким рывком указал на совсем уже потемневший вражеский берег:

— Вот там волки, а мы люди, и мы — сильнее их. Сильней, потому что они, звери, чужое терзают, а мы люди, мы свое защищаем. Слышали, как палят из дзота? Беспокоятся, боятся. Нужда их заставляет через голову кувиркаться. Страх им житья не дает. Страх за награбленное и загубленное.

Зашуршали шаги, в окоп спрыгнул политрук Деревяшкин, поздоровался:

— Ну, здесь надежные люди! — окинул он взглядом бойцов, каждого из которых знал в лицо, по имени, и по тому горестному тяжкому пути, который прошли вместе. Надежнее таких людей нет. Одно слово — фронтовики!

— Да, пролетевший ветер лучше ненадежного человека, — ответил за всех Чолпонбай, принимая из рук политрука свежий номер «дивизионки».

Получив газету, он кивком головы пригласил остальных солдат послушать и впервые подумал о том, что политрук всегда точно описывает события в роте, потому что сам участвует в них. И даже в болах... Хотя он не обязан лезть в каждую заваруху. Он правдиво пишет обо всех, ни разу еще не сказав ни слова о цене каждого добытого им на передовой слова... И о нем самом — Сергее Деревяшкине — ничего не пишется, словно его звание политрука и журналиста — броня от пуль, от осколков и даже от усталости. Словно он просто неуязвим, и пули облетают его, и смерть сторонится... Не оттого ли это он столько раз разминуся со смертью, что слишком быстро бросался ей навстречу, или оттого, что каждый раз думает о других?..

Старики-киргизы на горных пастбищах толкуют: «Прошлого не вернешь, умершего не оживишь». А правильно ли это — о прошлом? Нет. Можно это прошлое оживить, да и без твоей воли оно живо, оно стоит перед тобой и сейчас, когда держишь в руках дивизионную газету, видишь недавнее былое так, точно все это происходит сию минуту. Это сейчас вроде спится, так глубоко спится после почного перехода под проливным дождем, после непрерывных артоналетов. И в сон врывается низкий гул моторов и крики:

- Тревога!
- Десант!
- Немцы!

Все стремительно вскакивают. Хватают оружие, заряжают его и занимают удобные позиции...

Шел июль сорок первого. Какое слепящее солнце! Каждая росинка, как маленькое солнце на листьях сверкает, режет глаза. Над деревьями мягкие дымки взрывов. Вспыхивают раскрывающиеся парашюты, а вдаль уносятся тяжелые транспортные немецкие самолеты.

Все это происходит в несколько мгновений. Кто-то сует Чолпопбаю в руки винтовку. Это Сергей — сам он с симоновской полуавтоматической.

— К поляне! — приказывает он, и солдаты, ведя огонь на бегу, бросаются к поляне.

— Отрезать подход к селу, взять в кольцо лес! — слышится комапда.

Один парашютист! Десять!.. Шестидесят! Сколько же их, черт возьми?!

Все вокруг потемнело от этих десантников. Небо — черное-черное, без облаков, без глубины, без солнца. Небо стреляет... В ответ стреляет и земля. Бьют наши автоматчики. Пулемет пытается достать десантников еще в воздухе. Два наших танка разворачиваются и идут к лесу. Все приведено в движение. Все стреляет, грохочет, гудит...

Немецкие парашютисты действуют слаженно, бьют точно, маневрируют стропами и, приземлившись, тут же кидаются в бой. Рослые, плечистые, как на подбор, они смелы и стремительны: видать, прошли большую школу, имеют богатый опыт разбоя. Кажется, что не успевают они прикоснуться к земле, как уже сбрасывают парашютные лямки и смыкаются в группки. Рассредоточиваются вдоль опушки. Прячутся за деревьями и ведут огонь. Он страшен, этот огонь.

Раскинув руки, зашатался и осел взводный, падает, как срубленный, земляк.

Пуля срезала ветку — толкий прут, тот самый, от которого, словно предчувствуя беду, только что отодвинулся солдат на самую малость.

Люди вжимаются, втискиваются в землю, в какую-то выбоину, будто врастают в нее.

Рядом с Чолпопбаем тщательно целится и, не торопясь, стреляет Сергей Деревянкин, стреляет и не промахивается. Бьет точно! Тулсбердиев мучительно борется с собой.

«Чокел Чокел Возьми себя в руки. Прикажи рукам подпять винтовку, прикажи глазам прицелиться, прикажи

плечу не ерзать. Чоке! Рядом с тобой Сергей! Что подумает он, если увидит, как тебя сковал страх? Ты охотник, лучший в ауле стрелок!»

Чоке взглянул вперед. Хорошо, что руки уже вскинули винтовку, глаз нащупал прорезь прицела, мушку, врага... Но пальцы, проклятые пальцы! Тот, что на спусковом крючке, — как чужой. «Целься, целься снова, медленно дави на спусковой крючок. Ведь ты столько был на охоте, столько стрелял — лучше всех поражал цели. И в запасной кавдивизии был лучшим снайпером. Чоке!»

В эту секунду здоровенный рыжий детина, без пилотки, с засученными рукавами, тот самый, в которого целился Чолпонбай, заметил киргиза, молниеносно вскинул автомат. Миг... Пуля Сергея Деревянкина оказалась быстрее.

Еще один за широким пнем. Ну! Есть! Раньше, чем успел подумать Чолпонбай, палец его нажал на спусковой крючок, и враг остался лежать на земле.

Теперь только вперед! Не дать парашютистам вырваться из сужающегося кольца. Однако к первой группе десантников примкнула вторая и остатки третьей. Они залегли и образовали круговую оборону.

Танкисты пока бездействовали, потому что гитлеровцы переметнулись в такую чащобу, которая была недоступна для танков. Но вскоре их выкурили оттуда, и теперь все должен решить ближний бой. Ближний! Штыковой!

Чолпонбай увидел, как Сергей Деревянкин быстро выдвинул пожевой штык, как плоское лезвие остро блеснуло, как две капли, крупные капли росы упали на самое основание штыка и слились в одну, растеклись, горя в лучах раннего летнего солнца. Да, было солнце, земля, лес, какая-то птица, певшая несмотря ни на что. Была жизнь. Через несколько секунд придется оторваться от земли, и тогда...

Сергей неожиданно чихнул раз и другой. Чолпонбай оглянулся, услышал, как тот сквозь зубы процедил:

— Простыл под дождем!

Раздается команда:

— В атаку! В штыки! Ура!

— У-р-ра! — прокатилось по рядам.

Еще не смолкли первые крики, а Чолпонбай уже хотел оторваться от земли. Хотел... Но тяжесть, страшная, смертная, которой не испытывал раньше, придавила его.

Он глянул на Сергея и удивился: его волевое лицо с острым подбородком казалось каменным, застывшим. Жили только глаза, не синие и добрые, как обычно, а стальные. Они вобрали в себя и напряжение боя, и ненависть, и солдатскую решимость.

— У-р-р-а! — закричал Деревянкин и, пригнувшись, вынося вперед штык, кинулся туда, к лесу, вперед.

Перед глазами Чолпонбая промелькнула планшетка с карандашом. И точно неведомая сила вырвала его из выбоины. Он метнулся и, обгоняя Сергея, почти не пригибаясь, побежал навстречу горячему ветру, против пуль, наперекор смерти.

Сергей бежал впереди, но ему казалось, что ноги словно палиты свинцом, что руки еле держат винтовку, что шаги его преступно медленны. Вот и Чоке опередил его! «Ах, черт возьми, какой парень, какой парень!»

Немцы сперва понялись, потом приняли ближний бой.

В одно мгновение столкнулись, скрестились штыки и приклады.

Чоке поскользнулся и упал. Сейчас всадит в него штык вот тот слева. Уже замахнулся. Но, к счастью, рядом снова оказался Сергей. Беда миновала.

И это словно прибавило сил Чоке. Он вскочил, и теперь двое, уже не сговариваясь, стали прикрывать друг друга.

Бой был скоротечным. Вот уже стихли выстрелы, солдаты устало вытирали пот. Пленных гитлеровцев собрали на опушке. Рослые, сытые, просто атлеты, они нагло смотрят, нагло отвечают. Даже слишком нагло.

— Вы в плену! — одергивает их кто-то.

— Это вы у нас в плену! — по-русски отвечает немец-лейтенант. — Вы в кольце! Ваша песенка спета!

Наглости их нет предела... Это понятно: война только начинается, и они держатся весьма самоуверенно. «Ну, погодите же, скоро не так запоете!» — думают наши солдаты.

VI

— О чем мечтаешь, Чолпонбай? — спросил взводный лейтенант Герман, который неслышно появился у окопа: он ведь опытный разведчик.

— О прошлом подумал: сколько жеребенку ни бегать, скакуном не станет, — и Чолпонбай горько усмехнулся, вспоминая бой с десантниками.

— Вырастет и станет скакуном, — очень серьезно и значительно возразил взводный, словно улавливая за этим рассказанием его точный подтекст.

А может, так показалось Чолпонбаю... Но в том бою взводный заменил убитого пулеметчика, действовал гранатами и был неподалеку от Чолпонбая и Сергея Деревянкина. Это он крикнул первым: «Ура!» Первым и поднялся на правом фланге.

Надежный взводный, надежные люди.

— Да, товарищ лейтенант, правильно вы сказали: жеребенок вырастет. Только хочется, чтобы поскорее...

— Много значит слово, — откликнулся Сергей Деревянкин. — Как это говорится: у мысли нет дна, у слова нет предела.

Чолпонбай, довольный, улыбнулся: приятно, что его друг запомнил киргизскую поговорку, которую только раз на политбеседе обронил он, Чолпонбай.

— Товарищ политрук, вы к нашему командиру роты не собираетесь? — спросил взводный.

— Нет, я уже у него побывал. Мы тут с Чолпонбаем потолкуем.

Они остались вдвоем. Гибкая ветка лозы над окопом, жужжат осенние мухи. Солнце перевалило за полдень. Стало пригревать.

Из котелка Чолпонбай подзаправились пшеничным концентратом. Поблагодарив друга, Сергей вытер ложку, спрятал ее за голенище и достал планшет. Раскрыл, вытащил треугольник письма, развернул его, пробежал глазами. Начал читать со второй страницы про себя:

«...Разметала нас война по разным фронтам. Но и вдалеке я ни на миг не забываю о тебе. Каждый раз, когда в госпиталь прибывают раненые, мне кажется — ты среди них. Недавно в шестой палате лежал у нас подполковник Козырев, наш земляк, редактор районной газеты. Вот как тесен мир. Оказывается, Козырев с твоим отцом в одном отделении служил и в первую мировую войну, и в гражданскую. Восхищался он его выдержкой, неустойчивостью и еще говорил (только не зазнавайся!), смелостью ты похож на отца и внешне — копия. Выходит, зря жаловался, что не сохранилась фотография отца. Возьми зеркало, по-

смотри и увидишь его в своем отражении. Мы много говорили с ним о твоих первых шагах газетчика, вспомнил он, как однажды ты положил ему на стол шесть вариантов одной заметки о весеннем севе и пояснил: «Это не одно и то же. Где предложения короче, где меньше сложноподчиненных предложений. А тут междометия восторженные убраны. Четче пачало. А вот в новом варианте завязка и кульминация более логичны».

Веришь, Сережка, Козырев даже рассмеялся от удовольствия, потом хорошо так посмотрел на меня и говорит:

— Повезло вам с Сережей. Если пощадит его пуля, то настоящим журналистом будет, а там, глядишь, и до писателя дорастет...

Вот, дорогой мой товарищ политрук, смотри, чтобы тебя пуля пощадила, чтобы ты стал журналистом настоящим и дорос до писателя. А кем, кстати, собирается быть твой друг Чолпонбай? Не ранен ли? А что, если я попрошу у него адрес Гюльнар? Мне хочется переписываться и с нею. Кончится война, соберемся вчетвером...

Я часто вижу тебя во сне. Ты с большим-большим почему-то незаточенным карандашом, пытаешься написать что-то на узком листе картона, а карандаш не пишет. Ты говоришь мне: «Это пока не ладится, а вообще он хороший. После войны я напишу им книгу...»

Ну, милый мой, мне пора на дежурство. Надеваю халат, смотрюсь в зеркальце — твой подарок, вижу тебя шлифующим заметку, мысленно целую и бегу в палату.

Твоя Н. Видишь, какая конспирация?..

26 июля 1942 г.

Да, пиши не только заметки, но и мне пиши, можешь не шлифовать».

Пока Деревянкин перечитывал письмо, Чолпонбай вертел в руках газету. Едва Сергей оторвал глаза от треугольного письма. Чолпонбай, как бы между прочим, вздохнул с надеждой:

— Хорошая жена — половина счастья.

Сергей тут же взглянул на него, а он пояснил:

— Хорошая жена и дурного мужа сделает мужчиной, а дурная и хорошего превратит в дурного. Так старики у нас толкуют. Я о своей Гюльпар много думаю. Она мне такой беззащитной кажется, словно пули и осколки, летящие в нас, могут задеть и ее... Странное чувство, правда?

— Нет, я понимаю тебя,— и Сергей протянул свое письмо другу.

Чолпонбай читал внимательно, лицо его светлело.

— Спасибо ей! После такого письма вы мне еще ближе стали, и Гюльнар дороже... А некоторые говорят, что нет любви!.. Не верю я им.

— А ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Да... Только чересчур красное быстро линяет, чересчур горячее быстро остывает, чересчур жаркое быстро затухает. А у нас с Гюльнар как-то постепенно было: приглядывались, прислушивались. Потом поняли: жить друг без друга не можем. Сейчас одна мысль: только бы с ней там ничего не случилось. Глаза закрою, и вот она — в тюбетейке, черными косами ветер играет, глаза счастливые. Гюльнар, Гюльнар...

Он даже привстал, крепко сбитый, мускулистый, широкогрудый, очень плотный и загорелый. И неожиданно смутился.

— Знаете, Сергей, когда мы в запасном кавалерийском полку учились рубить лозу на скаку, мне жалко ее было. Точно я чувствовал, как ей больно. Наверно, и правда всему живому больно, когда его давят, бьют, рубят. Лоза тоже, конечно, чувствует. Вот ее жалко, а этих волков, — его глаза потемнели от гнева, когда он литым кулаком погрозил тому берегу, — этих волков не жалко! Помните сказку о том, кто самый сильный? Самый сильный — человек. Только надо быть сперва Человеком. Правда?

— Ты очень правильно говоришь, — задумчиво ответил Сергей.

— Всю свою сознательную жизнь я стремился стать настоящим человеком: и когда в кавалерийском запасном учились действовать клинком, и когда на скаку подхватывали со снега оброненную вещь, и когда стрелять учились на полном ходу. А погода была! Ветер! Снег прямо обжигал лицо — до того колюч. И как будто кто по ушам крапивой хлестал. Снег набивался за ворот, в рукава. А мороз так прихватывал, что порой логи стремени не чувствовали. Знаете, Сергей, я ведь в горах да и на скачках узнавал и силу коня, и свою выпосливість, но в запасном так доставалось, что, казалось, из седла вывалишься. Вот, гляньте на спимок, — и Чолпонбай протянул фотокарточку, — одни мои скулы широкие и оставались тогда.

— А не жаловался?

— Я? — обиделся Чолпонбай. — Я перед Гюльнар краснеть не собираюсь за службу... Нет!.. А еще потом гопаляли нас — кавалеристов — как пехотинцев. «Пеший по-конному» пазывалось это. По глубокому снегу не очень разбежишься. А стремительные перебежки делать надо? Надо! И делали! Ползешь по-пластунски, подбородок борозду в снегу оставляет. И в штыковую учились ходить. Постепенно стало получаться... Вы уж не сердитесь за тот штыковой, — как-то внезапно вернулся Чоке к первому бою с вражескими десантниками.

Сергей сделал вид, что не понял.

— Ну, когда я позже вас поднялся. Спасибо, что выручили, если бы не вы...

— Знаешь, хватит. Что нам, поговорить больше не о чем, что ли? И так я к тебе сле выбрался, а ты тут о чем... Ведь скоро, — Сергей зашептал, — очень скоро, думаю, поплывем на тот берег. Я уже заранее отпросился и у редактора и у командования, чтобы и меня взяли в первую штурмовую...

— Вот был бы с нами мой старший брат. Говорят, что я хорошо по горам умею лазить, а он куда лучше. Знаешь, сильный какой! Какой смелый! Самые дорогие мне Токош и Гюльнар!.. Что-то от него писем нет.

Он взял в руки «Красноармейское слово». Вести с фронтов не радовали: «Началось наступление главных сил группы армий «А» противника на Кавказском направлении. Сосредоточив на захваченных плацдармах на левом берегу Дона в районах Константиновской — Николаевской два танковых корпуса, противник повел наступление на Сальск. Войска Южного фронта оказались вынужденными вести ожесточенные и неравные бои с наступающим врагом. Создалась реальная угроза прорыва противника на Кавказ...

...Германское верховное командование перебросило основные силы авиации, действовавшей в Северной Африке, на советско-германский фронт.

...Продолжались напряженные оборонительные бои советских войск с наступающим противником на всем Южном направлении: в районе Воронежа, в большой излучине Дона и в Луганске.

...Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об изменении ст. ст. 1 и 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения

и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время».

...Объединенный Путивльский партизанский отряд под командованием С. А. Ковпака во взаимодействии с партизанскими отрядами под командованием А. Н. Сабурова нанес удар по гарнизонам противника в селах Старая и Новая Гута, Голубовка и других в Сумской области. Партизаны разгромили батальон противника, истребив 200 его солдат и офицеров, захватив 11 станковых ручных пулеметов, 6 минометов и много патронов».

Вспомнилось Чолпонбаю, как месяц назад он разыскал редакционную машину, успевшую ускользнуть от немецких бомбардировщиков. Уже в третий раз фашисты пытались уничтожить редакцию. Деревянкин, вооружившись наушниками, бумагой и карандашом, по радию принимал и записывал последнюю сводку Информбюро. В это самое время Чолпонбай, посланный в редакцию с заметкой командира роты связи старшего лейтенанта Горохова, заметил, что вдали, где стояли большие стога, вспыхнули световые сигналы.

В смутной предвечерней дымке с четкой последовательностью дважды коротко вспыхнул свет, вернее, обозначилось световое пятнышко. Затем вспышки повторились — короткие чередовались с длинными. Сперва думалось, что кто-то закуривает. Но потом понял — азбука Морзе!

Значит, не зря предупреждал взводный Герман. И при позавчерашней бомбежке, когда фугаской разнесло редакционную машину, Сергей тоже подозревал, что кто-то наводит самолеты.

И будто подтверждая опасения, усиливая их, снова — две короткие, слабые вспышки, потом три более длинные. Значит: точка, потом — тире...

Чолпонбай стремительно влетел в машину.

Политрук Деревянкин сидел в ней с наушниками около радиона, напряженно подавшись вперед, точно стараясь лучше расслышать, простым карандашом крупным быстрым почерком писал на гладком листе бумаги: «...Бои шли южнее Воронежа. Несмотря на ожесточенные атаки, врагу не удалось продвинуться...»

Чолпонбай еще скользил острым взглядом по быстро бегущим строчкам, по названиям населенных пунктов, по цифрам сбитых фашистских самолетов и общих потерь.

Тулесбердиев вдруг вспомнил слова Сергея: «Будет время, когда все это превратится в воспоминания... Будет такое время... И для этого нельзя терять ни минуты настоящего, чтобы скорее наступило грядущее...»

— Товарищ политрук, — почему-то официально обратился Чолпонбай, — лазутчики, мне кажется! Там, где стога...

Деревянкин мгновенно сбросил наушники, положил карандаш, сукул в карман листок с недописанной сводкой Совинформбюро, крикнул что-то шоферу Кравцову, и они — Чолпонбай, Кравцов, Алексей Бандура и Сергей Деревянкин — кинулись к далекому стогу, откуда опять раз за разом вспыхивал, пропадал, снова вспыхивал сигнал и снова пропадал.

«Так вот почему так быстро налетели бомбардировщики, едва мы располагались на стоянке. Значит, нас просто выслеживают, потом дают знать. Потеряли одну редакционную машину. А теперь угрожают и этой», — думал на бегу Сергей. Чтобы скрытно приблизиться к стогам, поползали по-пластунски. Когда были метрах в семидесяти от стога, снова увидели, как засветился фонарь. Вот он чуть приподнялся. Чолпонбай не выдержал и выстрелил. Фонарь погас. В то же самое мгновение раздалась автоматная очередь. С Сергея сбило пилотку. Он наклонился за ней, и это спасло его: над головой снова пропели пули.

Все трое припали к земле и, как условились, прокричали:

- Слезай!
- Бросай оружие!
- Сдавайся!

От стога стали бить еще ожесточенней.

Деревянкин боялся, как бы, воспользовавшись темнотой, лазутчики не скрылись, и приказал окружить стог. Теперь с трех сторон полетели пули и крики:

- Бросай оружие!
- Сдавайся!
- Слезай!

В ответ грохнула граната.

— Чоке! — шепотом позвал Сергей.

Но тот не расслышал. Деревянкин подполз к нему ближе:

— Попробуй подобраться со стороны бурьяна. Мы с

Бандурой отвлечем огонь на себя. Надо поджечь стог. Иначе их не взять.

Во тьме над стогом мелькнуло что-то. Чолпонбай выстрелил. Слышно было, как выругались по-немецки и что-то тяжелое глухо ударилось о землю. Тут же резанула очередь из автомата.

Чолпонбай быстро пополз к бурьяну. Тревога Сергея усилилась. Только сейчас, когда друг мог погибнуть, Деревянкин впервые со всей ясностью осознал, какое значение в его судьбе имеет Чолпонбай. Друг? Да, друг. Брат? Да, брат. Младший брат. И он, Сергей, отвсчаёт за него. Не перед армией, не перед Родиной, а перед своей совестью. Сколько вложено в эту дружбу, сколько боев и переходов связали ее. Какими глубинами, оказывается, обладает дружба. Сам не подозреваешь в себе той щедрости чувства, смелости действия, самоотверженности во имя друга. Не в том дело, что ты себе ясно представляешь и его Гюльнар, и Токоша, и его родных, и снежные горы, и коня, и сокола, хотя никогда не был в Киргизии. То, что принадлежит ему, принадлежит теперь и тебе: это и твоя Гюльнар, твой брат Токош, твои родные, твои горы, твой конь, твой сокол. И всякая боль, опасность, подстерегающая друга, теперь и твоя боль, твоя опасность. Они усилены твоей тревогой.

Чоке продолжает ползти к стогу, его уже не видно.

И вдруг трассирующая пуля прочертила яркую линию со стога к тому месту, куда должен подползти Чоке... Одна пуля... И Чоке вдруг затих, замер. Замер или убит? Может, ранен? Чоке! Чоке!..

Мурашки ползут по спине... Что это? Неужели показалось? Шорох? Да! Слышен шорох, значит, жив!

— Сдавайся! — и Деревянкин не размышляя, лишь бы отвлечь на себя огонь, вскочил и, стоя, выстрелил два раза.

Прозвучал ответный выстрел. Как огнем обожгло правое бедро.

— Сдавайся! Второе отделение, зайти справа! Первое отделение, залечь у сарая! Третье отделение — за мной! — громко и четко выговаривал каждое слово, коротко отдавал Сергей команды несуществующим отделениям.

А сам тем временем зигзагами бежал к стогу. Падал, отползал в сторону, мгновенно вскакивал и снова делал короткую перебежку.

Оттуда били по нему.

— Взять живыми! — командовал Деревяпкин.

Он подбегал к стогу под выстрелами, а сам думал о другом, боялся, что его заметят. Но когда огонек мелькнул у основания стога, когда пламя быстро начало карабкаться кверху, Сергей не сразу поверил, что Чоке жив! Но в этом его убеждал огонь: он уже взметнулся ввысь, хотя в его свете Чоке еще не было видно.

И тут со стога метнулась фигура.

Едва незнакомец коснулся сапогами земли, как тут же его сбили с ног.

Сергей кинулся к месту схватки увидел, как ловко Чоке скрутил лазутчика, вывернул ему руки, не давая дотянуться до ножа. Выстрелы прекратились: значит, лазутчики обезврежены.

Лазутчик, связанный ремнем, вдруг стал ругаться на чистейшем русском языке.

В свете пылавшего сена разглядели, что одет он в крестьянскую одежду, лицо волевое, загрубевшие черные ладони. На безымянном пальце правой руки блеснуло серебряное кольцо.

— Так ты?.. — Сергей не мог выговорить слово «русский». Не мог, потому что за многие дни войны, за долгие тяжкие дни отступления он сам первый раз своими глазами видел предателя. Высокий, с выпученными глазами, остроносый и тонкогубый, лазутчик уже со страхом смотрел на Деревяпкина, Тулебердиева и Бандуру. — Так ты?.. — Сергей задохнулся от злобы. — Как ты мог пойти против своих, сволочь?

Высокое пламя переметнулось на другие стога и ярко озарило лица бойцов, суровые и жесткие. Предатель низко опустил голову.

В редакционной машине Чолпонбай передал Сергею записку, а тот полез в карман и вытащил залитый кровью листок с недописанной сводкой Совинформбюро: пуля задела бедро вкось, кровь пропитала листок.

— Зря вы вскочили! — с сожалением заметил Чолпонбай.

Сергей лукаво улыбнулся:

— Между прочим, все это по твоей вине. Я просто вспомнил слова: «Чем умирать лежа, лучше умри стреляя». — И политрук быстро расправил листок. Ясно вид-

нелось последнее слово, на котором оборвал он несколько минут назад свою запись. Это слово — «сражались...»

— Сражались,— вслух прочитал Деревянкин, стараясь вспомнить, что же следовало за этим словом, сообщая, как ему быть дальше и что писать.

— Сражались,— совсем с иной интонацией повторил Чоке.— Мужчина обязан сражаться! Теперь, когда я этого.. увидел, понял, что каждый наш солдат должен быть еще смелее, вдвое сильнее, чтобы из-за таких, как он, изменников, строй не нарушался...

— Ты прав, друг.

— Армия — миллионы, предателей — единицы,— заключил Чоке.— Но даже если один... Все равно плохо! Ну, ладно, давайте, товарищ политрук, рану перевяжу вам.

— Спасибо, друг. В горячке казалось, царапнуло просто.

Сергей снова надел папшники, включил рацию и, экономя время, на том же, уже подсохшем листке бумаги продолжал записывать очередную сводку о положении на фронтах Великой Отечественной войны.

VII

«Сережа, милый! Пишу тебе под впечатлением твоего очерка о Чолпонбае. Я получила ваше «Красноармейское слово» и несколько твоих заметок о бойцах 9-й роты, о комбате Даниеляне, о командире роты Аптопове, о командире роты связи Николае Горохове. Так что теперь я полнее представляю себе и окружающих тебя людей и твою работу. Я чувствую, какими близкими они стали тебе. Ты — настоящий журналист.

Вспомни, как в одном из писем ты делился со мной мыслью о том, что война требует таланта и что есть люди, не имеющие высоких званий, но обладающие высоким строем души и какой-то интуицией истинного военного. Они оказываются там, где всего пужней в данный момент. Мне кажется, что ты именно такой человек. И к тому же очень скромный. Знаю, что мои слова смущают тебя, но они верные.

Я все забываю написать тебе о своей шкатулке. Это такой крохотный ящичек, вроде аптечки. В нем я храню твои письма и вырезки из газет. То, что собрано в этой

аптечке, говорит о лечебном, целительном свойстве твоих писем. Поэтому помни: чем чаще ты будешь писать, тем лучше «для моего здоровья» и «для здоровья наших отношений». Пришли фото.

Сегодня у нас «легкий» день — отдых за круглосуточные дежурства. Я очень хочу, чтобы знал — ты у меня самый лучший. Верю, что все задуманное сбудется...

Целую тебя. *Твоя Н.* Июль 1942 г.».

Письмо Нины лежало в нагрудном кармане рядом с известием о гибели Токоша... Когда Сергей — в какой уж раз! — пытался достать из кармана этот страшный листок, чтобы отдать Чолпонбаю, пальцы сами нащупывали не тонкий треугольник, лежавший прямо у сердца, а другой — письмо Нины. И Сергей радовался ошибке: он и сам еще не знал, хватит ли у него решимости сказать страшную правду Чолпонбаю. Вот и сегодня он снова перечитывал письмо Нины.

Конечно, она преувеличивает. Но если помилует пуля, он станет настоящим журналистом... Иначе напишет, переделает и еще раз перепишет свои теперешние торопливые, несовершенные, написанные по горячим следам боя, наспех, заметки. Но разве можно заново пережить жизнь, разве можно заменить погибшего друга, разве можно вернуть Токоша? Чоке и не подозревает, какая черная весть стучится в его сердце...

Сергей поднял глаза на Чоке. Тот, отстранив бипокль, смотрел на реку, на ее петоропливое движение. Захваченный красотой реки, он забыл об уродстве войны, его лицо стало ясным, спокойным. Как оно разительно отличалось от лица того же Чоке, нет, Чолпонбая, нет, просто бойца Тулебердиева, каким довелось видеть Сергею еще в одном из боев.

Это было ранней весной. Снег уже стоял. От подсыхающих полей поднимался пар. Через глубокие борозды, через осколки переступали черные гомонящие грачи.

Тогда на подступах к его родному Воронежу шли ожесточенные схватки с врагом. Сергею запомнилось, как, стоя в окопе, Чолпонбай кивком головы указал на срубленную снарядом ветлу. Почти у самого среза ютился скворечник. Около входного округлого отверстия виднелась дырка от пули.

— Даже птицам достается, — покачал головой Чолпонбай. — Даже птицам!.. Смотри! — и вдруг лицо его стало

по-детски восторженным.— Живы!— он потянул Сергея за рукав.— Живы! Кормит!

И правда. Скворчиха спланировала на выступ, как на крылечко, держа червяка в длинном клюве. Скворчиха, презирая войну и все, что происходит вокруг, не задумываясь о своей безопасности, положила в клюв одному из птенцов добычу и снова улетела. Опустилась у самой гусеницы самоходки, у самого ее трака, но ничего не нашла рядом, взмыла вверх и полетела дальше.

Сергей тяжело вздохнул:

— Жизнь продолжается, Чолпонбай.

...Бой, который вспомнился Сергею, длился двое суток. Схватки шли за каждый степной холмик, за каждую рощицу, за каждый дом.

Теснимая мощными превосходящими силами противника, ночью дивизия вынуждена была отойти. Для прикрытия осталась девятая стрелковая рота. А к рассвету так ловко расположил свой взвод младший лейтенант Герман, что первая же немецкая атака на самом рассвете захлебнулась.

— Зашатались! — торжествующе крикнул Чолпонбай.

— Зашатались, гады! — отозвался и Сергей Деревянкин. Он в этот раз нарочно отстал от редакционных машин, чтобы «вести репортаж с места боев девятой роты». Однако репортаж пришлось вести, взяв не карандаш, не ручку, а стиснув рукоятку «максима», заменив раненого пулеметчика.

Когда фашисты попятились, Сергей крикнул: «И мы научились бить их, Чоке!»

Чолпонбай рядом отстреливался от нападающих гитлеровцев и торжествовал, видя, как их движение все замедляется, как они сначала залегли, а потом стали вести просто беспорядочную стрельбу.

Чолпонбай пробирался по траншее, когда немецкий истребитель прошел низко над высоткой, развернулся и дал очередь по нашим окопам. Пуля звякнула по каске, и страх прижал ко дну траншеи.

Деревянкин заметил, что Тулебердиев как-то внезапно сник и лежит без движения.

— Чоке! — крикнул Сергей. — Тулебердиев!

Черт возьми, оказывается, голос друга сильнее страха смерти: он может поднять, оторвать от дна траншеи. Голос друга способен заставить и тебя прибодриться, хотя

кругом дзинькают пули, бушует пламя, то там, то здесь раздаются взрывы снарядов.

— Я — тут! — Чоке взмахнул винтовкой.

И будто это не он только что вжимался в землю, вздрагивал при каждом взрыве снаряда, замирал. Чолпонбай вдруг успокоился. Он неторопливо прицеливался, выжидал, был без промаха.

И когда гитлеровцы, захлебнувшись в своей крови, отхлынули от высоты, Сергей увидел, что больше всего вражеских трупов было перед окопом с невысоким бруствером — перед окопом Чолпонбая. Это увидели и другие.

Пользуясь передышкой, наши пополняли боеприпасы, готовились к отражению новой атаки. Взводный Герман и сержант Захарип, пробираясь по траншее, оставили Чолпонбаю запас патронов и две связки гранат.

— Может, развязать? — спросил Чолпонбай. — Ведь больше будет.

— Нет, — твердо сказал взводный. — Теперь наверняка могут фашисты со стороны оврага, с пологой стороны, на танках прорваться.

Вслед за артиллерийским палетом из густого леса вырвался на предельной скорости два фашистских танка. Один заходил с левого фланга, другой — со стороны оврага, стараясь по краю достичь высоты. За танками бежали пехотинцы. Несколько человек были на броне танка.

Наши бойцы встретили противника шквальным огнем. Молчал только окоп Чолпонбая.

— Что с ним?

Сергей метнул взгляд в его сторону и не увидел друга: «Может, ранен или убит?»

— Почему молчит? — встревожился и взводный. Он тут же выбрался из окопа, прыгнул в траншею, ведущую к окопу. Чолпонбай, не отрывая взгляда от надвигающегося танка, нащупал связку гранат, сорвал предохранитель и, на миг показавшись из-за бруствера, метнул ее точно под гусеницу. Прогремел взрыв. От подорванного танка отпрянули бежавшие под его охраной пехотинцы. Атака захлебнулась. Вот тогда Деревянкин с гордостью подумал: «Чолпонбай стал настоящим бойцом!..»

Сейчас в окопе у Дона Чолпонбай Тулебердиев рассматривал в бинокль Меловую гору и замаскированный кам-

ниями дзот справа. Взгляд охотника и следопыта исследовал тропинки, их изгибы, препятствия, которые могут встать на пути. Вот о тот камень можно опереться ногой, а чуть поодаль положить оружие, потом подтянуться на руках еще выше. А там, кажется, мертвая зона для пулемета. Потом за тот валун — броском упасть за острый камень и оттуда, лежа, метнуть гранату в дзот...

— Все это так, если дзот один, — рассуждал сам с собою Чолпонбай. — А если еще и слева есть? Странно, почему так стоит камень? Не специально ли его развернули, чтобы заслониться им от обстрела?.. На Тянь-Шане так сами по себе камни не стояли. Кажется, его недавно отделили от горы. Не для того ли, чтобы поставить дзот? Если там дзот, значит, надо про запас еще гранату взять...

Сергей достал из кармана письмо и удивился, как вздрагивают его пальцы. Чолпонбай весело взглянул на друга:

— А если дзот и слева?.. — И тут увидел в руке Дервянкина треугольник. — Письмо получили? — быстро спросил он.

Сергей вздрогнул.

— Нет, это давнишнее, — и рука, чуть задев гвардейский значок, быстро опустила письмо обратно в карман.

— Как у вас на солнце значок блестит...

— А мне кажется, у тебя лучше. Ведь он особенный.

Чолпонбай заулыбался, он вспомнил, как вручали ему значок. Такое бывает раз в жизни и запоминается навсегда.

...Командир полка, преклонив колени, губами прикоснулся к багрецу знамени. Потом член Военного совета фронта спросил у него:

— Кто самый храбрый в полку?

Стало так тихо, что слышно было, как шумит листва, как волна набегает на берег. Подполковник Казакевич внимательно оглядел строй.

Горохов. Антопов. Герман. Захарин... Он знал их — отличные бойцы,

Глаза скользили по лицам, и трудно было выбрать, определить храбрейшего из храбрых.

Дервянкин... Но он же не в нашем полку, он, так сказать, придан дивизии, «дивизионке», он — «Красноармейское слово». Зоркий, внимательный, правдивый человек. И

смельчак. А его корреспонденции о бойцах дивизии? Они как награда для отличившихся, как призыв для тех, кто еще не успел показать себя в боях.

Черновол, Бениашвили, Гилязетдинов...

— Рядовой Тулебердиев, товарищ член Военного совета!— сказал командир полка.

— Он в строю? Я хочу вручить гвардейский значок первому среди храбрецов.— И член Военного совета показал значок. Он блеснул на солнце, словно звездочка Героя, и Чолпонбай замер, не веря, что его отличили... Может ли быть выше честь, когда тебя перед такими бывальными называют героем?..

— Рядовой Тулебердиев, выйти из строя!

Член Военного совета подошел к нему, обнял и сам прикрепил к его гимнастерке значок. Потом крепко пожал руку.

— Служу Советскому Союзу!— твердо ответил Чолпонбай.

— Вы комсомолец, товарищ Тулебердиев?

— Нет.

— А комсомол гордился бы таким. Я читал о ваших подвигах в дивизионной газете. Думаю, что вы достойны стать членом Ленинского комсомола.

Чолпонбай и сам давно об этом мечтал. В тот же день он и еще несколько солдат подали заявления секретарю комсомольской организации.

Перед этим Тулебердиев разыскал Сергея в редакционной машине и попросил:

— Напишите образец заявления, а я перепишу. Захарин говорит, чтобы я по-киргизски писал: мол, все равно поймут... Я ведь вступаю в Ленинский комсомол и хочу сказать об этом по-русски, как Ленин. А если ошибки будут — некрасиво. По-русски я говорю, вы даже сами сказали, хорошо, а вот писать не научился.

Конечно, Деревянкин выполнил просьбу друга.

Пятого августа состоялось комсомольское собрание роты. Оно проходило в лесу. Сначала рассмотрели заявления украинца Остапа Черновола, грузина Серго Метервели, татарина Гайфулы Гилязетдинова. Все они были единогласно приняты в ряды Всесоюзного Ленинского комсомола.

Когда очередь дошла до Тулебердиева, он уже стоял павытяжку, сжимая автомат. Слушая клятвы однополчан,

он думал о том, что завтра каждое слово должно подтвердиться делом.

Он — сын Киргизии — знал одно: Родина должна быть свободной! Свободной во что бы то ни стало! Чтобы добиться этого, нет надобности произносить громкие слова. Просто нужно очень любить Родину и, если потребуется, без колебаний отдать за нее жизнь.

Чолпонбай стоял навтыжку, сжимая автомат. Ему казалось, что он заслужил право на вступление в комсомол, ведь перед строем ему первому вручили гвардейский значок, его при всех называли храбрым, во всеуслышание сказали, что он достоин. И все-таки волновался, когда произносил заветные слова:

— Клянусь, товарищи, что не подведу вас. Вся моя жизнь до последнего дыхания принадлежит Родине!

— Кто за? — спросил комсорг.

И руки всех в едином порыве взметнулись над головами.

— Единогласно!

— Поздравляю, гвардеец Тулсбердиев! Вы припята. Вы — комсомолец!..

Своей радостью Чолпонбай поспешил поделиться с родными: в тот же день послал письмо брату Токошу и своей любимой девушке.

«Милая Гюльнар! Радость моя, надежда, мой свет! Я давно не писал тебе: на войне человек себе не принадлежит. Идут жаркие бои. Ребята измотались. Мало спим, мало отдыхаем. Но я, милая Гюльнар, держусь стойко. Твои письма, твоя любовь согревают меня. Сегодня большой праздник, великий день! Можешь поздравить — я комсомолец. Сбылось то, о чем давно мечтал. Теперь буду драться за троих: за тебя, за комсомол, за себя. Мы остановили фашиста, не пускаем его дальше. И не пустим. Вся рота дала клятву — не отступать ни на шаг. Будем идти только вперед. Поклялся и я перед друзьями.

...Скоро в бой пойдем. Очень хочется получить твое письмо. А еще больше — увидеть твои глаза, погладить твои шелковистые косички...»

Это было вчера, а кажется, что давно. Ведь порой годы кажутся короче дня, а день от рассвета до первых вечерних звезд — бесконечным. Чолпонбай подумал: позади

осталась такая огромная жизнь, что даже воспоминаний — от вручения гвардейских значков до принятия в комсомол — хватило бы на всю жизнь. Как же она прекрасна, жизнь, если дала мне, Чоке, так много, если таким волнением потрясает душу. Чем отплатить за все?

— Знаешь, Чоке, — Сергей заговорил так тихо, что Чолпонбай пасторожился: примерно так говорил Деревянкин, когда они хоронили друзей, павших смертью храбрых. Но сейчас оба были целы и невредимы. Их группа, в которой Чолпонбай был одиннадцатым, завтра перед рассветом должна переправиться через Дон и овладеть Меловой горой. Завтра, но отчего же сегодня с такой грустью заговорил Сергей. Да и, честно говоря, весь сегодняшний день он старался быть рядом со мной, хотя надо было отнести материал в редакцию для завтрашнего номера газеты. А уже вечерет. Солнце спряталось за горизонт, а он со мной. И как-то странно, печально смотрит. Вот он снова расстегивает карман, достает конверт, протягивает его:

— Возьми себя в руки, Чоке, не волнуйся. Ведь завтра бой. Я буду в третьей штурмовой группе. Всякое может случиться, тогда некому будет тебе все это сказать...

Еще ничего не подозревая, Чолпонбай взял письмо, начал быстро читать. Буквы расплывались перед глазами.

«Токош погиб, Токош...» — звенело в голове. Будто обручем стиснуло виски.

Потом Чолпонбай несколько секунд молчал и вдруг...

Сергей вадрогнул, когда увидел, как Чоке, втянув голову в плечи, как мальчишка заплакал навзрыд, захлебываясь. Деревянкин ожидал всего, но только не этого.

Сергей даже растерялся вначале. Но, собрав волю, как перед атакой, сурово сказал:

— Чоке! Стыдись перед памятью Токоша! Ему не нужны наши слезы. Токош требует мести. Ты слышишь меня? Мести в яростном бою!

Да, Чоке уже слышал. Перед его мысленным взором, как в кинокадрах, проносились один за другим дни детства и юношества, проведенные вместе с Токошем. Где-то вдали возникали и тут же улетучивались куда-то горы, кони, скачки, школа, сокол... И всюду лицо Токоша. Скорее бы ночь, скорее бы переправа, бой...

Фронтальная ночь... Оба берега Дона будто ближе придвинулись друг к другу, оба настороженно слушают тишину. Догадываются ли фашисты, что будет предпринято этой ночью? Или, может, сами готовятся к наступлению, но выжидают, когда тьма станет совсем непроходимой?

Поползли бойцы. Ловко орудуя локтями командир роты связи Горохов. Рядом бесшумный Герман... «Эх, оказался бы тут и Сергей, — думает Чолпонбай. — Был всю жизнь, кажется, рядом, а тут посыльный... Из штаба дивизии срочно вызвали. Только и оставил он эти две гранаты...»

Неожиданно раздался громкий всплеск на реке. Что это — рыба? Ну да, что ей война?.. Резвится.

Замерли. Слышно, волна о камень ударилась. Кузнечики мирно трещат... Снова поползли. Вот уже и берег... Лозняк... Спят камыши. Сонно шепчется с берегом река, бормочет что-то...

Подтащили лодку. Теперь надо окопаться, врыться на случай, если ракета взлетит в небо...

Лодку спрятали надежно: в трех шагах не увидишь. Может, и не окапываться? Нет, Горохов сказал — надо. Только тихо, чтобы лопата не звякнула о какой-нибудь камень или осколок... Фу ты, черт. Так и есть. Напоролся на железяку. Хорошо, что не резко начал. Осторожней... Ведь ты почти не слышишь, как окапываются другие рядом.

Стоп! Забри!

Невысоко взвилась ракета, пущенная с того берега.

Мертвенный свет ее, как на гравюре, вырвал лезвие Дона, ножные берегов, отороченные камышом и лозняком. И снова тьма: сразу после ракеты ничего не видно...

Бойцы продолжали вгрызаться в землю.

— Тулебердиев!

— Слушаю, товарищ старший лейтенант.

— Герман и ваша четверка...

Голос смолк; загорелась новая ракета.

Горохов склонился головой к земле.

— Ваша четверка с Германом, — продолжал он, не ожидая, пока погаснет ракета, — все в плаву. Ты говорил, Чолпонбай, что отличный пловец. Пойдешь замыкающим. На всякий случай... Ясно? И входи в воду сразу за лодкой!

— Все ясно, товарищ старший лейтенант.

Горохов развернулся и пополз к другому неглубокому окопчику, около которого в камышах спрятали лодку.

Рассыпая искры, с Меловой горы опять взмыла вверх ракета...

Когда она погасла, Горохов и пятеро солдат были уже в лодке. Оттолкнулись. Только начали выбираться из камышей, как противник снова осветил местность.

Замерли. Опять не видно ничего, хоть глаз коли.

Наконец неслышно ушла в темноту первая лодка.

Сапоги Чолпонбая сперва слегка увязали в глинистом пологом берегу, потом он почувствовал гальку. Дальше от берега, на глубине грунт становился тверже. Холодная вода несколько успокоила. Вот она уже по пояс, по грудь. Чоке решительно оттолкнулся ногами и, ведя одной рукой плотик, поверх которого лежало оружие и гранаты, поплыл замыкающим.

Сразу же почувствовал течение. Но всех заранее предупреждали об этом. Не зря и переправу начали так, чтобы постепенно течением снесло всех к устью Орлиного лога, как раз напротив Меловой горы, туда, где самое удобное место, чтобы причалить и выбраться.

Течение крепчало. Недвижимый с виду Дон упруго и властно тянул плывущих по течению. Какими медленными кажутся взмахи рук, как тяжело ногам в сапогах, каким бесконечным чудится окутанный тьмой и туманом водный простор, несущий тебя в неизвестность...

Лодки не видно. Не слышно весел. Хорошо, что так темно! Скоро и середина. И вдруг — ракета!

На левом берегу командир полка схватил телефонную трубку.

Артиллеристы замерли у орудий, стоявших наготове. Снаряды в стволах. Минометчики ждут приказа. Пулеметчики держатся за рукоятки: большие пальцы легли на гашетки...

Это на случай, если наших заметят! Тогда надо будет прикрывать их огнем.

Струйка холодного пота побежала по лицу командира полка. Оттуда, с той точки, которую надо взять, развернется или не развернется наше наступление на Острогжск, Белгород, Харьков? Все зависит сейчас от горстки храбрецов, тех, кто с Гороховым. От этих одиннадцати. И, в определенной степени, от случая, черт возьми!

Как долго висит эта проклятая ракета...

Подполковник Казакевич не заметил и сам, как близко поднес к губам телефонную трубку, как рука его застыла да и все тело окаменело от напряжения. Нет, лучше плыть вместе со всеми, чем вот так стоять и чувствовать, что ты бессилен. Да, да, бессилен опередить события, хотя, кажется, сделал все, чтобы их предугадать...

Наконец ракета погасла...

Командир полка устало вытер вспотевший лоб.

...Плыть становилось все труднее, темнота и туман рассеивались медленно. Чолпонбай услышал тревожный шепот:

— Ногу... судорогой свело.

Это Герман. Чолпонбай молча подсунул свое плечо под руку взводного.

Он и сам ослабел: пловец был плавильный. Но случившееся с командиром придавало ему сил.

— Скоро доплывем, — успокаивающе ответил Чолпонбай, а сам, переложив оружие Германа на свой плотик, напрягся еще больше, чтобы не отстать от передних.

И в этот самый момент плотик вдруг накренился. Тулебердиев успел схватить автомат и гранаты, патроны ушли под воду. Теперь их осталось немного — только в диске автомата. Досада охватила рядового, но он сдерживал себя и успокаивающе говорил Герману:

— Скоро доплывем. Теперь скоро.

Забрезжил рассвет. Берег совсем близко.

«А если не открывают огня потому, что заметили и ждут: надеются наверняка расстрелять в упор, как только выйдем на берег? — невольно подумалось Чолпонбаю. — Все может быть».

Послышался всплеск в камышах! Рыба или засада?

— Щука! — шепнул взводный.

«Сколько же еще плыть?» — спросил сам себя Чолпонбай. И тут ноги нащупали твердую почву, гальку. Потом пошел глинистый пологий берег. Герман помог вытащить лодку. Вот все они, на ходу затягивая ремни, с патронными и гранатными сумками, сжимая в руках автоматы, выбрались из воды и залегли.

Оружие наготове.

Мокрые с головы до ног. Надо бы разуться, вылить воду из сапог да и глину счистить. Но время жмет.

— Напоминаю, — говорит командир роты. — Группа Захарина идет слева. Группа Бениашвили — справа. Гер-

мап и Тулебердиев со мной. Пойдем прямо по склону Меловой.

Молча проводили четверку, точно канувшую в туманную мглу Орлиного лога. Не слышно ни шагов, ни звона оружия.

Другая четверка скользнула по берегу вправо.

Горохов кивнул и первым двинулся к еще зыбким в утренних сумерках выступам Меловой горы.

Ползли по склону.

Покрытые глиной сапоги скользили.

Призрачно надвигался второй выступ, в который врос дзот.

Почему-то кажется, что он вот-вот вместе с выступом сорвется с горы и покатится вниз, сорвет крадущихся, карабкающихся людей — и все пропало...

Выше... Еще выше... Дзот совсем близко. Сто метров, девяносто, семьдесят...

Как тихо. Неладно что-то... Неужели не видят? Шестьдесят метров... И опять ни звука.

Пятьдесят... А, дьявол!..

Оступился, покатился вниз Горохов. Все быстрее и быстрее. Подсек Германа. Это уже совсем плохо.

Какой страшный шум!

Подавшись вперед, напружинившись, Чолпонбай раскинул руки, словно бы врос в камень. Сам стал камнем, но удержал товарищей.

Замер. Тишина вокруг. Услышали? Нет. Потом подставил плечо Горохову. Тот вскарабкался и потянулся к выступу. За ним и Герман: Горохов подал ему руку, подтащил к себе.

Чолпонбай махнул им, давая понять, что справится сам, чтобы его не ждали. Пока он помогал Горохову, пока подсаживал Германа, сумел лучше рассмотреть то, что видел вчера в бинокль с той стороны.

Цепляясь каблуками за выемки, опираясь о корневища, он выбрался на выступ. Рядом Горохов и Герман. Отсюда — вверх, по козьей тропке. Вот уже и амбразура — видна щель. А может, и правда наблюдают? Молчат только. Почему?

Горохов глазами дал понять Герману, чтобы он оставался с гранатами здесь, сам он с Чолпонбаем неслышно проскользнул в открытую дверь дзота...

На левом берегу командир полка не отводил бинокля

от глаз. Он видел группу Горохова, видел, как она поднялась до самого дзота и... будто пропала... Шли секунды, минуты... Если все в порядке, если этот дзот будет обезврежен, то кто-то из них должен дать условный сигнал.

Но не видно ни Германа, ни Тулебердиева, ни самого Горохова. Неужели погибли?..

Совсем рассвело. Надо начинать переправу. Теперь все зависело от того, поднимет ли трижды оружие над головой Горохов.

Казакевич долго и напряженно ждал сигнала и все-таки упустил мгновение, когда, выйдя из-за дзота, Горохов трижды поднял над головой автомат.

Самая опасная точка больше не существует! Можно начать переправу.

Командир полка снова схватился за телефонную трубку.

— Нача...

И не договорил.

Показалось, что над самым ухом застрочил пулемет. Он бил с крайнего выступа Меловой горы. Бил оттуда, откуда его не ждали.

Не зря показалось вчера Чолпонбаю подозрительным расположение камня. Дзот контролировал огнем и реку, и подходы к Меловой горе, и подступы к уже обезвреженному дзоту.

Сейчас пулемет бьет по ним и каждую секунду может перенести удар на тех, кто начал форсировать реку. Переправа будет сорвана, если дзот останется жить.

— Справа обойти придется, — прикрикнул Герман.

— Да, надо в обход! — крикнул Горохов. — Но сколько времени потерлем? Сорвем переправу, если не заткнем ему глотку!

Чолпонбай тронул старшего лейтенанта за рукав и попросил так, словно речь шла не о нем, не о его жизни, а о чем-то постороннем, именно попросил:

— Разрешите мне напрямик?

— Напрямик? — Горохов даже протянул его слово: напрямик — значит, верная смерть, верная, даже вдали от дзота. Тут шансов нет и одного из десяти. Может, даже из сотни.

— Да, напрямик, — уже требовал Чолпонбай. — А вы оба бегом в обход. Иначе сорвется переправа. Если даже я

не сумею что-либо сделать, то хоть отвлеку на себя внимание противника. А вы за это время...

И тут Чолпонбай трижды поднял над собой автомат: как бы продублировал условленный сигнал.

— Давай, дружище! Вот тебе гранаты,— Горохов протянул свои.

— У меня есть дареные. От политрука Деревянкина...

Горохов обнял солдата. Чолпонбай быстро, как кошка, пополз на меловую кручу. Горохов и Герман устремились по каменной террасе в обход, чтобы с двух сторон блокировать этот злополучный, бог знает откуда появившийся дзот.

Глина, налипшая на подошвы у берега, отлетела, и стало удобнее опираться носками и каблуками сапог о выемки и расщелины в известняке. Тело стало легким, будто не было трудной переправы вплавь, не было подъема, не было рукопашной схватки в первом дзоте. Все началось сначала.

Он не замечал, что небо розовеет. Не мог оглянуться и увидеть белый маскхалат редющего тумана, который утром скрывал от врага наши войска, уже готовые начать переправу. Чолпонбай знал, что она должна начаться сразу же, как только замолчит пулемет дзота.

Ступенька, карниз, еще ступенька. Вот и амбразура. Сколько до нее? Метров пятнадцать? Нет, пожалуй, больше.

Показался ствол пулемета: бьет непрерывно, точно задыхается от злобы...

Так, теперь надо осмотреться еще раз. Слева не подобраться: кручи. Справа — тоже кручи... И выступ этот с дзотом, как огромный кулак, который занесен над теми, кто скоро начнет переправу.

Путь к дзоту только один, как и говорил Горохову: напрямик, к амбразуре. Другой дороги нет.

И, пытаясь заткнуть эту щель, прямо в амбразуру бросил Чолпонбай гранату.

В ту же секунду ствол пулемета, изрыгающий пламя и сталь, переместился сантиметров на пятнадцать — двадцать. — Граната, ударившись о него, отлетела, покатилась и взорвалась неподалеку от Чолпонбая. Осколки известняка просвистели у самых ушей. Меловая пыль покрыла вторую, последнюю гранату. Он посмотрел на нее с надеждой, зачем-то вытер, перевел взгляд на дзот и перебросил через

него эту последнюю гранату, рассчитывая, что она взорвется у входа.

Грохнул взрыв. Но пулемет не прекратил огня.

Рывками Чолпопбай пополз вперед... Все выше и ближе к дзоту. Метр, два, три, пять... Вот он уже на площадке, в мертвом пространстве: ни пулемет, ни автомат из дзота достать его не могут. Стебли травы побагровели от крови.

Пошатываясь, встал, сделал несколько перовных шагов.

Из дзота снова ударил автомат...

С нашего берега командир полка в бинокль видит, как Чолпопбай упал метрах в пяти от дзота.

— Погиб! — не в силах оторвать глаз от лежащего тела, говорит он, ни к кому не обращаясь.

— Погиб! — едва пошевелил губами комиссар.

И тут все увидели: гвардии рядовой Тулебердиев сначала прополз немного вперед, потом привстал и решительно бросился грудью на огненную струю...

Пулемет захлебнулся, умолк. Русское «ура» — грозное, неумолимое, как возмездие, — потрясло берега реки.

Донскую землю захлестнули мощные волны не первой и не последней атаки...

8 августа Совинформбюро коротко, без каких-либо подробностей сообщило о том, что южнее Воронежа наши части форсировали Дон. «Советские бойцы заняли два крупных населенных пункта. Бои идут на улицах нескольких других населенных пунктов...»

А чуть позже с этого плацдарма войска Воронежского фронта развернули широкое наступление на Острогожск, Белгород, Харьков...

* * *

Уже много лет в километре от деревни Селявное Давыдовского района Воронежской области на высоком холмистом берегу реки высится белокаменный обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. На нем начертаны слова: «Герой Советского Союза Чолпопбай Тулебердиев. Погиб 6-VIII-1942 г.»

Обелиск стоит на возвышении. Он виден на много верст вокруг. А внизу размеренно и плавно несет свои воды тихий Дон — река, много повидавшая на веку.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВИГ, ОТЛИТЫЙ В СТРОКИ	7
РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК	121
НЕ ПЕРВАЯ АҢАКА	209

СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ БОРЗУНОВ

ПОДВИГ, ОТЛИТЫЙ В СТРОКИ

Повести о журналистах

Редактор Л. Костина

Художник Е. Скрынников

Художественный редактор Б. Мокин

Технический редактор Ф. Румянцова

Корректоры О. Галева, М. Стрѣга

Сдано в набор 12/XII—1973 г. Подписано к печати 12/IV—1974 г. А07431.
Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л.
13,57. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2235. Цена 66 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

Набрано и сматрицировано в Саратовском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59. Отпечатано с матриц на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.